

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Кафедра философии и общественных наук

ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Монография

Под общей реакцией А.А. Краузе

Пермь
ПГГПУ
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Кафедра философии и общественных наук

ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Монография

Под общей реакцией А.А. Краузе

Пермь
ПГГПУ
2019

УДК 001
ББК Ю225
В 925

Рецензент:

д-р филос. наук, профессор социологии ПНИПУ *С.П. Парамонова*

Авторы:

канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии и общественных наук ПГГПУ
А.А. Краузе (предисловие, глава 1, заключение);

канд. ист. наук, доцент кафедры философии и общественных наук ПГГПУ
В.А. Порозов (глава 2);

канд. ист. наук, доцент кафедры философии и общественных наук ПГГПУ
А.В. Шишигин (глава 3);

д-р пед. наук профессор кафедры экономики ПГГПУ *А.П. Андруник (глава 4);*

канд. ист. наук, доцент кафедры философии и общественных наук ПГГПУ
В.Р. Шаяхметова (глава 5);

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой правовых дисциплин и методики преподавания права
ПГГПУ *В.К. Довгяло (глава 6)*

Вызовы цивилизационного развития: социально-гуманитарное
В 925 исследование : моногр. / А.А. Краузе, В.А. Порозов, А.В. Шишигин,
А.П. Андруник, В.Р. Шаяхметова, В.К. Довгяло ; под общ. ред.
А.А. Краузе; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2020. – 137 с.

ISBN 978-5-907287-37-2

В монографии «Вызовы цивилизационного развития: социально-гуманитарное исследование» представлен анализ направлений развития современного социально-гуманитарного знания в контексте глобальных проблем и вызовов современности и его значение в общественной практике. Тематика монографии охватывает проблемы информационных, духовных, образовательных, управленческих и правовых процессов социальной динамики.

УДК 001
ББК Ю225

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-907287-37-2

© Краузе А.А., Порозов В.А., Шишигин А.В.,
Андруник А.П., Шаяхметова В.Р., В.К. Довгяло, 2020
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА (<i>Краузе А.А.</i>).....	4
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (<i>Краузе А.А.</i>)..	6
Глава 2. СУБЪЕКТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА (<i>Порозов В.А.</i>).....	27
Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА. КРИТИКА КОНЦЕПТА СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (<i>Шилигин А.В.</i>).....	52
Глава 4. СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД (<i>Андруник А.П.</i>).....	73
Глава 5. ВОЗМОЖНОСТИ «ЦИФРОВОЙ» ЭКОНОМИКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТНОГО СМЫСЛА ОБРАЗОВАНИЯ (<i>Шаяхметова В.Р.</i>).....	104
Глава 6. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ (<i>Довгяло В.К.</i>).....	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Краузе А.А.</i>).....	135

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В предлагаемой монографии рассматриваются вызовы цивилизационного развития в последние два десятка лет. В современных реалиях социальное развитие представляется не просто поверхностным сканированием встраивания субъекта в социальный дискурс, а полем самостоятельных значений, которыми обусловлена ежедневная практика субъектов. Авторы выделяют основные аспекты, раскрывающие природу и специфику «современного цивилизационного развития в контексте субъектных отношений», а также содержание и перспективы его существования как социально-цифрового дискурса.

Цель этой книги – представить обзор направлений развития современного социально-гуманитарного знания в контексте глобальных проблем и вызовов современности, дать анализ значения социально-гуманитарного знания в современной общественной практике.

Работа ценна не только культурой обобщения, но и тем, что авторами создана широкая междисциплинарная программа исследования, соединившая социологические приемы и методы с современной философской методологией, что способствует выявлению в общественном сознании причастности к инновациям, ценностям и традициям.

Основу авторского коллектива составили преподаватели и сотрудники Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Монографию отличает междисциплинарный подход. Среди ее авторов – философы, социологи, историки, правоведы, педагоги. Глава книги «Социально-философский анализ проблемы субъекта в постиндустриальном обществе» написана кандидатом философских наук, доцентом Краузе Александрой Анатольевной. Авторы глав: «Субъектный компонент цивилизационного процесса» – кандидат исторических наук, доцент Порозов Владимир Александрович; «Социальная идентичность субъекта. Критика

концепта социологии и социальной психологии» – кандидат социологических наук, доцент Шишигин Андрей Владиславович; «Системно-векторное управление персоналом: субъект-субъектный подход» – доктор педагогических наук, профессор Андруник Андрей Петрович; «Возможности «цифровой» экономики в определении субъектного смысла образования» – кандидат исторических наук, доцент Шаяхметова Венера Рюзальевна; «Формирование современной субъектности в контексте семейного образования: организационно-правовые аспекты» – кандидат исторических наук, доцент Довгяло Валерий Казимирович.

Думается, монография будет востребована специалистами и всеми, кто интересуется проблемами общественного развития, поскольку она не является фрагментарным описанием и характеристикой различных его уровней, а представляет собой целостную картину основополагающих процессов.

А.А. Краузе

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Человек как субъект актуален своей эпохе. Гегемония классического философского концепта субъекта как агента познания дополнилась такими уточняющими научными и общеупотребительными феноменами, как субъект права, субъект морали, субъект политики, субъект социального действия, идеологии, власти, потребления и т.д. Таким образом, концепт субъекта шагнул за пределы философской гносеологии и эпистемологии и предполагает теперь более широкую трактовку и использование.

В то же время для создания полифонии современной субъектности философский концепт субъекта, воспроизводимый как «осознание себя», в прямом смысле слова остается современным. Не перестает быть актуальным и вопрос, насколько человек обнаруживает в себе то, что он субъект новой реальности. В классической философии субъект всегда рассматривается через противопоставление объекту. Но поскольку объект для современного социального дискурса потерял свое фундаментальное физическое воплощение, как и природа в целом, а также распался на более утилитарные, социально-локальные формы, то субъект выведен из данного противопоставления. Он теперь характеризуется не столько субъектом сознания, сколько явлением, способным проявлять такие характеристики, как вовлеченность, личная ответственность и выбор.

Современный концепт субъекта включает в себя процесс идентификации, посредством которого формируется социальная, профессиональная и иная позиция вовлеченности человека в окружающий его мир. В этом концепте он сам для себя становится объектом и в то же время модератором социального дискурса, определяя и упорядочивая то, что для него лично значимо. Личное в субъекте М. Фуко [24] называет накопленными частностями и индивидуальностью, которые позволяют фиксировать «вживление» субъекта в объект. В постиндустриальном концепте субъектности общественная повестка, требующая коллективного решения, становится предметом личной

ответственности, а роль субъекта выходит за границы формального, устоявшегося и общепринятого.

Вопрос об интеграции коллективного и индивидуального в процессе принятия индивидом субъектной позиции имеет разноуровневые решения. Современная философия рассматривает субъект без универсальных посылок, как конкретно-историческую субъектность-субъективность, детерминированную частным социально-культурным опытом. Современные парадигмы субъекта вызваны реакцией на модерн с его всеобщими ценностями, универсальными законами, системным подходом, научной методологией и обусловлены иррациональным, индивидуализированным подходом к социальной реальности. Рационалистическая парадигма уверенно претендовала на идею субъекта социального действия, доведенную до полного созревания. Высшим проявлением субъектности, по замыслу Э. Дюркгейма [10], должна была стать «органическая» солидарность, снижающая проблемы и риски существования всего сообщества. Но, как оказалось, «дозревание» субъекта с позиций социальной деятельности было обречено на кризис.

Первыми на эту проблему обратили внимание философы психоанализа, которые сущностной основой человека рассматривали сферу бессознательного. Отождествление понятий «коллективное» и «бессознательное», представление о них как о низшем проявлении психического, присущее «толпе», исключало бессознательное из определения субъекта. Только с появлением работ З. Фрейда бессознательное стало применимо в раскрытии сущности субъекта. В философии Фрейда субъект приобрел социально-культурную идентичность и распался на две формы – коллективную и индивидуальную. Вытеснение и ограничение сферы либидо, отказ от наслаждения и подчинение «реальности» (см. работу «Тотем и Табу» [20]) обусловили необходимость встраивания сферы бессознательного в концепт субъекта социального действия. В то же время стремление свести общественную коммуникацию к индивидуальной психологии, сужение рамок бессознательного до сексуального влечения и ограничение психики субъекта категориями «замещение», «принуждение» и «внушение» в последующем привели к деформации феномена

бессознательного в исследовании природы субъекта и его влияния на общественную практику.

Началом исследования процесса приобретения индивидом статуса субъекта через сферу бессознательного можно считать труды А. Адлера. Посредством категорий «стремление к власти» и «чувство превосходства» Адлер объясняет бессознательные пласты субъектности, играющие роль включения, приобщения и сопричастности субъекта к реальности. Автор концепции различал «чувство неполноценности» и «комплекс неполноценности». В процессе становления человека субъектом «чувство неполноценности» и «комплекс неполноценности» выравниваются, превращая сферу бессознательного в сферу знания и деятельности субъекта [25, с. 138].

Начиная с работ К. Юнга, интегративный подход к субъекту становится методологическим основанием психоанализа. Приоритетным направлением в интерпретации субъекта становится социокультурный опыт человечества, лежащий в глубинах «Оно». В нем отражается сопричастность индивида и к себе, и к миру. В этой совокупности интроверсионных и экстраверсионных установок формируется новая форма субъекта – «самость». «Я выбираю термин самость, – отмечает Юнг, – для обозначения тотальности человека, тотальности суммы сознательного и бессознательного существования» [26, с. 100]. В концепте субъекта Юнга качественным основанием становится «коллективное бессознательное», понимаемое как богатейший социокультурный опыт, позволяющий субъекту пройти путь идентификации.

Поздние неофрейдисты, в частности Э. Фромм, проявление субъектного статуса индивидом рассматривают не только как идентификацию по отношению к социокультурному опыту прошлого своих предков, но и как формирование новых социокультурных практик. По мнению Фромма, «бессознательное представляет универсального человека, целостного человека, истоки которого в космосе. Оно представляет его прошлое, восходящее к заре человеческого существования, и его будущее, вплоть до того дня, когда природа гуманизируется, а человек натурализуется» [22, с. 350]. Под влиянием идей Э. Фромма появились два новых концепта субъекта: «социально-коллективно-бессознательный», своими корнями уходящий

в природную сущность индивида, опосредованный общественными нормами и стереотипами, и «социально-индивидуально-бессознательный», когда субъект не позволяет себе осознавать мысли и чувства, не совпадающие с принятыми в данной культуре образцами, и поэтому вынужден постоянно их вытеснять [23, с. 330]. В концепции Фромма субъект наделен социально-индивидуальным характером, не просто выражающим совокупность природных и социальных слоев психики индивида, а являющимся сверхобразованием, по значению бóльшим, чем «Оно» и «Я». Это сверхобразование становится сравнимо с понятием «самость» К. Юнга, а феномен «бессознательное» превращается в фундамент «социального характера» индивида, что позволяет в личностном контексте раскрыть механизмы субъектной практики индивида (к примеру, механизмы «продуктивной» и «непродуктивной» ориентации человека в мире).

Таким образом, можно констатировать: в психоаналитическом концепте субъекта социальная практика с трансцендентального основания смещается на уровень конкретно-личностного, на то, через что может проявить себя субъект. Осознание того, что человек «сам источник своих сил», что он является «возможностью для себя», выступает важнейшей сущностной характеристикой субъекта. В то же время следует отметить, что сохранение в концепте субъекта социальной практики исключает статичный подход к определению субъекта и позволяет формировать более широкую палитру его типологии. Так делает, к примеру, Рой Бхаскар, который полагает, что личностное, индивидуализированное начало субъекта укореняется в историческом бытии настолько, что воспроизводство общественных отношений происходит по большей части бессознательно. «Люди, – считает он, – в своей сознательной деятельности... бессознательно воспроизводят (и попутно преобразуют) структуры, направляющие их самостоятельные производства» [4, с. 228]. В связи с этим можно считать вопрос о типологии субъекта, в которой отражается системность и историчность бытия, неактуальным. Субъект становится предметом «контекста», в котором его практика рассматривается в ситуации обыденного, личного смысла, в случайном использовании того или иного контекста по отношению к чему-то внешнему, приобретая черты социально-бессознательного характера.

Социальная практика субъекта незаметно перевоплощается в процесс самоактуализации и воспринимается как программа личностного роста индивида, связанная с его самоидентификацией и самореализацией. Данный концепт субъекта становится одномерным, обусловленным психологически детерминированной реализацией собственных творческих возможностей, осознанием источников творчества, которые берут свое начало в психической сфере самого индивида и не зависят от внешнего мира. «Эти процессы подчиняются своим автономным правилам и законам, они изначально не соотнесены с внешней реальностью, не сформированы ею и не призваны оперировать ею» [15, с. 225].

Таким образом, следует учитывать, что контекстовый подход к концепту субъекта ведет к тому, что практика субъекта становится одномерной, субъект оказывается свободен от ответственности за качество социальных процессов, которые он обуславливает своими действиями. Общество как данность растворяется в крайне индивидуализированных формах субъектности, исключая порой нормы и правила всеобщее-коллективной коммуникации. Субъект начинает игнорировать систему общественных отношений и готов действовать исключительно на своем собственном уровне как автономная структура субъективности. Происходит отрицание всякой иной ценности, кроме ценности, установленной собственным «Я». Из этого следует, что данный концепт субъекта не может рассматриваться как самодостаточный, удовлетворяющий запросы современного общества. Более того, грань между тем, что является «себе во благо», и тем, что является «общественным благом», современный субъект проводит не с точки зрения физического и материального мира, когда перед ним могут стоять проблемы нужды, голода, войны и т. д., а с точки зрения того, что он должен брать на себя обязанность и ответственность, «отягчить свое существование постановкой себе же целей и задач» [7, с. 263].

Проблема индивидуального и коллективного в философии породила несколько подходов. В классической философии субъект рассматривается как абстракт, в котором отражено «единство всеобщего и существенного и субъективного хотения» [5, с. 37]. В постклассической философии

общественная сущность человека тотальна, следовательно, как само общество производит человека, так и он производит общество. Индивид есть общественное существо, поэтому всякое проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, является проявлением и утверждением общественной жизни [14]. Общественная сущность человека рассматривается как надбиологическое качество индивида. А само соотношение коллективного и индивидуального в проявлении этой сущности рассматривается в контексте экономической этики и политической борьбы, затрагивая переустройство общественной жизни, борьбу классов, распределение собственности и т. д. В целом и классическая, и постклассическая философия проблему соотношения коллективного и индивидуального не выводят за пределы всеобщее-исторического подхода и рассматривают феномен субъекта в разрезе всемирно-исторической практики, где субъект – движущая сила истории.

В неклассической философии идея субъекта детерминирована индивидуальностью, поскольку философы этого направления полагают, что всякое личностное начало в субъектности «обеспечивает целостность социального коллектива и целого общества, в которых многообразием реализации сущностных сил личности обеспечивается деятельность, необходимая обществу» [8, с. 136]. Более того, «реальный живой человек обладает гораздо более богатой гаммой потребностей, внутренних потенций, интересов, гораздо большим динамизмом мотивов и знаний, чем тот их обобщенный концентрат, который представляет собой групповое сознание и культуру» [Там же].

Таким образом, феномен субъекта рассматривается как область значений, включенных и во всеобщее-исторический, и в конкретно-исторический дискурсы. Единственного, универсального концепта субъекта быть не может. Субъект складывается от собственной направленности, которую индивид привносит в общественную практику. Субъект как всеобщее понятие становится условностью, поскольку в его концепт вторгается множество сопутствующих значений, привнесенных индивидом из собственного опыта. Такой подход позволяет более полно исследовать социальные области,

раздвигая узкие рамки всеобщего-исторического подхода, и наполнить социальное пространство множеством значений, позволяющих фиксировать противоречия и разрешение противоречий между различными концептами субъекта.

Вопрос о коллективном либо индивидуалистическом начале индивида перестает быть антагонистическим. Коллективное начало в индивиде всегда будет оставаться предпосылкой его социальности и субъектности, тогда как индивидуальность – собственный ресурс, социальная идентичность, предпосылка к осуществлению общественной практики. Главным образом, коллективное и индивидуальное рассматриваются с позиций становления социальной субъективности, с подключением категорий «идентичность», «группа», «рефлексивность». Субъект превращается в «источник своих сил» и в большей степени рассматривается как личность, чем как субъект действия. Под влиянием индивидуалистического детерминизма трансформируется феномен коллективного. Коллективное начинают рассматривать как общественное сознание, в конфигурациях: психология масс (З. Фрейд), архетип бессознательного (К. Юнг), феномен толпы (С. Московичи). Коллективное может рассматриваться и как неосознаваемое общественное значение личностной практики индивида, когда реализация личных целей и задач деятельности в одно и то же время воспроизводит и преобразует структуры общественной жизни. При этом самим субъектом не осознается, что он в это же время занимается нормативно-ценностным созиданием социального мира.

В зависимости от степени осознания индивидом своих коренных интересов, целей и задач в общественных процессах можно говорить о двух концептах субъектности: «социально-осознанном» и «социально-бессознательном». «Социально-осознанное» есть высокая степень осознания общественной необходимости в действиях субъекта, тогда как «социально-бессознательное» есть практика, направленная на преобразование социальных условий в стихийных, неорганизованных действиях субъекта, основанных на поверхностных, аморфных, обыденных представлениях о действительности. «Так люди вступают в брак не для того, чтобы воспроизвести нуклеарную семью, и работают не для того, чтобы поддержать жизнь капиталистического

хозяйства. И, тем не менее, семья и хозяйство оказываются ненамеренным последствием (и неизбежным результатом), равно как и необходимым условием их деятельности» [4, с. 228].

В таком случае полярность субъекта делает феномены «коллективное» и «индивидуальное» еще более сложно структурированными и переводит их в контекст субъективности. Л. Дюмон в «Эссе об индивидуализме» говорит об этом процессе как о конечном поиске истины человеком, «для чего он покидает социальный мир и его обязательства... Этот отказник самодостаточен, он озабочен только самим собой» [9, с. 35]. Однако неосознание своей многополярности, за которой скрывается не только индивидуализированный мир бытия, но и широкий спектр общественной жизни, не означает, что индивид не репрезентует социальную среду как субъект. Используя производственные и информационные технологии, осознанно или неосознанно он делает себя соучастниками глобальных, общечеловеческих, общемировых процессов. В интеграции с коллективным началом индивидуальная сущность субъекта становится своего рода общим благом. «Общее благо в социальном смысле выступает как состояние человека, как определенный тип его поведения, который порождает его внутреннюю удовлетворенность, санкцию его самосознания и вместе с тем совпадает с общими целями социума» [18, с. 121]. Общее благо как новая конфигурация коллективного становится своего рода трендом социальной жизни. На этот процесс оказывают влияние изменения в экономической и технологической структуре мира, что разрушает концепт автономии личности и одномерности субъекта, а главным современным критерием его построения делает жизнеспособность.

Современный тип субъекта опосредован потреблением информационных технологий. Как показывают многочисленные исследования, социальные трансформации и появление новых конфигураций субъектности происходят под влиянием изменений технологической структуры мира. Это связано прежде всего с возникновением новых неэкономических типов деятельности. Э. Тоффлер назвал данный процесс «постиндустриальной волной», характеризующейся снижением интереса к промышленной и сельскохозяйственной деятельности и окончанием эпохи великого перехода

к изменениям в условиях жизни человека. Важнейшим условием изменений становится фактор субъектности.

В условиях повышения производительности труда происходит сокращение числа промышленных рабочих и переход их в сферу нематериального производства [11, с. 171]. Новая ситуация требует иных компетенций и образовательного уровня, которые индивид не всегда может восполнить и воспроизвести. Отсюда, предполагает американский социолог П. Бергер, отличительной чертой современного общества «является длительный конфликт между двумя классами: старым средним классом (занятым производством и распределением товаров и материальных услуг) и новым средним классом (занятым производством и распределением символических знаний)» [3, с. 87]. Несмотря на напряженность, у них есть общие интересы и культура. Они не приемлют привилегии и заинтересованы в усилении роли государства, так как существование значительной части «класса людей знания» зависит от дотаций или жалованья, выплачиваемых правительством. Эта разноликая по социальному положению масса людей превращается в новую субъектную силу, ориентированную на «государство всеобщего благосостояния», и предъявляет претензии не к производственной структуре, а к распределительному механизму.

Социальный фактор становится критерием общественной жизни и обеспечивает глубокое понимание формирования новых конфигураций субъектности. Э. Левинас представляет этот новый концепт как «субъективность субъекта» [12]. В его значение вложена безграничная ответственность за других. Человек рассматривает свое субъектное бытие как необходимость. При этом требования к субъекту повышаются как со стороны общества, так и со стороны человека по отношению к себе. Необходимость довольно оперативно маневрировать в современных социальных реалиях требует от субъекта вовлеченности сразу в несколько типов отношений, что, по замечанию Тоффлера, сознательно или неосознанно приводит к построению отношений с другими людьми по функциональному принципу. В социально-психологическом аспекте эта проблема индивида и мира рассматривается по формуле «Я во всём и всё во мне», где интеграция в мир происходит при

условии включенности в него целостной личности, что является социальным достижением субъекта. Здесь «индивидуализация – это не только выделение индивида из общности, но и интеграция, включение в систему обеих связей и отношений, которые составляют содержательную основу его индивидуального бытия. Только в результате осознания своего места в обществе и своих взаимоотношений с другими людьми человек приходит к сознанию своей индивидуальности» [17, с. 41].

Включенность индивида в систему существующих социальных структур, обеспечение их воспроизведения и функционирования, где он находит способ выхода на что-то новое, персонализированное для себя, дающее обогащение общественной жизни, есть форма современной субъектности. Однако эта форма субъектности обусловлена стратегиями современной экономики и политики, под влиянием которых субъект получает образование, работу, безопасность, общественное признание, социальные гарантии, гражданские права и т. д. Для доступа ко всему перечисленному субъект вынужден включать в свою поведенческо-деятельностную модель овладение социально продвинутыми качествами, стыкующими его с социальной реальностью.

Другая проблема, связанная с технологическим дискурсом, – это функционально-потребительский подход к человеку. Взятый в данном аспекте субъект характеризуется большинством современных ученых как «модульный человек» [13, с. 111]. Философы видят в нем не субстрат, а практическую значимость, встроенность и мобильность применительно к современным реалиям. Они отмечают его функциональность, посредством чего отрицают доведенную до предела обобщения классическую субъектность. Классический субъект принадлежит к определенной культуре и является носителем ее установок и ценностей. Отсюда следует, что он не может взаимодействовать с другими людьми, сформированными в иной культуре, не может легко включиться по своему желанию в тот или иной социальный организм, тогда как модульный человек – это основа современного общества, одновременно индивидуалист и эгалитарист. Ему нужно защищенное общество [6, с. 240].

Модульность дает возможность выбора технологии социального дискурса по принципу эффективности. Данный тип субъектности не претендует

на целостность, он детерминирован функцией, посредством которой он вовлечен в общественную среду. Мир другого человека воспроизводится уже не как мир целостной личности, а как мир модулей, из числа которых мы выбираем для себя ту или иную конфигурацию. Кроме того, современный субъект все меньше и меньше имеет возможности быть свободным в поиске смыслов и идей, все больше погружается в ситуацию интерпретации. Во-первых, мы существуем за счет воспроизводства уже сложившихся до нас структур, институтов, смыслов и форм, где всякое настоящее в действительности оказывается лишь копией прошлого. Во-вторых, мы находимся в постоянном потоке информации, который рассчитан не на работу критического мышления, а на эмоциональное приобщение и интерпретацию его содержания. Для личностно-ориентированного человека встает проблема индивидуализированного существования, ему становится все труднее конкурировать с артефактами прошлого и современными информационными дискурсами, не повторяя их. Для модульного человека индивидуализация имеет не столь творческое значение, а является индивидуально взятой ответственностью за общее дело, конкретную ситуацию, принятые обязательства, все то, что реализуется субъективно.

Следует отметить, что технологические изменения общества приводят еще к одному новому проявлению субъектной сущности, когда опредмечивание своей индивидуальности индивид связывает не с материальным производством и культурой, а с производством отношений с другими людьми. Личный опыт, который приобретен в процессе этих отношений, рассматривается как ресурс, позволяющий решать широкий спектр общественных задач, а также являющийся достижением субъектной зрелости. Коммуникативный аспект современной субъектной ситуации требует большего социального выравнивания индивидов в плане выработки общих правил и благоприятных условий для социального и иных типов мобильности. Данный концепт субъектности отходит от приоритета культуры мышления в сторону культуры чувств и поведения, которые являются более эффективными инструментами адаптации к современному нестабильному и сложному миру. Социальная нагрузка, связанная с информационными технологиями, предопределяет

личностную направленность субъекта и современные трансформации в сторону возникновения «монокласса». Меняется суть вопроса о субъекте, и во главу угла ставится интеграция субъекта в группу, общество, окружающий мир. Сама же модель субъектности приобретает адаптационный характер.

Интеграция становится сутью программы социального развития индивида. В данном контексте интеграция может пониматься как приобщение индивида к общественным традициям и смыслам, а также социальному опыту и практике. Таким образом, интеграцию можно рассматривать как органическое взаимодействие всех компонентов социального бытия, среди которых ведущим является сам индивид и для которого конечная цель интеграции – «дать становление себе» как субъекту. Необходимой характеристикой новой формы субъектности, основанной на принципах интеграции и адаптации, становится способность индивида своевременно улавливать не только изменения и вызовы внешнего бытия, но и их запросы на субъектное содержание.

Идею субъекта, находящегося в поиске места в мире через интеграцию своих социальных практик, проработал М.К. Мамардашвили. В его представлении субъект исторически имеет три конфигурации «К». Эти субъектные модели выстроены в определенной последовательности. Первая модель «К» – Картезия (Декарта) – рассматривает мыслящего субъекта, уверенного в том, что ему и его действиям всегда есть место. Вторая модель «К» (Канта) указывает на субъекта, который может осмысленно совершить на опыте акты познания, морального действия, оценки и получить удовлетворение от поиска [13, с. 59]. Если в историческом бытии эти две модели не совпадают, иначе говоря, не интегрируют одна в другую, то возникает третья модель субъектности «К» (Кафки). Если первые две модели предполагали человека, познающего мир, стремящегося к истине, знающего добро и зло, то в третьей модели происходит антагонизация предыдущей субъектности, человек становится странным и неопишным, что нельзя рассматривать как отказ от мира людей и социальной жизни. Для данного человека характерен поиск новой моральной практики, выходящей за границы философии сознания субъекта и стремящейся к различным дискурсивным

воплощениям. Масштаб данного субъекта отнюдь не ограничивается проблемой возможности соединения внешнего мира и индивидуализированной жизни.

Появление интеграционного аспекта в исследовании субъекта связано также со складывающимся «новым мышлением» – «объективным стремлением человечества к общепланетарному взаимодействию, к взаимозависимости и культурному единству» [1, с. 10]. По представлению Г. Парсонса, планетарный человек осознает совокупность членов человеческого рода, который в процессе своего становления выделился биологически из породившей его материи литосферы, гидросферы и психически эволюционировал за пределы пралогического образа мышления. Только ему суждено стать собственно человеческим родом в планетарном масштабе [16, с. 245]. Согласно данной формулировке, интеграция относится не к какой-то частичной фиксации значения, а к всеобщему значению субъекта, ориентированного на формирование новой картины мира и появление новой, «человеческой», реальности. Практикой субъекта становится появление общества и государства, которые являются высшим достижением интеграции. Субъект оказывается во власти складывающихся внутриобщественных и внутригосударственных структур, которые ему предстоит бесконечно воспроизводить, создавая для себя действительность. Однако стремление индивида к собственному миру делает невозможным рассматривать вопрос интеграции без понимания в нем места и роли индивидуализации.

Индивидуализация – это не только выделение индивида из общности, но и интеграция, включение в систему обеих связей и тех отношений, которые составляют содержательную основу его индивидуального бытия. Только в результате осознания своего места в обществе и своих взаимоотношений с другими людьми человек приходит к сознанию своей индивидуальности» [17, с. 41]. Современная социальная действительность все больше раскрывается как социокультурное поле, в котором акценты смещаются на жизненный мир индивида. Для человека современной эпохи характерно поливариантное восприятие мира, в котором коммуникация рассматривается в интеграции с искусством, философией, экономикой, политикой, литературой

и производством. Именно индивид выступает как источник инноваций в социальной жизни, обозначая специфические мировоззренческие установки на мир.

Можно ли говорить о том, что «личностная» субъектность в конечном счете побеждает социальную? Под социальной субъектностью понимается выступление индивида в качестве носителя системы общественных отношений и деятельности. Здесь уместно привести пример Г.С. Батищева, который не видел противоречий между социальным и личностным, а, наоборот, исследовал их интеграцию через деятельность. Им было выделено три формы субъекта, в каждой из которых происходил процесс идентификации через определенную форму деятельности. Первая форма рассматривает субъекта как «суверенное миротворческое начало, первоисточник предметности: человек – свободный творец, чистая активность, которая сама по себе не предметна» [2, с. 90]. Вторая форма построена на антагонизме человека и природы, идеального и материального: «Человеческий индивид представляется здесь всецело погруженным во все подчиняющий нечеловеческий и противочеловеческий мир вещей-объектов, где нет и не может быть места для его подлинной суверенности в качестве субъекта-творца» [2, с. 80]. Третья форма отражает деятельную сущность человека, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, человеческую действительность. «Человек обретает себя... в процессе реального и идеального освоения природы и строительства культуры. Он постигает себя как всецело общественного, культурой образованного и деянием живущего наследника творца, как субъекта предметной деятельности» [2, с. 81].

В утверждении индивида как деятельностного существа происходит вместе с тем производство индивидом своей человеческой действительности. Происходит самоизменение, совпадающее с изменениями внешнего мира. Из этого процесса возникает культурно-исторический субъект, который, по выражению Г.С. Батищева, «есть не что иное, как тождество общественного человека и человека общности. Он не заточен в непосредственном бытии изолированного индивида, но и не стоит вне и над индивидами – он межиндивидуален» [Там же]. Таким образом, субъект не может построить

личностной субъектности вне идентификации себя с общим. В целом вызревание субъектности до необходимости собственного самоопределения и самосозидания детерминировано внешними стихийными причинами и вызовами, что дает все новые и новые форматы интеграции человека в мир и практику субъектности. Чем более интеграционный характер охватывает вертикальные социальные связи, делая индивида более универсальным субъектом, тем более расширяются инфраструктурные области интеграции (т.е. связи по горизонтали).

Здесь снимается вопрос об автономии субъекта. Индивид не может игнорировать тот факт, что для его целостности необходимы социальные связи. Эта необходимость ранее навязывалась социальными структурами, теперь же переходит в индивидуализированное субъектное состояние, поскольку современный человек потенциально способен самостоятельно в себе культивировать развитие ценностей социальной жизни. В этом тоже есть элемент индивидуализации бытия современного индивида. Основу субъектности теперь составляет индивидуалистическое поведение, через призму которого происходит прояснение, интерпретация, оценка и репрезентация внешнего мира и общих ценностей, но вместе с тем практическая жизнь людей не перестает быть всеобщей и объективной целью и средством развития человечества. Когда индивиды принимают общественные условия бытия – сопричастность включенность в общественную деятельность, то субъект побеждает дискретность своего отношения к миру. Бытие в деятельности является универсальным, всеобщим, существенным, единственно возможным способом человеческого бытия. Смена форм и типов деятельности обуславливает и смену типов субъектности.

В контексте деятельности феномен субъекта по-новому осознается в таких характеристиках, как ответственность за деятельность, обучение новым технологиям, функциональность, этичность, существование и трансформация в новую субъектность. Субъект остается неизменным, несмотря на попытки ввести «бессубъектность» и обойтись без феномена «субъект». Субъект продолжает играть определяющую роль в воспроизведении общественных отношений, но уже в формате индивидуализации социальных связей. Однако,

несмотря на нарастание процесса индивидуализации, наблюдается тенденция захвата свободной воли субъекта, практики его индивидуализированного создания ценностей, свободной интериоризации нормативов: все ставится под контроль информационно-коммуникативного пространства.

Современная информационно-коммуникативная среда, в первую очередь Интернет, с одной стороны, решает проблему интеграции человека в социальную группу, снимает проблему изоляции и неуверенности перед миром, с другой – отчуждает от индивида его личную свободу и приватность жизни. Под влиянием информационно-коммуникационной среды все более неопределенным и нестабильным становится место человека в мире. Теряются ориентиры в постановке проблемы смысла жизни, возникает чувство бессилия и ничтожности существования. Дополняет эту картину усиление внешнего опосредованного контроля над идентичностью, осознанным выбором и критичностью мышления.

Информационно-коммуникативная среда создает поверхностную иллюзию общности, групповой солидарности, на самом же деле усиливает дискретность субъектного существования индивида. Под ее влиянием происходит замещение когда-то индивидуализированно выработанных целей, правил, ценностей на сконструированные социальные дискурсы, которые воспринимаются им как собственные. Процесс индивидуализации становится контролируемым и направляемым этими социальными дискурсами. По замечанию Винсента Декомба, «работа по индивидуализации своей собственной жизни не является делом индивида», а становится делом общества [7, с. 263]. Приобретя право на участие во множестве общественных дискурсов, индивид окончательно потерял монополию на самого себя и практику самостоятельного формирования принципов индивидуального существования в мире. Это делает процесс индивидуализации условным, поскольку в нем субъект не может обрести подлинное самоопределение и свободу.

Многим все же кажется, что мы живем в индивидуализированном обществе, поскольку есть атрибуты, его характеризующие: выбор, самоопределение, самовыражение и т. д. Но этими категориями, представленными сами по себе, вряд ли можно проникнуть в глубину того, как

происходит идентификация личности. Вне социальной среды, ее правил и условий эти категории всего лишь абстракция. Конкретным смыслом их наполняет социальная действительность. К примеру, в последнее десятилетие большой интерес со стороны социальных групп вызывают гражданские права и безопасность индивида. Зачастую сам субъект не имеет намерений реализовать свою гражданскую субъектность в тех объемах и формах, которые предполагаются извне. Его субъектная позиция становится областью политической идентификации, контролируемой и осуществляемой общественными структурами и предлагаемой ему в готовой форме. Вместо критической работы мышления над сложившимися общественными противоречиями субъектная позиция сводится к выбору антагонистической стороны, умело подкладывающей тревожащую субъекта социальную повестку.

Новая субъектность интернет-пространства, с одной стороны, приобретает невиданные возможности для проявления своей индивидуальности, с другой стороны, она зависит от правил других субъектов этого сообщества. Можно ли в этом усматривать подлинную власть субъекта? Это скорее ситуация власти над субъектом. Утрачивается возможность спонтанной реализации сущностного «Я», важной составляющей которой являются добровольный союз, труд, творчество. «Спонтанное утверждение индивидуальности личности в то же время соединяет ее с людьми и природой» [21, с. 39]. Потребность в спонтанной самореализации может быть осознаваема и неосознаваема субъектом, но всегда выступает фундаментальным основанием в системе общественных отношений и практике индивида. Без этого базового основания индивидуализации процесс формирования индивидом субъектной позиции переходит на идеологические конструкты, под которые он неосознанно подстраивается. Индивид приобретает поверхностное ощущение уверенности, комфорта, приобщения, но все это определяется вне его интересов и желаний.

Это противоречие характеризует современное состояние мира. Очевидна ориентация всего мира, с одной стороны, на глобализацию и интеграцию, с другой – на децентрализацию и автономизацию. Наблюдается, с одной стороны, повышение социальной ответственности субъекта, с другой –

тенденция к обособлению личности и избеганию ею всякой ответственности. С одной стороны, провозглашается признание в общественной практике ценностей человека и человечества, «гуманизма», «свободы», «целостности личности», с другой – субъект к ним зачастую безотносителен. Для современного субъекта первичным становится то, что он чувствует по отношению к себе. Индивидуализация, осуществляемая по типу «отношения к себе», перевоплощает статус субъекта из объективного познания и существования в мире в субъективное существование. Собственная субъективность, собственное качество, собственное чувство становятся безусловным долженствованием. Однако, как было отмечено ранее, не всегда субъективность может рассматриваться подлинным выбором самого субъекта.

В случае с интернет-группой субъективизм индивида выступает как продукт навязывания императивов поведения и практик, которые субъект атрибутирует как собственные, обеспечивающие его свободу. Субъект утверждает в себе новые возможности, которые не являются ценностями, а выступают как технические характеристики, повышающие скорость и иные физические параметры работы. Объективно на выбор модели субъектности оказывают давление природные и социальные условия, которые осложнились разного рода кризисами, приобретающими глобальный характер. Столкновение с новой реальностью делает необходимой переориентацию субъектной позиции в сторону функциональности и возможности быть адаптированной к окружающей среде.

С этой точки зрения субъект теоретически и практически связан с феноменом физического мира, под который необходимо подстраиваться благодаря своеобразному складу ума, способу восприятия мира, многим другим способностям. Нестабильность и вызовы окружающей среды можно считать одним из факторов «консолидации» социальных групп и их субъектной позиции. Придерживаясь современного концепта «индивидуализации» («идти от самого себя», быть обязанным «самому себе»), субъект в то же время не может не принимать общие нормы как член группы. Когда он начинает их интериоризировать, они становятся его правами и личной потребностью. Независимо от степени осознания индивидом своей общественной сущности

следует признать, что всякое проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, осуществляемого совместно с другими, является проявлением социальной субъектной позиции, направленной на воспроизведение общественной жизни.

При очевидных позитивных тенденциях современного общественного развития необходимо учитывать скрытые негативные стороны, к примеру, подмену понятий «индивидуальность» и «индивидуализм». С одной стороны, для развития человеческой индивидуальности увеличивается материально-технический потенциал, возводятся в культ идеалы конкретной личности, индивидуализированный подход, траектория индивидуального развития, осуществляется переход от универсального к уникальному; с другой стороны, в практической жизни мы сталкиваемся с развитием крайнего индивидуализма. В отличие от индивидуальности, когда субъект причастен к общечеловеческой природе и исходит из того, что саморазвитие без «другого» невозможно, индивид, культивирующий в себе индивидуализм, нацелен на собственное удовлетворение потребностей, без учета общественного запроса, и в основном ориентирован на утилитарные ценности. В контексте утилитаризации ценностей современного социального дискурса происходит абсолютизация права индивида на производство и форматирование социальной реальности. «Что придумал, в том и живи», не соотнося свой концепт реальности с всеобщеродовым характером бытия.

Выведение субъекта из противопоставления объекту ведет к потере идентичности, а быстрая смена ценностей и их эклектичность формируют повседневность бытия без стремления к трансцендентальному. Следовательно, сущность субъекта по отношению к объективному миру иррационализируется и происходит деконструкция субъекта. Субъект как потенциальный носитель трансцендентальных ценностей подменяется субъективностью, для которой догма «у меня всегда должно быть по-другому, или я потеряю свободу» становится абсолютom.

Однако субъективизация и индивидуализация индивида не может ограничить всеобщие законы и он сам не может не ориентироваться на другого. Индивид телесен и социален, следовательно, общественная практика

и трансцендентальные ценности не становятся анахронизмами, как принято считать в постмодернистских моделях. В прежних социальных дискурсах индивид боролся с пренебрежением к человеческой индивидуальности. В основу же современного социального дискурса может быть положена идея взаимопроникающей связи между индивидом и социумом.

Выход за пределы себя – это не потеря сущности, а становление и реализация личности, основанные на интеграционном характере человеческой природы. Отсюда следует, что объектом противопоставления и противоречий становятся индивидуализм, отчужденность и автономность, из которых современный субъект должен быть выведен.

Список литературы

1. *Араб-Оглы Э.А.* Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 10–20.
2. *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.
3. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе) / пер. с англ. М.: Прогресс; Универс, 1994. 314 с.
4. *Бхаскар Р.* Общество и сфера смысла общества. М.: Прогресс, 1991.
5. *Гегель Г.-В.-Ф.* Философия истории // Гегель Г.-В.-Ф. Соч. М.: МГСЭИ, 1935. Т. 8.
6. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Мос. шк. полит. исслед., 2004.
7. *Декомб В.* Дополнение к субъекту. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
8. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Нов. шк., 1996.
9. *Дюмон Л.* Эссе об индивидуализме. Дубна: Феникс, 1997.
10. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
11. *Кан Г.* Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
12. *Левинас Э.* Избранное: Трудная свобода. М., 2004.
13. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11.
14. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1974. Т. 42. С. 80–93.
15. *Маслоу А.* Психология бытия. М., 1997.
16. *Парсонс Г.* Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985.
17. *Резвицкий И.И.* Личность, индивидуальность, общество. М.: Политиздат, 1984.

18. *Скворцов Л.В.* Объект истории и социальное самосознание (актуальные проблемы исторического материализма). М.: Политиздат, 1983.
19. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
20. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: ГИМП, 1924.
21. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
22. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
23. *Фромм Э.* Здоровое общество. М., 1995.
24. *Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
25. *Adler A.* Social interest // Individual Psychology of Alfred Adler. N.Y., 1956.
26. *Jung C.* Cj Psychology and religion. N.Y.: Yale Univ. Press, 1967. P. 100.

Глава 2. СУБЪЕКТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Цивилизационный подход к истории человеческого общества и анализу социальных процессов имеет немало приверженцев и, по-видимому, столько же недоброжелателей. Одной из причин неприятия является нечеткость определения понятия «цивилизация», разноречивость гуманитариев-цивилизационников, говорящих зачастую на разных языках как в прямом, так и в переносном смысле. Однако это не является основанием для отрицания самого понятия как отражения объективно существующих явлений и процессов. Так, при всей множественности определений культуры любой здравомыслящий человек в существовании этой самой культуры как сущностного явления и характеристики современного социума вряд ли усомнится. В самом же общем плане понятия «цивилизация» и «культура», как известно, совпадают.

Однако если речь идет о цивилизационном процессе, то имеется в виду прежде всего развитие цивилизаций локальных, на которые со всей очевидностью делится социум со времен утверждения характеристик, которые обычно и связываются с понятиями «цивилизация», «цивилизованность». Набор этих сущностных характеристик у разных исследователей различен, но есть частичные и даже полные совпадения. Так, общность языка признается лишь некоторыми цивилизационниками, а общность доминирующей религии – всеми. В любом случае цивилизационный подход к анализу общественных явлений имеет глубокую историческую традицию [4; 18; 20; 28], свой ряд классиков, к которым, в качестве основоположников, можно отнести В.Р. де Мирабо, А. Фергюсона, П.А. Гольбаха, Н.А. Буланже, Вольтера, Д. Дидро, К.А. Гельвеция, Ж.Л. Д'Аламбера, Ш.Л. Монтескье, А. Смита, в числе ведущих разработчиков – Ж.Ж. Руссо, Дж. Вико, И.Г. Гердера, Г.Т. Бокля, Г. Рюккерт, Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, как корифеев – Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби.

Определенную роль в развитии концепции сыграли труды Ф. Гегеля, Ф. Шлегеля, В.Й. Шеллинга, Новалиса, Ш. Фурье, К. Маркса, Ф. Энгельса,

Л.Г. Моргана, К.Н. Леонтьева, Э. Дюркгейма, В.Г. Чайлда, Ф. Бэбби, К. Квингли, В.Х. Макнила, М. Мелко, А.Л. Кребера, К.З. Лоренца, К. Доусона, И.М. Валлерстайна, Ш.Н. Айзенштадта, Л.Н. Гумилева, У. Росту, Дж. Белла. Наиболее известным в XX веке стал вклад в развитие цивилизационной теории М. Вебера, А. Вебера, П.А. Сорокина, К. Ясперса, С. Хантингтона. Попытки осмыслить развитие социума с цивилизационных позиций продолжаются и сегодня (Ю.Н. Харари, например).

Одним из вариантов перечня сущностных черт локальной цивилизации представляется следующий: природопользовательская и экономическая деятельность при наличии развитых ремесел/промышленности, городов и торговли, системы коммуникаций; государственная и правовая организация общества; религиозные воззрения, структурированные идеологические концепции, своеобразие менталитета человека; достижения науки, образования, литературы, искусства, фиксируемые в письменных памятниках и художественных произведениях. Свообразие этих черт и отличает одну цивилизацию от другой.

Следовательно, под цивилизацией (локальной цивилизацией) можно понимать социальный организм, конгломерат народов и государств в определенных территориальных и временных границах, имеющий полный набор этих сущностных цивилизационных признаков. Отличаясь по их своеобразию одна от другой, цивилизация (локальная цивилизация) является социальным организмом, конгломератом народов и государств, у которых общего больше, чем особенного, внутри данного организма, а особенного больше, чем общего, – в сравнении с другими подобными образованиями.

На сегодняшний день в текущем цивилизационном цикле (возможно, он не первый) с достаточной степенью определенности можно выделить такие полностью сформировавшиеся цивилизации, как 1) древнеегипетская, 2) месопотамская, 3) древнеиранская, 4) античная (с крито-микенским, древнегреческим и древнеримским этапами, также иногда называемыми цивилизациями), 5) индийская, 6) буддийская, 7) китайская, 8) японская, 9) западнохристианская, 10) византийская, 11) российская, 12) исламская (мусульманская), 13) майя-ацтекская, 14) инкская, 15) латиноамериканская.

Эти цивилизации имеют полный набор указанных признаков, существенных черт, отличающих один социальный организм от другого. Они с разной скоростью, но сопоставимо, в особенности с учетом «ухода-возврата», движутся по этапам зарождения и развития цивилизации или уже прошли полный жизненный цикл. Африканская цивилизация, безусловно, имеющая право на существование, находится, скорее всего, в стадии становления и цивилизационных очагов, находящихся в сферах влияния тех или иных из вышеназванных лидирующих в современном мире цивилизационных организмов.

С развитием цивилизационного процесса все большую роль играет субъективный фактор истории. В самом деле, в условиях первобытного общества на первый план выходили интересы рода, племени, и только это было условием выживания в зачастую враждебной человеку среде. К примеру, в классических трудах Моргана, досконально изучавшего культуру и быт североамериканских индейцев, мы практически не встречаем имен – ни вождей, ни создателей культурных ценностей. Личность полностью растворена в социуме, и все созданное ею является всеобщим достоянием.

Но вот человек «выходит из леса»: с этого, собственно, и начинается цивилизационная история – вспомним происхождение самого термина «цивилизация». В Средние века гуманитарии-латинисты зачастую противопоставляли понятию *civilis* (городской, общественный, гражданский) термин *silvaticus* – лесной, дикий, грубый. Получается, что человек цивилизованный должен построить города, создать государство, принять законы, оформить соответствующие общественные структуры, достичь определенного, достойного именно этой стадии развития общества, уровня культуры. И тут выясняется, что, как пишет Ю.Н. Харари, «социальные структуры, создававшиеся на протяжении бесчисленных поколений, оказались разрушены, брошен вызов самой эволюции. Миллионы лет она приучала нас жить и мыслить общинно, и всего за два века мы превратились в разобщенных индивидуумов. Вот она, великая сила культуры!» [26, с. 436].

Уже первые популяризаторы понятия «цивилизация» Мирабо и Фергюсон понимали под ним особую ступень, стадию в развитии общества, которая качественно отличает это общество от естественного, первобытного

состояния, приносит технику, разделение труда, торговлю, государственную организацию общества. Роль отдельной личности в возникновении и развитии этих явлений неизмеримо возрастает: изобретателя каменного топора мы не узнаем никогда, но создатели механической прялки и паровой машины увековечены историками, и борьба за уточнение «того-самого первооткрывателя» идет нешуточная. Что уж говорить об открытии радио, периодической системы элементов, фотоэффекта!..

С того же XVIII в. берет свое начало и критика общественного устройства, сопровождающего эти достижения, будь то имущественное неравенство, деспотическое государство, идущее во вред человеку разделение труда, осуждаемые Фергюсоном, или призыв Мирабо возвратиться к мелкому крестьянскому хозяйству. Особо преуспел в такой критике, задолго до Маркса, как известно, Ж.Ж. Руссо. В целом просветители подчеркивали в характеристике цивилизации этический, нравственный аспект. Они называли цивилизованным общество, основанное на началах разума и справедливости, и именно на этих началах стремились перестроить, усовершенствовать мир. Зачастую цивилизация оказывалась неким идеалом, в понятие вкладывался различный смысл, а идеал этот большинство мыслителей эпохи связывали с Западной Европой.

Осуществление такого идеала невозможно без сознательной, целенаправленной деятельности людей, к тому же людей глубоко мыслящих, образованных и культурных. Даже возникновение государства, по известной теории Руссо, лишь результат общественного договора. Впрочем, первопричина особенностей мышления и деятельности людей, по мнению Монтескье, имеет-таки объективную природу, хотя последняя и сведена им преимущественно к климату. Однако позднее, с развитием цивилизации, вступают в действие моральные причины, вытесняющие физические. На смену последним приходят принципы политического строя, религиозные верования, нравственные убеждения, обычаи (ментальность, говоря современным языком) и другие факторы: «...моральные причины более влияют на общий дух, общий характер нации и должны более учитываться при выявлении общего духа по сравнению с физическими причинами» [25, с. 106].

Основоположителем локального подхода, при котором в сравнении анализируется история разных народов, разных регионов, проходящих общие для всего человечества, универсальные стадии развития, можно считать Джамбаттисту Вико (1668–1744). В первобытном обществе, по его мнению, истории еще нет, а в последующие периоды («век богов», «век героев» и «человеческий век») возникают религия, письменность, города и прочие цивилизационные достижения. Движущая сила этого развития, при совпадении провидения и объективных закономерностей, сам человек.

Другим мыслителем, предвосхитившим новую эпоху, стал немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803). Гердер делает попытку выделения главных цивилизационных признаков и характеристик. Главное значение в жизни человеческого общества, с его точки зрения, имеют такие факторы, как язык, наука, ремесло, религия, семья, государство. Сплачивает людей воедино культура: в жизни общества она имеет определяющее значение. В этих сферах человек и реализуется как личность, раскрывая в служении другим людям свое главное предназначение («человек рожден для общества» [9]).

При всей универсальной значимости диалектической системы Гегеля его мировой дух так же не может не проявляться через субъектную деятельность людей, и критерием прогресса для Гегеля является сознание свободы. К важным вкладам в развитие взглядов на субъектный компонент цивилизационного процесса можно отнести попытки одухотворения природы иенским кружком романтиков рубежа XVIII и XIX вв., открытие классовой борьбы французскими историками первой половины XIX в., критика буржуазного цивилизационного устройства представителями утопического социализма, которые движущими силами исторического развития считали прогресс научных знаний, морали, религии (Сен-Симон) и в специфической форме высказали идею грядущей всемирной цивилизации, устроенной на началах разума, науки, справедливости.

Классик позитивизма Г.Т. Бокль при неизменности моральных законов решающим фактором исторического развития считал степень интеллектуального развития общества, определяя сумму событий суммой знаний. По мере развития общества все более важными становятся духовные факторы: знания, разум,

наука. А поскольку лидерство по этим показателям к XIX в. захватила Европа, то только здесь и живет человек по законам разума, господствуя над природой. Другой известнейший позитивист, Г. Спенсер, хотя и стал одним из родоначальников социологии, главной наукой считал биологию: биологическим законам, по Спенсеру, подчиняется даже мораль, ибо нравственно для человека то, что полезно, а полезно то, что приносит наслаждение; то же и в эстетике, и в педагогике – что полезно, то и красиво, и правильно. До таких высот физиологическое начало человека не поднимал никто.

Одной из первых попыток объединения индивидуального и общественного начал субъектной стороны цивилизационного процесса стала концепция культурно-исторических типов Генриха Рюккерта. Поставив проблему субъекта исторического процесса, он сосредоточил внимание на социоисторических организмах и их системах, социальные единицы, на которые распадается человечество (а всемирной истории как таковой у Рюккерта вообще не существует), назвал историческими, культурно-историческими или культурными организмами, индивидами или типами.

Высшим достижением теории культурно-исторических типов, под которыми также можно понимать цивилизации, являются взгляды русского мыслителя Н.Я. Данилевского. Как на разнообразии типов животных и растений сказывается все разнообразие природы, так, по Данилевскому, на разнообразии типов культурных сказывается богатство истории, человеческого духа, сама перспектива и смысл его существования. В рамках культурно-исторического типа мыслитель выделяет четыре основные сферы, или вида деятельности: деятельность религиозная, собственно культурная (делится на эстетико-художественную, научную и технико-промышленную), политическая и социально-экономическая. Важным началом, скрепляющим культурно-исторический тип, является язык.

Знаменитый труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» сам по себе является блестящим воплощением западноевропейского индивидуализма. Между тем роль субъекта в развитии цивилизаций достаточно пассивна и весьма печальна. В период перерождения культуры в цивилизацию (а в ряду автономных циклов-культур Шпенглера «русско-сербская» занимает почетное,

после восьми сформировавшихся, девятое место), искусство вырождается в спорт, на первый план выходят техника и политика. Народы превращаются в массы, в феллахов. Тотально господствует скептицизм. В обществе начинают преобладать рациональность, прагматизм, утилитаризм, территориальная экспансия, власть денег во всех сферах человеческого бытия. Наступает время «мировых городов», которые эксплуатируют обширную провинцию, служащую своего рода питательной средой для их роста, а политика становится определяющим видом деятельности.

История, с точки зрения Шпенглера, целиком определяется судьбой, постижение которой доступно лишь «жизнечувствованию» мыслителя. Для последнего историческое познание, да, собственно, и сама история, есть, по существу, «гештальт» – субъективный образ или поток психических состояний, переживаемых познающим мыслителем. Такого мыслителя трудно назвать ученым-теоретиком, претендующим на разработку научной методологии познания социальной действительности. Он, скорее, философ-художник, который, широко используя ряд метафизических категорий (возможное, действительное, становление, жизнь, смерть, мир и др.), дает своеобразную и весьма интересную, но все же во многом субъективную картину всемирной истории. Мыслитель, с точки зрения Шпенглера, «лишен какого-либо выбора, он мыслит так, как ему должно мыслить, и истинным в конце концов является для него то, что родилось с ним, как картина его мира. Он не изобретает ее, а открывает себе» [27, с. 7].

Итак, отношение к проблемам культуры и цивилизации как центральных понятий социальной философии у Шпенглера предельно субъективно. При этом в вопросе соотношения культуры и цивилизации Шпенглер наименее убедителен. Например, он пишет: «Греческая душа и римский интеллект... – так различается культура и цивилизация. И это можно сказать не только об Античности. Все снова и снова всплывает этот тип крепких умов, но совершенно не метафизических людей. В их руках духовная и материальная участь каждой поздней эпохи. Они провели в жизнь египетский, вавилонский, индийский, китайский, римский империализм» [Там же, с. 164]. Иначе говоря, по Шпенглеру, культура определяется душой народа, который, вступая

на историческую арену в качестве активного субъекта истории, создает оригинальные и значительные ценности в самых разных сферах социальной жизни (в религии, искусстве, философии, науке, технологии).

Что касается умонастроений и самореализации личности как типичного представителя конкретной цивилизации, то у Шпенглера данное обстоятельство формулируется в простой, но афористической формуле: «Где хорошо, там и Отечество» [17, с. 119]. В социально-философской и особенно в культурологической литературе отклик получила и та мысль О. Шпенглера, в которой он обращает внимание на общий вектор социальной активности личности, сложившейся и проявляющей себя на ранней и поздней стадиях бытия культуры: «У культурного человека энергия обращена во внутрь, у цивилизованного – во вне» [27, с. 170]. Другими словами, для культуры в целом характерна высокая духовность, побуждающая людей к самопожертвованию ради возвышенных целей и идей. Цивилизация же означает своего рода деградацию духа, его «приземление», что снижает градус героики жизнедеятельности человека прошлых времен – периода формирования и расцвета особой культуры. Это знаменует собой начало конца данной культуры.

Заметным явлением в развитии исторической науки стала деятельность историков школы «Анналов». Ее крупнейшими представителями являются, как известно, Люсьен Февр, Марк и Фернан Бродель.

Л. Февр аргументированно подчеркивал неразрывность материальной и духовной жизни, именно он ввел в оборот понятие «ментальность», означающее и умонастроение, и массовые психологические установки, и коллективные представления. Историк дает такое определение: «Цивилизация – это равнодействующая сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей» [20, с. 31]. Ментальная сфера, согласно Февру, и объединяет всех представителей одной цивилизации и одной эпохи. Экономические, социальные и тем более политические факты подлежат рассмотрению только через убеждения и взгляды взаимодействующих субъектов цивилизации («Даже богатство, труд и деньги не есть ли они совсем не “вещи”, но идеи,

представления, человеческие суждения о “вещах”?» [Там же]). Поэтому история приобретала важное психологическое измерение, и задача историка в немалой степени была обозначена как изучение исторической психологии и истории ментальности, в которой взаимодействуют разум и человеческие страсти. Коллективное бессознательное, изучаемое ранее лишь социальной психологией, получило «право гражданства» в историческом исследовании.

Каждой цивилизации присущ собственный психологический аппарат. Он отвечает потребностям данной эпохи и не предназначен ни для вечности, ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции человеческих цивилизаций. В каждом обществе на данной стадии развития существуют специфические условия для структурирования социального сознания. Культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу», в рамках которой формируется ментальность. Эпоха, в которой живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности его духовного мира обнаруживаются как в коллективном сознании общественных групп и толп, так и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. Культуры (цивилизации), по Февру, имеют между собой качественные различия, каждая обладает своей системой мировосприятия.

Ничто в человеческой истории, подчеркивал и М. Блок, не минует сферы мыслей, представлений, эмоций, и все получает от этой сферы определенную окраску. Под влиянием Блока и Февра историки занялись проблемами социально-исторической психологии, а принцип историзма был распространен на сознание человека. Прежде всего М. Блок был историком экономических отношений, но их исследование не было для него самоцелью: он всегда видел людей и стремился обнаружить их полнокровную жизнь. С этой целью ученый предложил шире применять понятие «поколение», которое, по его мнению, достаточно гибко для того, чтобы выразить явления человеческой жизни. Блок видит в нем общность прежде всего психологическую: оно обладает сходством мышления, духа, умонастроения. Социальная целостность, раскрытие которой и есть, по его убеждению, конечная цель исторической науки, выражает себя именно через человеческое сознание – в нем и «смыкаются» все социальные

феномены. «Субъективная реальность» – то, как люди мыслят самих себя и свой мир, – столь же неотъемлемая часть их жизни, как и материальный ее субстрат. «Картина мира» определяет поведение человека, индивидуальное и коллективное. Не найдя убедительного решения проблемы целостного охвата общества путем социально-экономического его анализа, Блок попытался свести многообразие общественной жизни и воздействующих на нее факторов к психологическому единству человека, через сознание которого эта жизнь проходит.

У Ф. Броделя важнейшими и во многом определяющими являются материальная сторона, экономическая история. При этом комплекс разнообразных факторов и условий повседневной жизни народа, в основном материально-вещных, воспринимаемых непосредственно на уровне эмпирической обыденности, воплощается в понятие «структура повседневности». Структура повседневности объясняет многое, в том числе основания духовной жизни конкретных этносов, образующих цивилизацию,

Социология истории и культуры Альфреда Вебера стала своеобразным синтезом философии жизни (идущей от Ницше, Бергсона, Дильтея, Зиммеля), экономического анализа и политики. Одной из трех сфер исторического процесса, являющейся антиподом сферы цивилизации, является движение культуры. Культура – это выражение, «воление» души, стремление различных «исторических тел» к освобождению, попытка обрести выражение, образ, форму своей сущности. Если общественный процесс дает материальную основу для развития различных «исторических тел», а процесс цивилизации предоставляет ему технические средства для построения той или иной полезной формы существования, то для движения культуры все это лишь субстанция, материал, подлежащий душевной переработке для придания ему соответствующей формы. Поэтому возможно определение культуры как «формы выражения и спасения душевного в материально и духовно данной субстанции бытия», это «всегда результат нового синтеза элементов жизни» [19]. «Душевно-духовное» автономно относительно «объективных» сфер жизни «исторического тела»: оно способно оценивающе относиться к последним,

принимать или отвергать их, приближаться к ним или дистанцироваться от них. Все культурное – спонтанно и непредсказуемо.

Одной из фундаментальных основ в современной синтезирующей общественной науке является теория цивилизаций Питирима Сорокина. На основании выведенных им закономерностей и тенденций динамики общества Питирим Сорокин определяет главные тенденции развития общества как переход от чувственного социокультурного строя, преобладавшего в течение пяти столетий на Западе, к интегральному социокультурному строю, который будет преобладать в перспективе, имея свои разновидности на Западе и Востоке. Цивилизация у П. Сорокина – это историческая общность людей, объединенных каким-то типом мировоззрения (идеалы, ценности, методы познания). Развитие человечества демонстрирует три фазы такого цивилизационного развития, в которых меняется мировоззренческая основа объединения людей. Идеациональная цивилизация основана на том или ином типе религиозного мировоззрения и господствует в период Средневековья. Ее идеалом является стремление к спасению человеческой души. Сенситивная цивилизация возникает на основе материалистического мировоззрения и является отрицанием идеациональной цивилизации. Идеал новой цивилизации – богатство и комфорт. Она характерна для индустриальной стадии развития человечества. Идеалистическая цивилизация возникает на основе конвергенции религиозного и материалистического мировоззрения, беря от своих составляющих все положительное. Она характерна для последней стадии индустриализма. Однако ученый не раз отмечал, что современная культура переживает общий кризис и связывал его с развитием материализма и науки, указывал, в частности, на отрицательные последствия сексуальной революции.

По мнению Карла Ясперса, европейцы, «втянувшие» в последние пять столетий весь мир в орбиту своей цивилизации, первыми сделали единство мира осознанным, коммуникации – планомерными и надежными. Это означает, что «в процессе единения планеты создается единство в сознании, а потом и в деятельности людей» [29, с. 261]. Таким образом, современные культуры развиваются навстречу времени подлинного «космически-религиозного» культурного единства. Однако ни один прогноз, как считает Ясперс, не может

быть безусловным. Речь идет об «открытой возможности», которая может быть реализована в результате свободного выбора. Среди безусловно прогрессивных идей Карла Ясперса следует считать мысли о том, что проблема общечеловеческих ценностей, взаимопонимания, открытости друг другу различных типов обществ, народов, религий – не роскошь, а жизненная необходимость; что будущее человеческого бытия определяет воспитание и будущим обладает тот, кто «завоюет» молодежь; что главное для человека – быть независимым психологически.

Общепризнанным классиком теории локальных цивилизаций является Арнольд Джозеф Тойнби. Интерпретации основных идей фундаментального «Постижения истории» мыслителя общеизвестны. Обратим внимание лишь на известное положение о роли интеллектуальной элиты. Она, как творческое меньшинство, появляется на «стадии роста», когда развивается технический прогресс и человек приобретает власть над природой. Элита увлекает за собой «инертное большинство» и движет цивилизацию вперед. Однако человек слаб: творческое меньшинство обособляется от народных масс, равновесие и гармония нарушаются, что в отношении локальных цивилизаций неизбежно. Это, в частности, является одной из причин угасания и гибели цивилизаций.

Значительную субъектную «нагрузку» несет и вера А. Тойнби в духовное совершенствование, в эволюцию от примитивных анимистических верований через универсальные религии к единой религии будущего. Именно в этом видел ученый прогресс человечества. Надежду на гармонизацию отношений общества и личности дает нравственный закон, нравственность же распространяется через традиции и через подражание (мимесис).

Среди теоретиков рубежа XX–XXI вв. в центре цивилизационных воззрений оказался Сэмюэл Филлипс Хантингтон с его взглядами на грозящий новыми катаклизмами процесс столкновения цивилизаций. Его взгляд на цивилизацию как социальный организм вполне объективен, универсален и материалистичен. Однако в ряду определяющих и объединяющих признаков цивилизации как конгломерата стран ученый называет самоидентификацию. В отличие от других общепринятых признаков (географическое расположение, язык, история, религия, культура, обычаи, общественные

институты/учреждения) как элементов объективных, самоидентификация определяется как явление субъективного порядка. «Бархатный занавес» культуры, пришедший на смену «железному занавесу» идеологии, может оказаться не только границей, разделяющей разные культуры и цивилизации, но и линией кровавых конфликтов. Различия же культурного свойства, в противовес экономическим и политическим, наименее подвержены переменам. Анализируя складывающуюся в мире ситуацию, Хантингтон делает вывод: мнение, согласно которому модернизация и экономическое развитие способствуют укреплению однородности и утверждают общую современную культуру, оказалось неверным. Напротив, по мере самоутверждения местных традиций подвергается эрозии западная культура, что приведет к отступлению западной культуры, и нужно принять эффективные меры, чтобы этого не допустить.

В приведенном обзоре развития цивилизационной теории нельзя не обратить внимание на то, что если смена формации осуществляется в основном по объективным законам материального мира, реализуемым прежде всего через способ производства, то в зарождении и развитии цивилизаций важную роль играет именно субъективный фактор. Да, многие классики цивилизационной теории обращали внимание на определяющее влияние климата, рельефа местности, наконец, языка. Но с развитием теории все бóльшая роль в конструировании модели отводится особенностям природопользовательской деятельности в рамках определенной формации и способа производства, организации государства, оформлению религиозных воззрений, праву, менталитету, наконец, культуре, понимаемой как сфера социальной деятельности, включающая в себя науку, образование и художественную культуру (литературу, искусство, отчасти – физическую культуру и спорт).

Закономерен вопрос: кто создает государственные учреждения, утверждает церковный обряд, принимает законы, регламентирует определенный образ жизни, занимается научной деятельностью, лечит и учит детей, создает художественные ценности? Человек разумный, а точнее, самые разумные из среды себе подобных, как бы их ни называли – интеллигенцией,

интеллектуалами, элитой и т. п. И то, что по важнейшим, вышеуказанным характеристикам отличает одну цивилизацию от другой, во многом было определено деятельностью этих людей. Разумеется, интеллигенция в этой деятельности тоже не полностью свободна, мысли, чувства поступки интеллигента во многом определены объективными факторами, но выбор вектора деятельности во многом был и даже сегодня остается его личным, внутренним делом.

Однако вспомним о достижениях школы «Анналов». Фернан Бродель, в частности, обратили внимание на следующее: «В каждую эпоху общественные массы вырабатывают определенное главенствующее представление об окружающем мире, ими движет господствующее коллективное мышление. Это мышление, которое определяет отношение, выбор, усугубляет предрассудки и влияет на общественные процессы, является безусловным цивилизационным фактом... Реакция общества на происходящие события, на оказываемое на общество давление, на принимаемые решения, которых требует общество, обусловлена в меньшей степени логикой или даже личным интересом, чем неформулируемым и часто невысказанным требованием, которое возникает в глубинах коллективного подсознания. Эти основополагающие ценности, эти психологические структуры представляют собой то, что цивилизации *в наименьшей мере передают одна другой*, что их изолирует и наиболее различает. Это мышление также мало подвержено влиянию времени. Мышление изменяется медленно, оно преобразуется после долгих “инкубационных” периодов, также мало осознаваемых» [3, с. 52].

Очевидно, что речь идет о менталитете, тесно связанном с социальной психологией. Но отсюда следует простое умозаключение: сила интеллигента – в масштабе выражения этого менталитета и реализации его в своей деятельности. Да, можно считать себя интеллектуалом-эсперантистом и пытаться выработать какую-то свою, наднациональную, космополитичную систему мышления, поведения и ценностей, но пока очевидных успехов на этом пути не наблюдается. Проще вписаться в англоязычную среду интеллектуалов западной цивилизации, к которой тот же Бродель без обиняков относил Россию до 1917 г. В том и другом случае есть свои достижения и свои потери.

Размышляя над этим, историк пишет: «Конечно, сегодняшний разговорный русский – это не рафинированный русский язык прошлого. Образование утилитарно, оно поставило на поток производство интеллигенции, в которой нуждается современная жизнь, а также специалистов – от инженера и учителя до университетского профессора. По замечанию одного из обычно снисходительных наблюдателей, школа готовит полу-интеллигентов. Справедливо ли это? Может быть, эта полукультура большинства населения есть следствие создания новой страны, как нам часто подсказывают, а может быть, она попросту присуща возникающей массовой цивилизации... Кто знает! Во всех развитых в промышленном отношении странах мира, в Европе и Америке, образование по мере охвата все более широких слоев населения имеет тенденцию к специализации, что приводит к снижению уровня общей культуры». «В любом случае, когда мы сравниваем представителей интеллектуальной элиты, то оказывается, что советская интеллигенция, советские ученые и профессора, если не учитывать их идеологических особенностей, ни в чем не уступают европейцам или американцам того же уровня. Все они наследники одной культуры» [3, с. 534].

Заметим также, что, хотя основные параметры цивилизации формируются в городе, главную специфику, «окрас» той или иной цивилизации хранит и определяет деревня, село. Отсюда, кстати, такая ненависть глобалистов к аграриям и стремление уничтожить русскую деревню в достопамятные девяностые. Так что если сила интеллектуала (как он себя определяет) в чисто умственной (научной, художественной) деятельности, то интеллигент силен своей связью с народом и просто обязан быть почвенником. «...женские и семейные проблемы у Ибсена, Стринберга и Шоу, импрессионистские тенденции анархической чувственности, весь этот букет современных томлений, искусов и страданий, выражением которых является лирика Бодлера и музыка Вагнера, – остроумно замечает Шпенглер, – предназначены не для мироощущения деревенского и вообще естественного человека, а исключительно лишь для городского головного человека. Чем меньше город, тем бессмысленнее возня с этими живописью и музыкой» [27, с. 49]. Впрочем, противопоставляя эти явления Платону и Канту, имеющим значение «для всего

высшего человечества в целом», Шпенглер отнес к вышеозначенному «букету» и социализм, и дарвинизм. Непостижимым явлением для русского народа объявляет Шпенглер и капиталистическую экономику [Там же, с. 962–963].

Окончательное оформление интеллигенции как таковой (сообщества интеллектуалов, умственной элиты) произошло, по-видимому, одновременно с формированием человека современного типа. Карл Ясперс называет этот период осевым временем и относит его к промежутку между 800-м и 200-м гг. до н. э. В это время, по мнению мыслителя, человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы [29, с. 32]. Без наличия в обществе специализирующихся на таком осознании интеллектуалов/интеллигенции этой задачи не решить.

Цивилизации, как любые живые организмы, борются за место под солнцем, и важным фронтом этой борьбы является это самое интеллектуальное меньшинство, из которого, кстати сказать, и рекрутируются политики. Давно замечено, что гораздо эффективнее прямых военных столкновений может стать создание и активизация деятельности «пятой колонны» внутри социума потенциального противника. Биологическая основа человека подталкивает его к объявлению лидирующей цивилизации, добившейся наибольших успехов в материальной сфере. Начиная с эпохи Возрождения, такой рывок удалось совершить западной цивилизации, практически поработившей интеллигенцию пограничья, что легко проследить на примере Польши, и завоевавшей немало сторонников в среде интеллигенции цивилизации российской. Это бросается в глаза любому мыслящему человеку: вспомним А.С. Грибоедова («Ах! Франция! Нет в мире лучше края!»), Ф.М. Достоевского (из кармана «честной русской мысли» в виде своеобразно выглядевшего господина средних лет «выглядывало распечатанное письмо из-за границы, заключавшее в себе удостоверение, для всех сомневающихся, в честности “честной русской мысли”» [11, с. 51]), Н.Я. Данилевского, вновь возвращающего нас к Грибоедову: «Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинств наших поступков. Вместо одобрения народной совести признали мы нравственным двигателем

наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал» [10, с. 248].

В принципе, это не противоречит взглядам на интеллигенцию Арнольда Тойнби, который характеризует ее следующим образом: «В любом обществе, пытающемся решить проблему приспособления жизни к ритму чуждой цивилизации, существует потребность в особом общественном классе, который служит в качестве человеческого аналога “трансформатора”, преобразующего электрический ток одного напряжения в другое. Этот класс, который создается (часто совершенно внезапно и искусственно) в ответ на данное требование, в общем, стал известен под особым русским названием “интеллигенция”. Интеллигенция – это класс “офицеров связи”, которые изучили хитрости ремесла вторгающейся цивилизации в такой степени, в какой это необходимо. Благодаря их посредничеству их собственное общество становится способным удерживать свои позиции в том социальном окружении, где жизнь уже не проживалась в согласии с местной традицией, а во все большей мере в том стиле, который был навязан вторгающейся цивилизацией подпавшим под ее власть чужеземцам» [22]. Можно сказать, что речь идет, по аналогии с буржуазией, о «компрадорской» интеллигенции.

Классик цивилизационной теории показывает процесс формирования интеллигенции, который блестяще можно иллюстрировать примерами из русской истории XIX в., как, впрочем, и более ранних ее периодов. Сначала, следуя объективным требованиям развития государства, это офицеры (декабристы, или же, как у Тойнби, военачальники Петра I, или даже пушкари Ивана IV), затем дипломаты, потом купцы. «Наконец, по мере того как закваска или вирус “западничества” входит все глубже и глубже в социальную жизнь подвергающегося процессу ассимиляции общества, интеллигенция развивает свои наиболее характерные типы: школьного учителя, который учится тонкостям преподавания западных дисциплин; чиновника, который усваивает практику государственного управления в соответствии с западными формами; юриста, который приобретает умение применять версию “Кодекса Наполеона” в соответствии с французской судебной процедурой» [Там же].

Этой чужеродностью происхождения и функций интеллигенции мыслитель остроумно объясняет двойственность ее мышления и поведения, поскольку «интеллигенция родилась, чтобы быть несчастной»: с одной стороны, она отчуждена от своего народа, с другой – не принимается всерьез породившими (пусть невольно) и даже оплачивающими ее западными партнерами. В любом случае следует подчеркнуть, что интеллигенция как социальная группа у Тойнби явление не только российское: в определенные периоды истории (с XVI в. – вне сомнений!) он видит оттоманскую, китайскую, левантийскую, греческую, армянскую, индусскую интеллигенцию и т. д. Подобные взгляды высказывает Иммануил Валлерстайн: «Идеология интеллигенции, будь то славянофилов или марксистов, вращается вокруг отношения к Западу, к капитализму. Эта проблема отнюдь не только российская, как прекрасно знают и поляки, и китайцы, и турки» [5, с. 38–39]. Весьма сходные взгляды находим у американского специалиста по России Анджея Валицкого, американца Чарльза Тимберлейка, француза Р. Филиппо [23, с. 24–25, 29].

Однако для патриотично настроенного русского интеллигента подобной характеристики явно недостаточно, а соответствие ей отнюдь не приносит жизненного комфорта. Отсюда и страсти вокруг понятия «интеллигенция», и попытки доказать ее умирание, перерождение, замену креативным классом и т. п. Не потому ли в рассуждениях Арнольда Тойнби о роли элиты [21, с. 110–113, 258–261, 283–284] некоторые современные российские исследователи склонны видеть продолжение традиции немецкой классической философии, называя именно интеллигенцией интеллектуальное меньшинство, которое способно и, скорее, обязано находить и давать достойные ответы историческим вызовам, генерировать идеи, обеспечивающие разрешение очередной проблемы общества и выводящие общество в новое качество, на более высокий уровень его развития [12].

Именно в таком контексте А. Тойнби цитирует знаменитое высказывание Г. Уэллса: «Все мои надежды на будущее связаны с верой в то серьезное меньшинство, что так существенно отличается от равнодушной и безликой

массы нашего общества. Я не могу понять смысла любой большой религии, я не могу объяснить конструктивного хода истории, пока я не обращусь к этому вдумчивому меньшинству. Они Соль Земли, эти люди способны посвящать свои жизни отдаленным и величественным целям» [21, с. 258]. Так насколько же объективно деление этой «соли Земли» на национальные отряды и насколько она способна слиться с народными массами, отвечать их сокровенным чаяниям? Или же она останется тем, чем была бóльшая ее часть в условиях генезиса в первобытную эпоху – либо власть имущими, либо вымаливающей подачки служанкой таковых? [См.: 1, с. 315–316].

Косвенно отвечая на эти вопросы, Шпенглер находит отграничение Европы от «матушки России», которое проводит «русский инстинкт» «с нашедшей свое воплощение в Толстом, Аксакове и Достоевском враждебностью», «справедливым и глубоким» [27, с. 28]. Подобным же образом он объясняет масштабность и трагизм Великой российской революции: «То, что придало этой революции ее размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без *ненависти*, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих – тою же дорогой; не знающий городов народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории» [Там же, с. 654–655]. А представители творческого меньшинства способны, по А. Тойнби, удалиться ради высоких целей из повседневной жизни общества, а потом вернуться в него даже после своей смерти [21, с. 283–284]. Надо ли удивляться, что среди российских интеллигентов, переживших и «застой», и 1990-е годы, именно данная мысль столь популярна и цитируема [8; 14; 24].

Другой вариант остаться «на плаву» – изображать из себя интеллектуала без определенных социальных обязательств. Например, под хрестоматийным лозунгом искусства для искусства. В XX в. такая позиция обычно подкрепляется формулировкой А. Вебера «свободно парящая» или, иначе, «социально не связанная» интеллигенция. В любом случае перспективы интеллигенции становятся все более мрачными. А.Ю. Карпова

и Н.Н. Мещерякова интерпретируют одну из поздних работ П.А. Сорокина («Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор») следующим образом: «П.А. Сорокин... продолжил тему отрицательной селекции интеллигенции, вскрывая ее механизмы в мирное время, связывая ее с искушениями чувственной культуры, стремлением к власти и удовольствиям. Исследователь подчеркивает, что противостоять деградации возможно, только лишь имея твердые убеждения и моральные принципы. Но, если в среде интеллигенции, которая, по выражению П.А. Сорокина, “мозг и совесть” страны, утрачено нравственное мерило, идейный кризис неизбежен. Российская интеллигенция прошла ту же мутацию, что и все общество в целом, не пережила искус потребления, сдалась перед “мягкой силой”. Это относится и к ее богатым и бедным сегментам. Первые живут в условиях излишней сытости, последние испытывают чувство неполноценности из-за несоответствия современным имиджевым стандартам. В таких условиях и в верхах, и низах нравственный модернистский проект невозможен» [13, с. 55].

Однако в современной России ситуация не столь критична, как в девяностые. Приток западных средств резко сократился ввиду мировых финансово-экономических проблем и разочарования в эффективности использования вложенных ресурсов даже на Украине. Западные лидеры упорно выставляют себя прямо-таки в карикатурном виде (отравление Скрипалей, «газовые атаки» в Сирии и т. п.), им соответствуют шоуменствующие «поборники демократии» с Болотной площади. Народ России пытается передохнуть, легко расставшись с лозунгами эфемерной свободы ради относительной стабильности. Но это не означает, что «гроза миновала»: «удостоверяющие письма» спрятаны поглубже, но отнюдь не выброшены, и любая ошибка власти, которая, как и сто лет назад, в императорские времена, не выказывает ни малейшего желания с лояльной, но не принадлежащей к «высшим сферам» интеллигенцией сотрудничать, вновь может привести к роковым последствиям. До некоторых весьма важных дел, в частности в области образования и культуры, у выстроенной по авторитарной модели «вертикали власти» явно не доходят руки, что вновь и вновь доказывает, например, пресловутая «Золотая маска», расставляющая

сомнительные приоритеты в театральном искусстве от имени стыдливо не называемой нации [2].

В любом случае нового железного занавеса не создать, поскольку путь у человечества один, ибо с большой долей вероятности можно вывести закон укрупнения цивилизаций [6, с. 13]. Если в текущем цивилизационном цикле сравнить древние цивилизации (древнеегипетскую, месопотамскую) с современными (китайской, российской, мусульманской и другими, не говоря уж о пытающейся поглотить весь мир западной), то очевидны возрастание их размеров и мощи, способность впитывать в себя иные народы и государства, иные цивилизационные очаги. Этот процесс слияния цивилизаций и является глобализацией, а то, на что порой обращается первостепенное внимание (единство коммуникаций, система управления «семеркой», «восьмеркой», «двадцаткой» и т. п.), лишь инструментарий этого процесса. Закономерность объективна, противостоять процессу глобализации невозможно. Однако надо видеть и опасности чрезмерной унификации, всевозможными способами развивать уникальное цивилизационное и региональное наследие во всех сферах, и в первую очередь в области духовной и художественной культуры.

Но смерть угрожает не только со стороны каких-то на удивление неумных политиков, нравственно разлагающихся деятелей художественной культуры – ей постоянно угрожает выпущенный из бутылки джинн современной науки. И речь не только об атомной бомбе. Из восьми выделенных «смертных грехов» цивилизованного человечества Конрад Лоренц поставил ее на последнее место, ибо справиться с этой угрозой легче всего [15] (впрочем, и тут мы пока не на высоте). Абсолютное большинство ученых согласно с тем, что человечество вошло в фазу перехода от индустриального общества к постиндустриальному, а процесс глобализации, объективный в своей основе, стремительно ведет к рождающейся на наших глазах мировой цивилизации. Но какой она будет, как будут выглядеть ее основополагающие, как и для предыдущих локальных цивилизаций, характеристики? Наиболее распространенными и взаимоисключающими концепциями постиндустриального общества являются информационно-кибернетическая и гуманистически-ноосферная. И если в формировании глобальной

цивилизации по второму варианту именно интеллигенции принадлежит ведущая роль, то гуманитарии, всерьез рассуждающие о смерти интеллигенции, вольно или невольно являются адептами варианта первого.

Последствия такого выбора нетрудно предвидеть. «Великие общественные силы современности – Демократия и Индустриализм, – приведенные к жизни западной цивилизацией, – писал А. Тойнби, – возникли из глубин творческого меньшинства, и это меньшинство стоит сейчас под вопросом, способно ли оно руководить и управлять гигантской энергией высвобожденных сил... Мера нравственного убожества и деградации современного человечества в полной мере видна на страницах “желтой прессы”. В извращенности западной прессы также ощущается властная сила современного западного индустриализма и демократии, стремящаяся удержать основную массу людей, и без того ущербную в культурном отношении, на как можно более низком уровне духовности. Та же сила вдохнула жизнь в порочные институты Войны, Трайбализма, Рабства и Собственности. Творческое меньшинство в современном западном мире находится перед опасностью регресса, а земля, преобразенная творческим актом, оказалась в руках новых сил и нового аппарата власти. Совершается преступление, и нельзя утверждать, что впереди нас не ждут еще бóльшие несчастья» [21, с. 259].

Ожидания не замедлили реализоваться. «Желтая пресса» сменилась компьютерной «вермишелью», и поступок любого извращенца в одной части света становится примером для десятков других по всему миру. Информационное общество, предостерегал Н.Н. Моисеев, «действительно оказывает революционизирующее влияние... стремительно меняя условия нашей жизни. Оно оказывает огромное влияние на духовный мир людей и способно перестраивать основы нравственности. Человек обрел в нем могучее, но крайне опасное оружие, не менее могучее и не менее страшное по своим последствиям, чем атомная бомба». «Представим себе, что вся та грандиозная информационная система, которая уже создана на нашей планете и мощность которой возрастает экспоненциально с каждым десятилетием, окажется однажды в руках небольшой группы людей, преследующих собственные корыстные интересы... В подобной ситуации произойдет

глобальное зомбирование планетарного человечества. Это будет изощенный информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству, хотя он и будет носить “цивилизованный” характер... Это – конец истории, ибо подобное общество будет обречено» [16, с. 84, 86].

Поиском путей преодоления возникших опасностей заняты лучшие умы современности. И многие из них приходят к выводу, что панацеей от надвигающихся бед может стать новое гуманистическое планетарное мышление, которое общими усилиями и должна выработать интеллигенция. Окончательные формы такого мышления пока не найдены, но поиск идет. Причем потребность в этом поиске явно объективна: вспомним о планетарном размахе идеологии марксизма, несмотря на его неприемлемую многими агрессивность. Проблему пытался разрешить и К. Ясперс, формулируя свои принципы общечеловеческой коммуникации как своего рода интеллектуальной религии [29, с. 307–308].

Все это впечатляет, но проблема в том, воспримет ли общечеловеческое сообщество интеллигентов/интеллектуалов такую форму мышления или, наоборот, они дружными рядами пойдут на выучку к золотомасочным адептам Мортье [7]. Сделать процесс цивилизационной глобализации понимаемым, управляемым, действительно цивилизованным, направить его не во вред, а во благо человечества должна интеллигенция, из которой, в конечном счете, «рекрутируются» и политики. Это находит свое обоснование и подтверждение в анализе роли субъективного фактора в формировании и функционировании цивилизаций. Цена субъектного компонента исторического процесса сегодня, как никогда, высока, ибо речь идет не о доминировании того или иного народа или государства в том или ином регионе, а о судьбе человеческой цивилизации в целом.

Законы развития общества объективны, но человек, как субстрат мыслящий и активный, просто обязан эти законы познавать и использовать в своей практике, усиливая или ослабляя их воздействие на нашу жизнь – собственную и потомков.

Список литературы

1. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества: учеб. для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1990. С. 315–316.
2. *Бояков Э.* «Золотая маска» – попытка театрального сообщества при власти, постах и деньгах удержать свои позиции // Комсомольская правда. Новости 24. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26819.5/3856283/> (дата обращения: 18.04.2018).
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б.А. Ситникова. М.: Весь мир, 2008. 545 с.
4. *Буданова В.П.* Теории цивилизаций в зеркале истории мировых цивилизаций (глава 1) // Буданова В.П. История мировых цивилизаций: учебник // Stud Files. – URL: <https://studfiles.net/preview/4668025/> (дата обращения: 15.04.2018).
5. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
6. Глобализм и гуманизм: Международный день философии (ЮНЕСКО) в Кузбассе – 2007: сб. науч. статей по матер. Междунар. конф. Кемерово, 2007. 302 с.
7. *Городецкий К.* Фестивальное лето – 2001. Статья третья. Зальцбургское десятилетие Мортье // OperaNews. URL: <http://www.ru/mortie.html> (дата обращения: 18.04.2018).
8. *Горчицкая Е.А.* Интеллигенция, интеллектуалы и элита в социальном пространстве: соотношение и сравнительный анализ понятий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-intellektualy-i-elita-v-sotsialnom-prostranstve-sootnoshenie-i-sravnitelnyu-analiz-ponyatiy> (дата обращения: 17.04.2018).
9. *Гулыга А.В.* Гердер [Электронный ресурс] URL: <https://www.bookol.ru/author/arseniy-vladimirovich-gulyga.htm> (дата обращения: 06.04.2019).
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. 6-е изд. СПб.: Глаголь; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 513 с.
11. *Достоевский Ф.М.* Бесы. Ч. 3 // Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 9. С. 3–214.
12. *Кальной И.И.* Интеллигенция как субъект гуманитарного образования. URL: <http://psihdocs.ru/i-i-kalenoj-intelligenciya-kak-subekt-gumanitarnogo-obrazovani.html> (дата обращения: 16.04.2018).
13. *Карпова А.Ю., Мещерякова Н.Н.* Российская интеллигенция. Неисполнение ожиданий // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 48–59.
14. *Корнев С.* Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры. URL: http://kornev.chat.ru/vyzh_int.htm (дата обращения: 17.04.2018).
15. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / пер. с нем. М.: Республика, 1998. 72 с.
16. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 224 с.

17. *Осинов Н.Е.* Шпенглер и цивилизация // *Философия и общество.* 2005. Вып. № 4 (41). С. 115–128.
18. *Порозов В.А.* Введение в историю мировых цивилизаций: учеб. пособие / Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2014. 134 с.
19. Социология Альфреда Вебера [Электронный ресурс] https://science.wikia.org/ru/wiki/Социология_Альфреда_Вебера (дата обращения: 08.04.2018).
20. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с.
21. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории: сборник / пер. с англ.; сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
22. Тойнби об интеллигенции // LIVEJOURNAL. URL: <https://ru-ghost3d.livejournal.com/181643.html> (дата обращения: 16.04.2018).
23. *Усманов С.М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 4. С. 20–32.
24. *Фирсов Б.М.* Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1002819.html> (дата обращения: 17.04.2018).
25. *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник-онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booklot.org/genre/nauchnoobrazovatel'naya/istoriya/book/istoriya-politicheskikh-i-pravovyih-ucheniya-uchebnik/> (дата обращения: 04.05.2019).
26. *Харари Ю.Н.* Sapiens: Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 518 с.
27. *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2014. 1085 с.
28. *Штомпель О.М.* Понятие цивилизации // *История мировых цивилизаций* / под науч. ред. Г.В. Драча, Т.С. Паниотовой. 2-е изд., стер. М.: Кнорус, 2013. С. 14–34.
29. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 528 с.

Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА. КРИТИКА КОНЦЕПТА СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В настоящее время понятие «идентичность» может рассматриваться как одно из базовых понятий целого ряда гуманитарных дисциплин: от психологии и социологии до педагогики и политологии. Количество идентичностей, которые становятся предметом изучения специалистов, работающих в русле самых разных академических дисциплин, растет едва ли не по экспоненте. В результате своеобразной «инфляции» употребления данного термина мы имеем огромный поток публикаций, посвященных конфессиональным, этническим, гендерным, территориальным, профессиональным и прочим идентичностям. При этом не всегда понятно, что же конкретно понимают авторы под понятием «идентичность», чем именно идентичность отличается от социальной роли и т. д. Само понятие начинает размываться и утрачивает главное достоинство научного инструмента – точность. Одним из первых обратил внимание на эту проблему Э. Эриксон [21, с. 24–25], но за прошедшие с тех пор полвека ситуация только ухудшилась. Рассмотрим историю понятия «идентичность» и перспективы его применения при изучении социальных общностей.

В основе слова «идентичность» лежит латинский корень *idem*, означающий «тот же самый». В этом значении термин «идентичность» использовался в алгебре и логике. В гуманитарных науках понятие «идентичность» обрело популярность в середине 50-х гг. прошлого века. Пионерской работой, по мнению Ф. Глисона [25], стало эссе Уилла Херберга «Протестант – Католик – Иудей», в котором выделялась этническая идентичность, трансформируемая в дальнейшем в религиозную идентификацию. Поиски идентичности увязывались Хербергом с ответом на вопрос: «Кто я?» Уже во второй половине 50-х гг. появляются отдельные работы, посвященные территориальной идентичности.

В 1960-е гг. понятие «идентичность» получает очень широкое распространение во многом благодаря популяризации работ Э. Эриксона, который ввел в научный оборот выражение «кризис идентичности». Сама же идентичность

трактовалась им как процесс, «локализованный» как в центре индивида, так и в центре культуры сообщества, к которому данный индивид принадлежит [21, с. 31]. Известный психолог подчеркивал, что идентичность не тождественна играемой роли и не является простым видением самого себя или самопониманием, равно как не сводится к ответу на вопрос: «Кто я?» Идентичность трактовалась им в первую очередь как идентичность индивидуальная, основанная на «ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [Цит. по: 9, с. 59]. Субъективное переживание идентичности увязывалось американским психологом с ощущением целостности [1, с. 28]. Психосоциальная идентичность мыслилась им как нечто устойчивое и стабилизирующее, вроде якоря «в быстротечном существовании человека “здесь и теперь”» [21, с. 51]. Работая в рамках фрейдистской традиции, Эриксон рассматривал идентичность как нечто локализованное в глубинных структурах психики индивида. Идентичность человека, по его мнению, формируется и изменяется в результате взаимодействия с социальным окружением, но изменения и кризис не отрицают того, что идентичность является фундаментом уверенности человека во внутренней тождественности самому себе.

Процесс формирования идентичности у Эриксона описан в манере, близкой конструктивизму. Американский психолог признавал важность влияния социального окружения и даже идеологий на формирование идентичности. Например, в его пассаже об идентичности «израильтянин» содержатся прямые указания на важную роль «нацистроителей», действовавших как «снизу», так и «сверху», подчеркивается значимость выработанной идеологии (сионизм) для конструирования новой нации [21, с. 202–204]. В научных построениях Эриксона индивидуальное тесно переплетается с социальным. Индивид не является пассивным объектом чужих манипуляций, а предстает в роли деятельного субъекта, ищущего свое подлинное «Я» и конструирующего свою идентичность.

В целом, несмотря на близость к конструктивизму, которому в то время еще только предстояло стать мейнстримом в социологии, теоретические

построения Эриксона не были восприняты большинством социологов. Сам Эриксон главной причиной этого неприятия считал желание социологов иметь дело с концептами, которые лучше поддаются измерению или хотя бы анализу с помощью привычных приемов и методов исследования [21, с. 25]. Но похоже, что главную роль сыграла иная научная традиция, берущая начало с символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида. Кроме того, свой вклад в несколько иное, отличное от эриксоновского, понимание идентичности внесли теория ролей и референтных групп. Касаясь научного наследия Мида, стоит заметить, что он не использовал термин «идентичность».

Вместе с тем некоторые исследователи, например Х. Абельс, полагали, что понятие «self», как одно из основных понятий мидовской теории личности, вполне может быть отождествлено с понятием «идентичность» [1, с. 43]. «Я» (личность) в концепции Мида есть не что иное как субъективная интернализация «обобщенного другого» – социальных привычек широкого сообщества людей [См.: 7, с. 193]. Личность, по Миду, состоит из двух компонентов: импульсивного («I») и рефлексивного («Me») Я. «I» можно соотнести с досоциальной совокупностью биологических и эмоциональных потребностей, которое одновременно является источником новизны и творчества. «Me» – это то, что формируется в результате «принятия роли другого», «конкретного» – в раннем детстве и «обобщенного» – в старшем возрасте. Мид считал, что индивид осознает собственную идентичность лишь в том случае, если смотрит на себя глазами другого [См.: 1, с. 26]. В процессе социализации человек воспринимает множество точек зрения на самого себя, под влиянием которых формируются разнообразные представления о самом себе. В процессе формирования «Me», на стадии ролевых и коллективных игр, ребенок как бы примеряет на себя определенные идентичности, связанные с проигрываемыми ролями. П. Бергер и Т. Лукман, касаясь этого вопроса, отмечают, что субъективное присвоение идентичности является лишь частью процесса интернализации ролей [6, с. 215–216]. Идентичность возникает тогда, когда импульсивное и рефлексивное Я находятся в постоянном устойчивом взаимодействии [1, с. 41].

Принципиальное различие между теорией Эриксона и символическим интеракционизмом заключается в том, что в первом случае сформированная идентичность – это скорее завершенное *состояние*, тогда как во втором случае идентичность предстает скорее как *процесс*. У Эриксона идентичность есть тождество и непрерывность: раз сформировавшись, она должна оставаться более и менее постоянной. Идентичности в концепции Мида кажутся куда более текучими и ситуативными. Это объясняется тем, что идентичности индивида получают свою поддержку со стороны общества в процессе ролевого взаимодействия. Смена социального окружения и отказ от проигрывания тех или иных ролей могут привести к замещению одних идентичностей другими или, как вариант, к их существенной корректировке. То, что в концепции Эриксона воспринимается как «кризис идентичности», в концепции Мида будет рассматриваться как совершенно нормальный процесс смены идентичностей в результате смены социального окружения и образа жизни. Примером людей, оказавшихся в состоянии «кризиса идентичности», Эриксон называет солдат, вернувшихся со службы в гражданский мир и не находящих в нем себе места. Но сколько таких «этапов перехода» из одного статуса в другой может быть в жизни человека? Тем более в условиях быстро меняющегося постиндустриального мира, в котором «сверхмобильные» индивиды то и дело меняют брачных партнеров и семейное положение, место работы и место жительства и т. д. В условиях, когда, согласно исследованиям, молодой американец со средним образованием за свою трудовую жизнь меняет в среднем одиннадцать рабочих мест [4, с. 29], едва ли можно ожидать устойчивой профессиональной идентичности. По крайней мере, у большинства американцев.

Идеи Мида в контексте изучения социальных идентичностей получили дальнейшее развитие в конструктивизме, который своим появлением во многом обязан работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Бергер и Лукман прямо указывают, что «идентичность формируется социальными процессами». «Однажды выкристаллизовавшись, – пишут исследователи, – она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями» [6, с. 279]. Диалектический

характер взаимосвязи социальных процессов, социальной структуры и социальных идентичностей, по мнению этих исследователей, заключается в том, что социальные процессы, связанные с поддержанием идентичности, детерминированы социальной структурой, но и идентичности, в свою очередь, поддерживают или даже изменяют социальную структуру. Считая понятие «коллективной идентичности» обманчивым, Бергер и Лукман предложили говорить о *типах* идентичности, порождаемых социальными структурами и опознаваемых в индивидуальных случаях. В повседневной жизни люди благодаря типизации социальных действий и деятелей могут относительно легко отличать носителей разных идентичностей. Типы идентичности определяются ими как «социальные продукты, относительно стабильные элементы объективной реальности» [6, с. 281].

Важным является еще и то, что сама стабильность социально детерминирована. Следовательно, в концепции Бергера и Лукмана стабильность и неизменность какой-либо идентичности в эриксоновском понимании не исключается полностью, но и не является обязательным условием ее существования. В индийском обществе кастовые идентичности действительно могут быть фундаментальными и чрезвычайно устойчивыми даже в XXI в., но это не значит, что все остальные социальные конструкты в этом обществе характеризуются подобной неизменностью и стабильностью. В книге «Приглашение в социологию» П. Бергер высказался совершенно недвусмысленно: «За каждой социальной ролью закреплена определенная идентичность» [5, с. 93]. Исходя из ролевого понимания идентичности вывод о том, что в некоторых случаях идентичность может быть «тривиальна и эпизодична», кажется вполне естественным. Бергер и Лукман абсолютно справедливо указывали на то, что «теории идентичности всегда включаются в более широкие теории реальности» [6, с. 282] и что рассматривать их надо в контексте их собственного мировоззренческого основания, которое может быть как мифологическим или религиозным, так и естественнонаучным.

Социальные идентичности в концепции Бергера и Лукмана предполагают интересубъективность. Активности и заинтересованности одного субъекта явно недостаточно для формирования идентичности. Питер Бергер подчеркивал, что

«с социологической точки зрения общество жалует нас идентичностью, поддерживает ее и трансформирует», что «идентичность не есть нечто “данное”, идентичностью награждают в актах социального признания» [5, с. 94]. Самоидентификация, по его мнению, нуждается в социальной поддержке. Поддерживать ее только в собственном воображении практически невозможно [5, с. 95]. Таким образом, в возможностях выбора и даже конструирования собственной идентичности индивиды относительно, но не абсолютно свободны. Их свобода ограничивается тем обществом, в котором они пребывают и проходят процесс социализации.

Если говорить о теории референтных групп, то применительно к предмету нашего исследования больший интерес представляют не работы ее создателя, американского социолога Роберта Мертона, а работы другого известного теоретика, французского социолога Пьера Бурдьё. В одной из своих работ Бурдьё замечает, что люди, определяя свою профессиональную идентичность, «могут называться именем, которое охватывает более широкий класс, чтобы включить в него также агентов, занимающих более высокие позиции» [9, с. 75]. Таким образом, здесь мы имеем дело с идентичностью, которая говорит нам не только о том, кто есть человек на самом деле и к какой группе он действительно принадлежит, но и о том, кем бы он хотел себя видеть, к какой группе он хотел бы принадлежать. В качестве примера Бурдьё приводит учителя, который представляется преподавателем (вероятно, речь идет о статусе школьного учителя, который ниже статуса университетского преподавателя).

Свой подход к социальной идентичности был и у Ирвинга Гофмана, одного из классиков социологии второй половины XX в. Можно сказать, что подход Гофмана базируется на классической статусно-ролевой теории и на его собственном «драматургическом подходе». На связь с первой указывает его замечание, что «нормы в отношении социальной идентичности связаны с типами ролевых репертуаров» [11, с. 34]. На связь с «драматургическим подходом» (теория «управления впечатлениями») указывает приводимая Гофманом классификация идентичностей. Гофман предложил различать *персональную (личностную)* и *социальную* идентичность. Социальная

идентичность была прочно сопряжена с социальным статусом человека. Вместе с тем она включала не только структурные качества (например, род занятий), но и личностные характеристики индивида (например, принципиальность). Личностная идентичность, как представляется, имеет отношение к ответу индивидом самому себе на ряд смежных вопросов. Кто он есть на самом деле? Какой он в действительности? Насколько тот образ самого себя, который он презентует окружающим, соответствует действительности? Управление личностной идентичностью, по Гофману, предполагает контроль индивида за информацией о самом себе.

Кроме того, Гофман предложил различать *виртуальную* и *истинную* социальную идентичность. Под виртуальной социальной идентичностью он понимал характер, который мы приписываем индивиду. Истинной же социальной идентичностью оказывались те характеристики, которыми индивид обладает на самом деле [11, с. 2]. Представляется, что разделение социальной идентичности на виртуальную и истинную является попыткой Гофмана избежать крайностей субъективизма. Личностная идентичность, по его мнению, не обязательно должна совпадать с истинной идентичностью, хотя это и не исключается. Поясним связь разных видов идентичности на следующем примере. Чиновник, имеющий ученую степень кандидата наук, в глазах окружающих имеет статус не только чиновника, но и ученого. В данном случае статус «ученый» можно рассматривать как пример социальной идентичности. Вместе с тем сам остепененный чиновник может прекрасно понимать, что никакой он не ученый, никакую истину он не ищет и новых знаний не добывает. Он руководствуется присказкой: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». За наличием у него ученой степени (неважно, как приобретенной) скрываются не жажда новых научных открытий, а вполне приземленное стремление укрепить свой статус в чиновничьей среде и соображения престижа. Следовательно, его личностная идентичность – это, скорее, идентичность остепененного чиновника, а не ученого. Кто-то из его ближайшего окружения (близкие друзья, научный руководитель, те люди, которые помогали ему написать диссертацию, супруга) может об этом знать и не испытывать сомнений относительно его «учености». Но значит ли это, что

об этом должны знать все его коллеги и начальство? Нет. Скорей всего, в их глазах он предпочтет выглядеть как ученый, расширяющий горизонты науки. Именно они, неосведомленные, могут приписывать ему характеристики подвижников науки (виртуальная идентичность), которыми он в действительности (истинная идентичность) не обладает.

О.А. Симонова [13, с. 51], ссылаясь на работу Н.В. Антоновой [3], указывает на то, что Гофман выделял еще и Я-идентичность – субъективное ощущение индивидом своеобразия собственной ситуации. Однако прямых указаний относительно существования данной формы идентичности в трудах Гофмана нам найти не удалось. Возможно, речь идет лишь об интерпретации Н.В. Антоновой тех или иных высказываний американского социолога. Интерпретация же самой О.А. Симоновой «идентичности» у Гофмана как «индивидуальности» [13, с. 51] не кажется автору данной работы удачной, исходя из классификации идентичностей у самого создателя «драматургического подхода».

Томас Шефф пошел дальше и, по сути, поставил знак равенства между идентичностью и социальными отношениями [См.: 25, с. 918]. В своей работе «Концепции идентичности и социальные отношения» Шефф писал следующее: «Мы трактуем социальные отношения и идентичность как просто разные термины, относящиеся к одному и тому же феномену: учреждение взаимно признаваемых, ожидаемых последовательностей поведения в процессе взаимодействия. Термин «идентичность» относится к индивидуальному порядку социальных действий; термин «социальные отношения» относится к групповым действиям, состоящим из последовательности действий всех участников взаимодействия» [Цит. по: 24]. Попытка Шеффа свести «социальные отношения» к групповым действиям кажется не очень удачной идеей. Дело в том, что в этом случае мы получаем неоправданно жесткую привязку более широкого понятия («социальные отношения») к более узкому понятию («групповые действия»).

Таким образом, к началу 70-х гг. XX в. сформировались две полярные точки зрения на сущность социальной идентичности. Одни исследователи, находившиеся под влиянием идей Эриксона, смотрели на идентичность как

на что-то глубинное, внутреннее, сопротивляющееся любым изменениям, а другие, принявшие постулаты конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривали ее как что-то приписанное, способное меняться в силу обстоятельств и тесно связанное с ролевыми конструкциями. Имела место и эклектика, за которой скрывалось желание исследователей избежать теоретических споров и зачисления в ряды «эссенциалистов» (примордиалистов) или «конструктивистов». Все это позволило Ф. Глиссону сделать следующий вывод: «Довольно плохо, что из многих контекстов невозможно понять, какая из этих двух, весьма различных, интерпретаций имеется в виду. Но хуже всего вероятность того, что многие говорящие об идентичности увливаются и, следовательно, сами не знают, какой интерпретации они придерживаются» [24, с. 920].

В 1970–1980-е гг. на Западе, а в 1990-е гг. и в России на острие теоретических дискуссий, которые велись между примордиалистами и конструктивистами, находились этнические/национальные идентичности. Считается, что впервые четко разграничили два подхода Натан Глэйзер (N. Glazer) и Даниэль Мойнихан (D. Moynihan) во введении к работе «Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge» (1975) [23]. Вначале Глэйзер и Мойнихан определили представителей двух подходов как «примордиалистов» (от англ. «primordial», что в переводе означает «исконный», «изначальный») и «циркумстэнциалистов» (от англ. слова «circumstantial», обозначающего «случайный», «зависящий от обстоятельств»). Позже термин «циркумстэнциалисты» был заменен на «опционалисты» (от англ. слова «optional», означающего «необязательность» и «факультативность»). Еще позже утвердилось окончательное разделение на «примордиалистов» и «конструктивистов». В процессе изучения национализма, этничности и национальной идентичности конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана вышел за рамки абстрактной социологической теории. Конструктивизм в этносоциологии/этнологии нашел мощную опору в историцизме. В исследованиях Б. Андерсона [2], Э. Хобсбаума [17], М. Хроха [18], Х. Тревор-Ропера [15] и ряда других исследователей были вскрыты механизмы конструирования национальных идентичностей, обозначен круг основных

«конструкторов», прямо или косвенно заинтересованных в формировании национальной идентичности, показана обусловленность процесса построения нации конкретными социально-политическими, идеологическими и социально-экономическими условиями.

Если для примордиалистов этничность является базовым элементом личной идентичности, которая не может быть изменена, то для их оппонентов из лагеря конструктивистов «этничность не является несмываемым штампом, отпечатанным на психике, но является измерением индивидуального или группового существования» [24, с. 919]. Конструктивисты считают, что этничность как одна из социальных идентичностей может сознательно подчеркиваться или скрываться в зависимости от ситуации.

Подробное рассмотрение дискуссий о природе национальной или этнической идентичности не входит в нашу задачу. Отметим только, что предмет оказался настолько сложным, что очень многие известные российские исследователи оказались не способны дать удовлетворительное определение понятию «этническая идентичность». В качестве примера укажем на определение этнической идентичности бывшего директора Института этнологии и антропологии РАН академика В.А. Тишкова. «Этническая идентичность или принадлежность к этносу, – пишет В.А. Тишков, – есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией» [14, с. 118]. В этом определении одно неизвестное («этническая идентичность») определяется через другое неизвестное («иерархическая субстанция»), которое, в свою очередь, зависит от третьего неизвестного («что считается этносом»). Можно сказать, что на катастрофическую ситуацию с определением базовых понятий указывалось уже неоднократно [19; 20].

В 1980–1990-е гг. наметилась конвергенция двух линий (психологической и социологической). В социальной психологии наибольший вклад в теорию социальной идентичности внесли работы Г. Тэджфела, Дж. Тернера и М. Хогга, а в социологии – Р. Страйкера, Я. Стетса и П. Бёке, Дж. МакКолла и Дж. Симмонса. Генри Тэджфел социальную идентичность определял как

«часть индивидуального самопонимания, происходящего из личного знания о собственном членстве в группе (в группах), вместе с оценкой и эмоциональной выразительностью, придаваемой данному членству» [28, с. 255]. Тэджфел полагал, что «позитивная социальная идентичность может быть приобретена, в абсолютном большинстве случаев, только через соответствующее межгрупповое сравнение» [29, с. 24]. И Тэджфел, и Тернер, и Хогг были согласны, что идентичность формируется в процессе самоидентификации. Если в ранних работах некоторые из вышеназванных социальных психологов были склонны включать в социальную идентичность эмоциональные, оценочные и другие психологические корреляты групповой классификации, то позже установилась тенденция к отделению самоидентификации от оценок и других психологических компонентов с целью улучшения процесса эмпирического исследования [См.: 27, с. 225]. Данная тенденция, отмечаемая целым рядом исследователей, объективно способствовала еще большему сближению психологических и социологических трактовок социальной идентичности. Вывод социальных психологов Михаэля Хогга и Доминика Абрамса, что «социальные категории, в которые индивиды помещают сами себя, являются частями структурированного общества и существуют только в отношении к другим контрастным категориям (например, “черный” – “белый”)), по сути, мало чем отличается от положений социологов, рассматривающих общество как интерсубъективную реальность.

Ян Стетс и Петер Бёке в целом разделяют определение социальной идентичности, данное Хоггом и Абрамсом, как «индивидуальное знание, что он или она принадлежат к социальной категории или группе» [27, с. 225]. Типично социологическая точка зрения представлена в определении П. Сойтс и Л. Виршуп, считавших социальные идентичности «социально сконструированными и социально выразительными категориями, которые принимаются индивидами для описания себя или своих групп» [Цит. по: 22, с. 81]. Таким образом, сближение трактовок социальной идентичности со стороны социальных психологов и социологов носило обоюдный характер.

Вместе с тем такая ситуация устраивала не всех. Ричард Ашмор со своими коллегами попытался заменить понятие «социальная идентичность»

понятием «коллективная идентичность». В качестве одного из аргументов, оправдывающих такую замену, указывался тот факт, что, по существу, любая идентичность является социальной по своему происхождению. Второй аргумент сводился к тому, что «коннотации с понятием “социальная идентичность” более многочисленны и потенциально более проблематичны, чем коннотации с понятием “коллективная идентичность”» [22, с. 81]. Но аргументация Ашмора и его коллег представляется крайне неубедительной. Ведь нет никаких гарантий, что более широкое распространение понятия «коллективная идентичность» не умножит число проблематичных коннотаций и не создаст дополнительную путаницу в трактовке «коллективности».

Глобализация, резко ускорившийся темп социальных изменений и кризис традиционных форм социальности в конце XX – в начале XXI в., добавили работы теоретикам. Известный британский социолог Зигмунт Бауман в своей монографии «Индивидуализированное общество» пришел к выводу, что идентичность выступает «суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире» [4, с. 190]. Касаясь эриксоновской трактовки идентичности, Бауман замечает, что «или мнение Эриксона устарело, как это часто случается, или ‘кризис идентичности’ превратился ныне в нечто большее, нежели изредка встречающееся состояние психических больных, а также преходящее самоощущение подростков, но “цельность” и “преемственность” стали чувствами, редко испытываемыми в наше время как молодыми людьми, так и взрослыми» [4, с. 186]. Мнение Баумана, солидаризировавшегося с Кристофером Лэшем в том, что идентичности в наши дни представляются чем-то, что «может надеваться и сниматься» [4, с. 187], оказывается очень близко к инструментализму, одному из направлений конструктивизма. В рамках инструменталистского подхода идентичности предстают в виде инструмента для достижения индивидуальных или групповых целей. В современном мире это могут быть идентичности этнические/национальные, гендерные, гражданско-политические и др.

Один из самых известных современных социологов-теоретиков, известный британский ученый Энтони Гидденс, весьма критически относился к

понятию «идентичность» в трактовке Эриксона (сам Гидденс, касаясь теории Эриксона, использует термин «эго-идентичность»). В основе критики Гидденса лежит многозначность и расплывчатость «идентичности» у Эриксона. По мнению Гидденса, сам Эриксон признает, что «здесь возможны четыре коннотации: “осознанное” восприятие собственного Я, “бессознательное стремление к личностной целостности”, “критерий скрытых действий эго-синтеза” и “поддержание внутренней солидарности и идентичности с идеалами группы”». Ни одно из этих значений не кажется Гидденсу «достаточно вразумительным», и он призывает оставить в покое понятие, включающее их все [10, с. 110].

Призыв Гидденса освободиться от столь многозначного и не вполне определенного понятия спустя пятнадцать лет нашел отклик в работе Роджера Брубейкера и Фредерика Купера «За пределами идентичности» [8]. Брубейкер и Купер, подвергнув сомнению адекватность использования данного понятия в социологии, в отличие от Гидденса, не ограничились краткими указаниями на «недостаточную вразумительность» отдельных значений, а дали развернутый критический анализ проблем, возникающих при использовании понятия «идентичность». Ввиду особой важности данной работы рассмотрим ее более подробно. Основные претензии к данному понятию у Брубейкера и Купера сводятся к следующим положениям.

1. «Мягкий» конструктивизм, призванный очистить понятие «идентичность» от нагрузки эссенциализма, ведет к неоправданному умножению мнимых «идентичностей», что существенно снижает аналитическую ценность данного понятия.

2. Многозначность данного термина, сочетающаяся с прямо противоположными трактовками сущности «идентичности», заставляет задуматься о необходимости дальнейшего применения данного понятия в научном анализе.

3. Существует постоянная угроза подмены понятия «идентичность» как категории анализа понятием «идентичность» как категорией практики.

4. Наблюдается несоответствие эмпирической реальности как «сильных», так и «слабых» трактовок идентичности [8, с. 132–145].

Относительно последнего положения необходимо пояснить, что представляют собой «сильные» и «слабые» трактовки идентичности. «Сильные» трактовки исходят из того, что идентичность есть у всех людей и у всех групп населения. Она может быть неосознанной, и относительно ее люди могут заблуждаться (по аналогии с классовым сознанием в марксизме). Групповая идентичность в рамках «сильных» трактовок подразумевает наличие четко обозначенных групповых границ, сплоченность группы и ее внутреннюю однородность. «Сильные» трактовки, как правило, свойственны эссенциалистам (примордиалистам).

Слабым местом «сильных» трактовок является то, что они могут приписывать людям сущности, которых на самом деле нет, например, национальную идентичность. Давно известен факт, что до XIX в., а во многих уголках Земли и до XX в., большинство людей не мыслили категориями национальной принадлежности. Например, сто лет назад большинство крестьян Западной Белоруссии на вопрос о своей национальности отвечало: «Тутошние мы» [18, с. 131]. Очевидно, что эти малограмотные люди в абсолютном большинстве случаев не понимали, что такое национальность. В результате ответ на вопрос о национальной идентичности подменялся ответом на вопрос о локальной идентичности. Другим слабым местом данных трактовок является то, что они могут приписывать реальным идентичностям свойства, которыми те не обладают.

«Слабые» трактовки идентичности сопровождаются оговорками о ее сконструированности, множественности, нестабильности, избирательности и т. д. Нестабильность и узко временной характер, по мнению Брубейкера и Купера, могут порождать сомнения в том, что мы вообще имеем дело с идентичностью. Авторы задают риторический вопрос: «Какая необходимость пользоваться понятием “идентичность”, если его основное значение открыто отрицается!» Попытки очистить данное понятие от эссенциалистских коннотаций приводят, по их мнению, к тому, что понятие становится слишком эластичным и им «трудно оперировать в серьезной аналитической работе» [8, с. 145].

Альтернативу Р. Брубейкер и Ф. Купер видят в том, чтобы сложное, многозначное, а порой и двусмысленное понятие «идентичность» заменить целым рядом более простых понятий, таких как идентификация, категоризация, самопонимание, самопрезентация, самоидентификация, общность, связанность, группность [8, с. 149–157].

Представляется, что претензии Р. Брубейкера и Ф. Купера к понятию «идентичность» не вполне обоснованны. Как и многие другие социальные феномены, идентичность представляет собой субъективную реальность, появляющуюся в результате специфического отражения в сознании человека реальности объективной. Нет ничего, что указывало бы на имманентную принадлежность той или иной идентичности человеку. Любая идентичность формируется в процессе социализации и, следовательно, является социальным конструктом. Естественно, что те идентичности, которые начали формироваться (конструироваться) в раннем детстве (например, гендерная), а в дальнейшем получали поддержку от всех структур повседневности, впоследствии могут создавать ощущение чего-то глубинного и неизменного. И факты, что некоторые люди ради сохранения какой-то идентичности (например, конфессиональной) готовы пойти на смерть, вовсе не отрицают того, что и эти, особо значимые для человека, идентичности являются социальными конструктами.

Но социальные идентичности вовсе не обязательно должны рассматриваться как аналог железобетонных конструкций или египетских пирамид, которых боится даже время. Критика «слабых» трактовок кажется не совсем справедливой. Точнее говоря, она справедлива, но только с позиции «сильных» трактовок эссенциалистов, которые, однако же, Брубейкером и Купером отрицаются. Спрашивается, а почему идентичность не может носить временный характер и быть ситуативной? Человек, поехавший на отдых в составе туристской группы в Турцию или Египет, вполне способен на период поездки рассматривать себя в качестве «туриста». Как «туриста» или, исходя из стереотипных представлений, даже как «российского туриста» его будут рассматривать гиды, экскурсоводы, горничные в гостинице, продавцы сувенирной продукции на рынке, полицейские и мн. др. Как представитель

туристской группы он будет заселяться в определенный гостиничный номер, садиться в определенный туристский автобус и т. д. Но что произойдет с этой «идентичностью» по возвращении на родину? В дальнейшем сохранении данной идентичности просто не будет необходимости.

Упрек в том, что «слабые» трактовки ведут к умножению «идентичностей», вполне справедлив. Но снижается ли от этого аналитическая ценность понятия? Не факт. Следуя логике Брубейкера и Купера, социологи должны были бы отказаться от понятий «социальный статус» и «социальная роль», ибо «социальных ролей» уж никак не меньше, чем идентичностей. Авторы упрекают известного социолога Чарльза Тилли том, что его определение идентичности оказывается чрезмерно широким [8, с. 146]. При этом они упускают из виду, что определение Тилли [30, с. 7], увязывающее идентичность с ролью и опытом группового взаимодействия, оказывается вполне в духе конструктивистских построений П. Бергера. Вместе с тем тесная связь идентичности с социальной ролью и субъективным переживанием по поводу данной роли кажется совершенно очевидной.

Сама по себе многозначность научного термина не является препятствием для его использования. Проблему в данном случае представляет не многозначность, а непоследовательность некоторых исследователей, на которую обращал внимание Ф. Глисон. Наилучшим выходом из данной ситуации является последовательный конструктивизм. Под такой последовательностью следует понимать как отказ от любых форм примордиализма, от поиска «объективных» качеств и свойств той или иной группы, так и игнорирование самой идентичности под предлогом ее «произвольности» и случайности.

Уместно вспомнить теорему У. Томаса, краеугольный камень всего конструктивизма: если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях. Иными словами, если люди себя считают русскими, православными или пермяками, последовательный конструктивист, как минимум, должен это уважать и исходить в своем анализе идентичности из этого факта. Равно как при установлении того факта, когда треть респондентов заявляет, что для нее локальная идентичность

связана прежде всего с местом рождения и взросления человека [12, с. 75], вовсе не значит, что место рождения является объективной характеристикой локальной идентичности. В данном случае в качестве объясняющих структур следует использовать не мифологемы «крови и почвы», а особенности процессов социального конструирования (индивидуального и группового), принятых в данном социуме.

Вместе с тем последовательный конструктивизм как решение целого ряда научно-методологических проблем, прямо отрицается Брубейкером и Купером. «Искать решение в более последовательном конструктивизме, – пишут они, – тоже бесполезно, так как непонятно, почему то, что повсеместно характеризуется как нечто множественное, фрагментарное и пластичное, должно быть концептуализировано как «идентичность»» [8, с. 139]. Но опять же, это непонятно только с позиции «сильных» трактовок.

Что касается угрозы подмены категории анализа категорией практики, то эта опасность сопровождает огромное количество научных понятий. Как и в случае с многозначностью, тут все зависит от позиции конкретного исследователя. Впрочем, Брубейкер и Купер сами это прекрасно осознают и оговариваются, что сам по себе факт использования категории анализа в качестве категории практики «не должен автоматически приводить к исключению данных категорий из числа аналитических» [8, с. 138].

Говоря о частом несоответствии эмпирической реальности «сильным» и «слабым» трактовкам идентичности, мы должны понимать, что данные трактовки являются не более чем идеально-типическими конструкциями. И любая реальность будет лишь в большей или меньшей степени соответствовать «сильной» или «слабой» трактовке идентичности.

Но, может быть, те концепты, которые предлагают Брубейкер и Купер, действительно являются достойной альтернативой понятию «идентичность»? Рассмотрим этот вопрос более подробно. Преимущество «идентификации» перед «идентичностью» данные исследователи видят в том, что «идентификация как форма маркирования себя и других присуща социальной жизни»; «“идентичность” в ее сильном значении – нет» [8, с. 149]. «Идентичность» видится им «запрограммированным конечным результатом», а

«идентификация» – «усилием по созданию коллективного самоопределения». «Идентификация», по их мнению, подчеркивает протекание «сложных и порой неоднозначных *процессов* (здесь и далее курсив Брубейкера и Купера), тогда как «идентичность» указывает на *состояние*, а не на *процесс* [8, с. 152]. Но «идентичность» как состояние рассматривается в теории Эриксона.

Уже в работах интеракционистов «идентичность» рассматривается именно как *процесс*. Понимая, что их замечание насчет «состояния» справедливо применительно только к «сильным» трактовкам эссенциалистского толка, данные исследователи стараются найти аргументы и против «слабых» трактовок. Решающим аргументом, по их мнению, оказывается то, что «если результат всегда считается “идентичностью” – каким бы временным, фрагментированным, многогранным и изменчивым он ни был, – теряется способность устанавливать ключевые различия в социальном анализе» [Там же]. Почему теряется способность устанавливать ключевые различия, остается совершенно неясным. Совершенно непонятно, что мешает Брубейкеру и Куперу устанавливать различия тогда, когда они имеют дело с «результатами». Представляется, что «устанавливать ключевые различия» можно применительно как к *состояниям*, так и к *процессам* и понятие «идентичность» этому нисколько не препятствует.

Понятие «самопонимание» Брубейкеру и Куперу видится хорошей альтернативой понятию «идентичность». Под «самопониманием» скрывается «контекстуальная субъективность»: чувство того, кто ты есть, социальной принадлежности. К достоинствам данного понятия исследователи относят то, что оно не имеет устойчивой семантической связи ни в пользу тождества, ни в пользу отличия. Идентичность же, по их мнению, семантически подразумевает тождество между различными временными периодами и индивидуальностями [8, с. 153–154]. Понимание идентичности как чего-то абсолютно неизменного во времени выходит даже за рамки большинства «сильных» трактовок и кажется утрированным. Безусловно, какие-то идентичности, раз сформировавшись, могут сохраняться человеком до конца его жизни (например, гендерная). Но даже Эриксон не говорил о том, что идентичности находятся вне времени и в принципе не способны к изменениям.

Понятно, что «самопонимание» у человека может быть сегодня одно, а завтра совсем другое, хотя может очень долгое время не меняться. Но и идентичности, по крайней мере в «слабых» трактовках, совсем не обязательно всегда являются чем-то быстро меняющимся. Они могут быть таковыми, но могут быть и весьма устойчивыми образованиями.

«Самопрезентация» и «самоидентификация» – понятия, тесно связанные с понятием «самопонимание». Главным здесь, по мнению Брубейкера и Купера, является то, что они предполагают какую-то дискурсивную артикуляцию, тогда как самопонимание может и не предполагать артикулирования.

Понятие «общность» (commonality) постулирует объединенность людей каким-нибудь атрибутом. «Связанность» (connectedness) предполагает совокупность отношений, связывающих людей друг с другом. «Группность» рассматривается как «чувство принадлежности к особой, четко отграниченной и солидарной группе» [8, с. 156].

Понятия, предложенные Брубейкером и Купером, более подходят не для замены понятия «идентичность», а для операционализации данного понятия. Как известно, операционализация основных понятий – неотъемлемый атрибут любого социологического исследования. Смысл данного этапа заключается не только в том, чтобы дать приемлемые определения ключевых понятий исследования, но и в том, чтобы предложить набор индикаторов, который будет указывать на наличие того или иного признака и поможет решить проблему валидности.

Более продуктивным подходом представляется не отказ, как у Брубейкера и Купера, от одного сложного понятия с заменой его на ряд более простых дефиниций, а попытка выделить основные элементы социальной идентичности. В частности, Ричард Эшмор и его коллеги [22] в качестве элементов коллективной идентичности называли самоназвание, оценку данной категории, степень важности группового членства, чувства принадлежности и взаимозависимости, поведенческую вовлеченность и т. д. Чуть позже подобного рода работа была проделана Джин Финней и Энтони Онгом применительно к этнической идентичности [26]. Очевидно, что работа

Брубейкера и Купера принесла бы больше пользы, если бы авторы сконцентрировались не на замене одного понятия несколькими другими, а на выявлении структурных компонентов идентичности и возможностей их лучшего эмпирического изучения.

Попытка заменить «идентичность» целым рядом вышеперечисленных категорий может быть продуктивна в целях улучшения анализа, но за анализом должен следовать синтез, что опять заставит исследователей придумывать некоторую новую, обобщающую, дефиницию.

Список литературы

1. *Абельес Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию: пер. с нем. / под общ. ред. Н.А. Головина, В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в западной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
4. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
5. *Бергер П.Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
7. *Бороноева Д.Ц.* Субъект и этничность в символическом интеракционизме // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 190–194.
8. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Нов. изд-во, 2010. С. 131–192. (Перевод статьи: Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity» // Theory and Society, 2000. No. 29. P. 1– 47).
9. *Бурдые П.* Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
10. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2003. 528 с.
11. *Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3– 6). / пер. с англ. М.С. Добряковой. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 23.04.2018).
12. *Лысенко О.В., Шишигин А.В.* Кто такой «пермяк»? Как формируется идентичность пермяка в пространстве, времени и в культуре // Стилистические

- особенности пермской городской идентичности / ред. О.В. Игнатьева, О.В. Лысенко. СПб.: Маматов, 2014. 272 с.
13. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.
 14. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
 15. *Тревор-Ропер Х.* Изобретение традиции: традиции горцев Шотландии // Неприкосновенный запас. 2015. № 6. С. 128–145. (Перевод статьи: *Trevor-Roper H.* The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // Hobsbawm E., Ranger T. (Eds.) The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 15–42).
 16. *Хобсбаум Э.* Массовое производство традиций: Европа 1870–1914 // Неприкосновенный запас. 2015. № 6. С. 107–127.
 17. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 306 с.
 18. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.
 19. *Шушигин А.В.* Понятия «этнос» и «этническая идентичность» в современной российской социологии // Вестник Прикамского социального института. Серия: Право. Вып. 4 (26). Пермь: ПСИ, 2006. С. 36–43.
 20. *Элез А.Й.* Критика этнологии. М.: Наука/Интерпериодика, 2001. 304 с.
 21. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006.
 22. *Ashmore R., Deaux K., McLaughlin-Volpe T.* An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality // Psychological Bulletin. 2004. Vol. 130. No. 1. P. 80–114.
 23. *Glazer N., Moynihan D.* Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge, 1975.
 24. *Gleason P.* Identifying Identity: A Semantic History // The Journal of American History, Vol. 69, No. 4 (Mar., 1983), p. 912. См. Herberg W. Protestant – Catholic – Jew: An Essay in American Religious Sociology. Garden City, 1956.
 25. *Gleason P.* Identifying Identity: A Semantic History // The Journal of American History, Vol. 69, No. 4 (Mar., 1983), p. 918.
 26. *Phinney J., Ong A.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. 2007. Vol. 54. No. 3. P. 271–281.
 27. *Stets J., Burke P.* Identity Theory and Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. No. 3. P. 224–237.
 28. *Tajfel H.* Human groups and social categories. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981.
 29. *Tajfel H.* Social Psychology of intergroup relations // Annual Reviews Psychology. 1982. 33:1–39.
 30. *Tilly Ch.* Citizenship, Identity and Social History // Citizenship, Identity and Social History / Ed. By Ch. Tilly. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1–17.

Глава 4. СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД

В настоящее время тенденции управления персоналом носят глобальный характер и отражают поиски передовых компаний в создании высокоэффективных систем управления и реализации творческого и производительного потенциала работающих. Основопологающим теоретическим положением новых подходов к управлению людьми в деловой организации является признание социальной ценности человеческих ресурсов, освоение и развитие которых нуждается в инвестиционных вложениях подобно другим видам ресурсов.

Развитие теории управления и смежных областей знаний (психологии, социологии, права, физиологии, информатики, конфликтологии, этики, эргономики и др.), проведение многочисленных прикладных и фундаментальных исследований в сфере социально-трудовых отношений внесли существенный вклад в формирование концепции управления человеческими ресурсами. Так, по мнению аналитиков, сегодняшний работник должен обладать стратегическим мышлением, предприимчивостью, широкой эрудицией, высокой культурой. Это выдвинуло на повестку дня кроме требований непрерывного развития персонала ряд новых направлений, определяющих основные тенденции в изменении базовых подходов.

Первая тенденция – это гуманизация управленческой деятельности. По мнению Г. Хэмела, традиционный менеджмент («Менеджмент 1.0»), основы которого были заложены более ста лет назад, а существенные прорывы в развитии произошли недавно, достиг предела своего развития. Исторически менеджмент формировался для решения проблем эффективности и масштаба. Отсюда и решения: бюрократия, ее иерархическая структура, спускаемые сверху вниз цели, четкое определение ролей и тщательно проработанные правила и процедуры. Управление организациями XXI в. («Менеджмент 2.0») должно стать в большей степени способным к адаптации («очеловечиванию» организации), инновационному развитию и вдохновению, не теряя фокуса,

дисциплины и ориентации на результат. Решению этой задачи может помочь новое мышление, свободное от устаревших убеждений [11]. Другими словами, гуманизация управления персоналом – в принятии организацией Человека как своей главной ценности, основного ресурса.

Вторая тенденция в управлении персоналом – переход от «кадровой работы» к управлению человеческими ресурсами, то есть от тактики – к стратегии использования человеческого потенциала. Организации, стремящейся к конкурентоспособной деятельности на рынке, необходимо управлять персоналом, искать и нанимать нужных работников, мотивировать и оценивать, обучать и развивать, планировать карьеру и т. д. [1].

Третья тенденция – изменение роли кадровых служб на предприятиях. Сейчас многие организации включают в свою структуру уже не отделы кадров, а службы управления персоналом, в функции которых входит именно управление персоналом, а не кадровый учет. Появилась новая профессия – HR-менеджер взамен инспектора по кадрам [2].

Четвертая тенденция – совершенствование методов управления персоналом – характерна для всех элементов системы управления персоналом: найма и отбора, мотивации, оценки, обучения, планирования карьеры, высвобождения персонала. Например, в оценке персонала в последние 15–20 лет стали использоваться такие методы, как Assessment-Center, деловые игры, управление по целям [1].

Пятая тенденция – внедрение информационных технологий в системы управления персоналом.

Укрупнение предприятий требует автоматизации учета кадров, и современные организации используют различное программное обеспечение для кадрового учета, контроля и ведения документации. Так, компьютерные технологии используются в планировании, обучении, оценке персонала; появляются новые формы взаимодействия человека и организации, например, дистанционная работа, которая не требует присутствия человека в офисе (SOHO – Small Office Home Office). Соответственно, и система управления персоналом должна подстраиваться под такой вид организации работы.

Шестая тенденция связана с общемировыми глобализационными процессами и обусловлена тем, что в условиях глобализации человеческие ресурсы становятся более мобильными не только внутри страны, но и между государствами. При этом конкурентная борьба за лучшие кадры существует не только на уровне организаций, но и на уровне государств. Появляются транснациональные компании, менеджеры которых – представители разных стран и культур – вынуждены прибегать к новым кадровым стратегиям, активному использованию атипичных форм занятости, таких как заемный труд (стафф-лизинг, аутстаффинг) и аутсорсинг [13; 15].

К современным тенденциям в управлении персоналом можно также отнести «талант-менеджмент». Этот термин был сформулирован компанией McKinsey после изучения этого явления и опубликования одноименной книги [15]. Интегрированное приобретение талантов для современных менеджеров по персоналу – цель не менее стратегическая, чем применение новых технологий. В некоторых случаях, когда бизнес в значительной степени зависит от способности приобретения талантов для организации, развитие, мотивация и удержание персонала становятся приоритетом. Поэтому единственным способом для менеджера является не формальная постановка задачи, а провоцирование идей.

Таким образом, понимание и учет в системе управления персоналом сложившихся тенденций может обеспечить в современных условиях высокую доходность компании с гибкой структурой, развитой системой горизонтальных связей и использованием в кадровом менеджменте гуманистических (лично-ориентированных) технологий при условии участия в этом процессе всех менеджеров и работников компании.

Обобщая приведенные выше тенденции развития кадрового менеджмента, можно заключить, что при разработке технологий управления персоналом современных компаний должны учитываться не только компетенции профессионально-личностного и квалификационного, но и поведенческого характера. Это означает, что для обеспечения эффективной реализации кадрового менеджмента необходимо не суммировать результаты достижений сотрудников, а выявлять зависимости между

их компетенциями и отдельными компонентами этих компетенций, определяя соответствующее направление развития вектора поведения того или иного сегмента персонала с целью прогнозирования сценариев возможного поведения. Другими словами, модель управления персоналом, базирующаяся на гуманистических принципах, предполагает создание таких условий ее функционирования, когда персонал имел бы возможность соотносить интересы организации с личными интересами и, отрефлексировав долгосрочную выгоду, мог бы изменить приоритеты и поведение в пользу признания ценностей компании.

В связи с этим представляется, что разрабатываемая концепция системно-векторного управления поведением персонала (КСВУП) – это система теоретико-методологических взглядов на понимание и определение сущности, содержания, целей, задач, закономерностей, принципов и методов управления поведением персонала с учетом наиболее благоприятных для него векторных архетипов, а также организационно-практических подходов к формированию технологии соорганизации совместной деятельности работников в направлении повышения конкурентоспособности предприятия (рис.1).

Рис. 1. Архитектоника КСВУП

В настоящее время сфера вопросов, связанных с управлением персоналом и работой соответствующих служб, становится стратегически важной. Инновационный продукт и информационные технологии требуют и нового стиля управления, качественно отличного от принятого в прошлом веке, и специалистов на всех уровнях организации, которые могут этот стиль реализовать. На Западе давно поняли, что новые условия функционирования и развития социальной и культурной среды влекут за собой изменения в организации бизнеса, структуре связей и взаимоотношений как внутри, так и «снаружи» компании, в корпоративной культуре и самом духе делового сообщества. В XXI в. лидеры управленческой науки считают, что власть на современном этапе – это контроль над «самым ценным из всех природных ресурсов – над человеческим разумом» [7].

Стратегия развития любого бизнеса обязательно включает в себя задачи формирования команды, мотивации целесообразного поведения персонала, его обучения и развития. Но руководителям, которые в качестве основных методов управленческого воздействия на человека применяют административные и экономические инструменты, относящиеся к внешним мотивационным факторам, реализовать эти процессы на практике почти наверняка не удастся.

Дело в том, что применение традиционных методов, средств, форм, стилей управления имеет кратковременный или даже противоположный ожидаемому результат, т.к. возможность «иррационального» поведения человека, определяемого внутренними мотивами, в данном случае не учитывается. Поэтому метод управления человеком в организации – управление поведением, как представляется, должен учитывать и внешнюю, и внутреннюю мотивацию личности работника.

Теоретическое запаздывание в осмыслении социоструктурных и экономических перемен в сфере труда, неисследованность целого ряда проблем формирования новых стратегий трудового поведения, отсутствие серьезных обобщений научно-прикладного характера по выявлению взаимосвязи трудового поведения с действующими системами мотивации и стимулирования труда, статусными позициями наемных работников и их социальными ролями и векторными архетипами на конкретном предприятии

предопределили направление поиска решения указанных проблем и обращение к «Концепции системного мышления», в парадигме которой в Нью-Йоркском отделении International School for System Thinking (Международной интернатуры системного мышления) разработана методология работы с персоналом с применением системного векторного психоанализа.

Векторный психоанализ основан на системном осмыслении функционального ролевого поведения. Так, по мнению В.А. Ганзена и В.А. Толкачева, наиболее благоприятные для индивида типовые социальные роли (векторные архетипы, по нашей терминологии) заложены в каждом человеке и проявляются на генетическом, биохимическом, физиологическом и психологическом уровнях. Базовая типовая модель названа «вектором». Этот вектор и определяет доминирующие способы поведения и адаптации к окружающей среде, а также сценарии проживания жизни человеком как индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [3, с. 10].

Число сочетаний векторов может расти до сколь угодно большого числа, но для целей управления поведением персонала можно ограничиться собственно лишь базовыми. Существуют обоснованные и подтвержденные многолетней практикой системные описания векторных характеристик. Так, например, обладатель архетипической функции «лидер» необходим в начале любого дела. Его активность, способность вести за собой людей и мгновенно принимать неожиданные решения обусловлены природной скоростью нейрофизиологических процессов. Назначьте на должность, где необходима деловая инициатива, например, обладателя видовой функции «завершитель дела», и финал будет не лучшим и для него, и для коллектива, сколько бы тренингов по развитию нужных компетенций его ни заставили пройти.

Осветить весь системный спектр векторальных характеристик персонала в данном случае не представляется возможным. Однако целесообразно подчеркнуть, что с помощью системного векторного психоанализа можно практически определять свои и чужие наиболее благоприятные ролевые функции. Это знание послужит нам в дальнейшем основанием для выбора индивидуального пути личностного и профессионального роста, а также

классификационным признаком в типологии поведения персонала на основе изменения направления вектора его поведения.

Следует также заметить, что проектируемая КСВУП ни в коем случае не должна служить цели механистического «разделения» людей, поскольку каждый базовый тип является, с одной стороны, уникальным для целей данной модели, а с другой – модельным описанием наиболее вероятных направлений реализации природного потенциала. Но в случае с каждой отдельной личностью, а тем более творческой индивидуальностью («талант-менеджмент»), конкретное проявление реализации получается неповторимым. Здесь, как и в любой типологии, справедливы слова К. Юнга: «Моя типология, перво-наперво, представляет критический аппарат, служащий распределению и организации сумбура эмпирического материала, но ни в каком смысле не предназначена для навешивания на людей ярлыков, как это может показаться с первого взгляда» [12].

Системно-векторное управление поведением персонала позволяет не «заставлять человека играть роль», к которой он по своим природным данным не предназначен, а грамотно и быстро подбирать коллективы на каждой фазе развития предприятия и подготавливать человека к работе «под проект», зная сильные и слабые стороны каждого человека, уровень развития профессиональных, личностных и поведенческих компетенций.

Возможность каждого сотрудника организации реализовать свой уникальный индивидуальный набор типовых качеств и свойств, наиболее эффективная роль в команде, прогнозирование поведения, эффективные коммуникации по векторным архетипам – далеко не полный список преимуществ системно-векторного управления поведением. Вместе с гармонизацией внутреннего психологического состояния человека (направления его вектора) гармонизируется и социальный климат его окружения (направление вектора организации).

В условиях, когда современные государство и общество навязывают человеку определенные образцы и стандарты жизни, одним из главных вопросов времени становится защита его самобытности и уникальности. В периоды кризиса в экономической и политической системе общества развитие человека не является главной целью государства. В это время персонал

используется в качестве средства воплощения антикризисных мероприятий, когда личность идет на индивидуальные жертвы, ограничивает свои потребности во имя реализации общих целей. Однако не у каждого есть для этого достаточный духовный и физический потенциал.

Демонтаж старой системы ценностей создает в обществе духовный вакуум, который быстро заполняется антисоциальными идеями. Нарастают безнравственность и бездуховность, а традиционные ценности зачастую подвергаются эрозии.

При этом в наиболее тяжелом положении оказываются молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет. В классификации периодов жизни человека этот возраст определяется как поздняя юность или ранняя зрелость. Отсутствие единого термина уже говорит о сложности, неоднозначности психологических характеристик этого периода жизни человека. Именно на эту пору приходится период активного жизненного и духовно-нравственного становления личности, достигают максимума в своем развитии не только ее физические, но и психологические свойства. Данный период жизни максимально благоприятен для профессиональной ориентации, когда происходит активное формирование индивидуального стиля деятельности.

Более всего нуждается в направляющей руке и верных ориентациях молодежь. Пребывая в состоянии покинутости, постоянной тревоги и страха за свое настоящее и будущее, она подвергается различным формам психологического и физического насилия и часто переходит на крайние формы протеста, которые носят девиантный характер и проявляются в производственном оппортунизме [6; 10]. Это означает, что усилия руководителей должны быть направлены не на внешнее «облагораживание» жизненной активности личности сотрудника, а на «глубинное» выстраивание тонких связей, побуждающих и формирующих высоконравственное личностное ядро. Именно такого рода обобщение в системно-векторном управлении поведением может претендовать на следующую закономерность: чем больше в управленческом процессе условий, обеспечивающих сотруднику свободный выбор ценностных ориентиров и жизнеопределяющих решений, тем выше

уровень его личностного роста, направленного на реализацию потребности в позитивном самоизменении.

В рамках личностно-ориентированного управления в центр его теории и практики ставится не административно-командное воздействие, обеспечивающее выживание общества, а взаимодействие, обеспечивающее саморазвитие сотрудника, которое возможно только в условиях предоставленной ему свободы (но не вседозволенности). Согласно современному научному знанию, свободная личность представляется в трех взаимосвязанных ипостасях: потребности, направленность (творческое самовоплощение), «Я-концепция».

Потребности в самовыражении и самообразовании строятся на базе первичных потребностей человека и субъективно воспринимаются им как актуализация «хочу». Ощущение возможности удовлетворить свои потребности дает индивиду чувство свободы, которое ассоциируется с возможностью ее творческого самовоплощения. Этот процесс воспринимается персоналом как творческая самореализация. Однако свобода предполагает соотнесение своих потребностей с интересами и свободой других людей, что для сотрудника означает осознание необходимости реализовывать свои потребности и творческую индивидуальность в соответствии с правовыми и нравственными нормами и предписаниями, принятыми в государстве, обществе, организации. Здесь и проявляются категории долга, обязанности, ответственности, дисциплины – «надо».

Наличие адекватных социальных потребностей, творческих талантов и способностей, восприятие и учет социальных «барьеров» и корпоративной среды образуют исходный материал для развития природной активности сотрудника, делая его свободной личностью. Учитывая невозможность одновременной реализации всех потребностей, а также реальные возможности их удовлетворения, ограничения, вводимые окружающей средой, человек совершает сознательный выбор, что и дает ему наибольшее ощущение свободы [9].

Перспективы гуманизации управления поведением персонала видятся в создании таких условий для существования подобной управленческой деятельности, в которых бы в наибольшей степени рассматривалась природа

всех ее субъектов (как в горизонтальном, так и в вертикальном разделении труда). Идея гуманизации процесса управления поведением персонала через его саморазвитие в условиях свободы подводит к определению следующей закономерности: чем больше внимания в процессе управления уделяется развитию природной активности персонала (с учетом его способностей к саморазвитию), тем меньше различных форм протеста он демонстрирует.

Процесс внутренней обусловленности отклоняющегося от социальной нормы поведения определяется не столько конкретно сложившейся вокруг сотрудника неблагоприятной ситуацией, сколько сформированным стереотипом поведения, реакцией на стихийное влияние негативного прошлого. Поэтому специфика управленческой деятельности заключается в том, что руководителям приходится иметь дело с людьми, уже испытавшими на себе влияние различных факторов: организованных и стихийных, осознанных и неосознанных.

У человека, который растет в неблагоприятном окружении, ощущает жесткие, резкие действия в свой адрес, не чувствует душевного тепла, любви и заботы, формируется на бессознательном уровне ощущение собственной ненужности и незащищенности. Очень рано начинают формироваться способы компенсации, которые с возрастом могут принять более тяжелые формы: утверждение собственной независимости, проявление агрессии против «успешных» коллег, нарастание неврозов, формирование негативного стереотипа поведения [2].

При этом человек выбирает нужное направление дальнейшего движения, от которого зависит результат его дальнейшего саморазвития. Вместе с тем процесс развития личности, как правило, сопровождается такими кризисными обстоятельствами, которые могут привести ее к саморазрушительным действиям. Такое происходит, когда кризисы повторяются и носят перманентный характер либо когда происходит соединение нескольких кризисов, толкающих фрустрированного человека на неадекватные действия.

Если процессы самоопределения, самосовершенствования, самовоспитания и самоперевоспитания персонала не будут направляться специально ориентированным управлением, то они будут протекать с заметным

опозданием и осуществляться противоречиво, что в конечном счете деструктивно влияет на личность. Обществу, руководителям структурных подразделений, высшему менеджменту организации необходимо научиться предвидеть неизбежность прохождения человека через тот или иной микрокризис. В этом случае обнаруживает себя следующая закономерность: часто повторяющиеся, накладывающиеся друг на друга позитивные воздействия могут вызвать «явление резонанса», которое повлечет за собой развитие умения персонала противостоять негативным изменениям личности, что может привести к блокированию у нее различных форм поведения.

Для того чтобы процесс преобразования негативного стереотипа поведения был подлинно человекообразующим, у членов трудового коллектива должна сформироваться потребность в изменении самих себя. Традиционная психология и социология управления, пытаясь разрешить противоречия в становлении личности сотрудника, не оставляет ему шансов на формирование такой потребности. Если мы хотим видеть процесс управления поведением персонала подлинно гуманистическим, то должны направить его на защиту интересов не только организации, но и самого сотрудника. Подобного рода социализация достигается за счет методов обучения и воспитания. Это процесс приобщения сотрудника с девиантным поведением к общему, должному, то есть ко всему тому, что позволит ему в будущем продуктивно выполнять свои обязанности.

В.А. Ганзен видит в индивидуализации «систему средств, способствующую осознанию человеком своего отличия от других: своей слабости и своей силы – физической, интеллектуальной, нравственной, творческой... для духовного прозрения в понимании себя, для самостоятельного... продвижения в выборе собственного смысла жизни и жизненного пути» [3, с. 59]. В связи с вычленением сферы индивидуальности появляется целесообразность выделять в управленческой деятельности особый процесс, подразумевающий психолого-педагогическое сопровождение сотрудника на всех этапах его трудовой карьеры. Ему необходимо помочь выбрать оптимальный режим физических и интеллектуальных нагрузок,

адекватный способ реакции на невзгоды и неудачи, правильный характер отношений с коллегами и начальниками.

Управленческий смысл понятия «помощь» заключается в том, что предметом поддержки девиантного сотрудника становится процесс совместного определения его жизненных ориентиров, собственных интересов, возможностей преодоления возникших трудностей, которые могут мешать сохранить ему свое человеческое достоинство и самостоятельно достичь положительных результатов в самосозидании. В поддержке нуждается каждый человек, страдающий теми или иными формами девиантного поведения, в особенности на этапах первичной или вторичной адаптации. То есть поддержка должна быть дифференцированной по типам незащищенности и иметь личностно-ориентированный характер применительно к каждому человеку.

Понятие «психолого-педагогическая поддержка» не подменяет понятия «воспитание», «обучение» и «управление». Напротив, оно направлено на оказание индивидуализированной предупреждающей или опережающей помощи персоналу с девиантным поведением, оказавшемуся в сложной критической ситуации и испытывающему какие-либо формы социальной дезадаптации. Вместе с тем процесс педагогической поддержки еще слабо включается в общую систему управления персоналом. Доказательство этому – тенденция к увеличению количества проявлений различных вариантов девиантного поведения

Нельзя помочь работнику в нормализации его поведения, используя при этом только авторитарные методы назидательного характера. Можно длительное время объяснять человеку, что он собой представляет, показывать примеры позитивного поведения, которые поведут его иным путем, но данные усилия, как правило, остаются бесплодными. В данном случае процесс традиционной профилактики и коррекции девиантного поведения персонала сводится к поиску ответа на вопрос: «Что ты сделал и как я смогу изменить твое поведение в процессе управления?» Личностно-ориентированный подход в данном процессе ищет ответ на другой вопрос при той же проблеме

девиантности поведения персонала: «Как ты к этому пришел и как создать условия для твоего собственного самоисправления?»»

По убеждению В. Франкла, такие условия должны быть правдивыми и искренними, основанными на принятии работника, расположении к нему как личности, имеющей безусловную ценность вне зависимости от ее поведения, ценностных ориентаций и чувств [14]. Другими словами, руководитель должен принимать подчиненного таким, какой он есть, уважать весь спектр его отношений (положительных или отрицательных) в данный момент. Однако принятие сотрудника будет иметь результат только тогда, когда менеджер понимает его чувства и мысли, которые совсем недавно казались глупыми, эксцентричными и т. д. Только в этом случае перед взором руководителя открываются возможности познания и понимания глубоко скрытого внутреннего опыта и мира своих подчиненных с девиантным поведением.

Вместе с тем сложившаяся практика управления персоналом свидетельствует о том, что руководители далеко не всегда могут достигнуть таких отношений при воздействии на девиантных подчиненных. Добиться успеха во взаимоотношениях с персоналом менеджерам мешает, как правило, неправильно избранный стиль общения и взаимодействия [1; 2], не дающий персоналу возможности использовать его для собственного развития, мешающий понять те стороны жизни и самого себя, которые вызывают неудовлетворение и формируют состояние дискомфорта.

Профессиональное становление руководителя является не только периодом его подготовки и совершенствования профессионального мастерства, но и важным этапом его личностного роста, раскрытия его потенциальных возможностей. Поэтому нельзя гуманизировать управление персоналом, его содержание, формы, воспитательные технологии, оставляя за рамками научных и практических исследований феномен личности менеджера, его культурно-образовательный уровень. Положительное воздействие личности менеджера на персонал происходит лишь в условиях личностно-ориентированного взаимодействия, цель которого – не управлять (воспитывать), а поддерживать, развивать человека в человеке и закладывать в нем механизмы самореализации, адаптации, саморегуляции и самовоспитания. Однако предвзятая позиция

многих руководителей по отношению к работникам, назидательный характер общения, авторитарный стиль управления часто приводят к эмоциональной напряженности, нервозности субъектов взаимодействия, что в конечном итоге снижает уровень положительного личностного влияния руководителя на персонал. В этом случае уровень положительного влияния менеджеров функционально-ролевого типа взаимодействия с подчиненными гораздо ниже, чем у их личностно-ориентированных коллег. То есть не личностные свойства и качества управленца сами по себе оказывают непосредственное влияние на развитие личности персонала, а тип его педагогического взаимодействия в КСВУП.

В исследованиях, проведенных А.П. Андруником, В.П. Андруником, Д.А. Белухиным, Р.А. Рогожниковой и другими, подчеркивается, что тип взаимодействия определяется уровнем развития профессионально-личностной структуры руководителя. Представляется, что менеджеру в работе с персоналом недостает таких профессионально важных качеств, как рефлексивность, самокритичность, гибкость и целостный подход к личности работника, коммуникабельность, толерантность, креативность и др. С другой же стороны, поведенческая агрессивность руководителя, его равнодушие и формальное отношение к проблемам подчиненного, сверхконтроль и гиперопека, преобладание в работе вербальных форм воспитания ведут к блокированию социальной активности персонала, могут неосознанно спровоцировать агрессию в его поведении и разрушить фон личностно-эмоционального общения. Все это входит в противоречие с противоположной тенденцией у персонала и выражается в его труднообучаемости, которая в конечном итоге переходит в трудновоспитуемость и трудноуправляемость.

Дальнейший анализ выявленных прямых и косвенных связей в структуре управленческого взаимодействия между руководителем и персоналом позволил сформулировать следующую закономерность: чем выше уровень личностных качеств руководителя при работе с персоналом, тем выше эффективность управления поведением последнего.

Таким образом, на основе изучения и обобщения передового управленческого опыта, а также системного анализа практической

деятельности руководителей удалось выявить ряд закономерностей, которые существуют в виде объективных, устойчивых, повторяющихся связей, обуславливающих эффективность КСВУП в целом. Теоретическое осмысление и дальнейшее исследование данных закономерностей открывают перспективы творческого поиска более эффективных путей управленческих взаимодействий в направлении коррекции поведения. При этом закономерности, которые реализуются в самом процессе управления, находят практическую реализацию в личностно-ориентированных принципах кадровой политики, определяющих содержание и технологию процесса управления поведением персонала.

Рассмотренные закономерности дают представление об организации и методике исследуемого процесса. Когда в науке разработаны и обоснованы теоретические закономерности, они становятся принципами практической деятельности, то есть принципами личностно-ориентированной КСВУП. Для того чтобы персонал стал реальным центром оказания психолого-педагогической поддержки со стороны руководителей, необходимо охватить все сферы их взаимодействия и дать им новое (в рамках КСВУП), более глубокое объяснение [4].

Как утверждает М.А. Холодная, «никакие методики и технологии... не обеспечивают обновление педагогического процесса, поскольку смысл его не в простой смене “инструментов” влияния на личность, а в новом понимании сущности... личности как “самостоятельного” существа, в том, чтобы всякое педагогическое взаимодействие выстраивалось “от человека” – от его индивидуального опыта, ценностей, мотивации, потребностей, вкусов, склонностей, нравственных принципов, чтобы принять его таким, каков он есть, и восходить вместе с ним к общечеловеческим ценностям...» [10, с. 75]. Представляется, что именно такой подход правомерно рассматривать в качестве основополагающего при формулировании личностно-ориентированных принципов, определяющих содержание и технологию организации управления персоналом. Данное представление обуславливает необходимость применения в качестве основополагающей идеи принципа природо- и социообразности КСВУП [1].

Основополагающие идеи данного принципа заложены Я.А. Коменским, который рассматривал принцип природосообразности как требование соответствия управленческого влияния природе человека. Однако сама биологическая природа личности истолковывается сегодня не как биосоциальное, а как биопсихосоциокультурно-природно-космическое (В.С. Шубинский). Это положение обязывает менеджеров к осторожности и вдумчивости при организации управленческих влияний на поведение персонала. То есть процесс управления поведением персонала не должен изобиловать вербальными нравоучениями, назидательностью, гипертрофия которых зачастую разрушает саму природу личности работника.

Принцип природосообразности актуализирует проблему воздействия социальных факторов на развитие природной активности личности, ее деятельности и поведения. Поэтому эффективность управленческих воздействий на персонал в этом направлении во многом будет зависеть от современного осознания и научного обоснования принципа социосообразности. Сущность данного принципа отражена в трудах С.М. Соловьева. Он писал: «Не подчиняться своей общественной сфере и не господствовать над нею, а быть с нею в любовном взаимодействии, служить для нее деятельным оплодотворяющим началом движения и находить в ней полноту жизненных условий и возможностей – таково отношение истинной человеческой индивидуальности не только к своей ближайшей социальной среде, к своему народу, но и ко всему человечеству» [9, с. 101].

Положение о том, что перечисленный комплекс мер только тогда даст ярко выраженный управленческий эффект в СВУП, когда сама окружающая среда будет являться носителем культуры, обуславливает необходимость научного описания следующего принципа – принципа культуросообразности.

Современная психология управления важнейшей составляющей данного процесса считает «введение в культурную жизнь человечества». Однако данный тезис не находит своей реализации в отношении работников с девиантным поведением. Проведенный анализ управленческого взаимодействия в системе «руководитель – подчиненный» свидетельствует о том, что процесс управления не рассматривается в контексте понятия «культура». Изначальная предвзятость

менеджеров к «молодому» сотруднику порождает напряженность в их отношениях. Контроль, запугивание, дисциплинарные взыскания, постоянные приказания, нравоучения, одергивания, окрики, административные нажимы порождают у работника реакцию протеста и желание все сделать по-своему. При этом руководитель во что бы то ни стало желает создать личность управляемую, но не саморазвивающуюся. То есть принцип культуросообразности как освоение персоналом с помощью менеджера культурного наследия не срабатывает.

Именно в условиях «свободного управления» создаются благоприятные условия для реализации следующего важного принципа – принципа субъективной свободы в выборе содержания, методов и форм деятельности.

Данный принцип предполагает, что человек только тогда активно и с желанием включается в деятельность, когда воспринимает ее не как навязанную, а как значимую и интересную, выбранную им самим. Объективно свободным ни один человек быть не может, однако ощущать себя субъективно свободным – реальная задача. Быть субъективно свободным – значит иметь возможность выбирать. Когда человек сам делает выбор, он возлагает на себя истинную ответственность, поскольку ответ держит не столько перед другими людьми, сколько перед самим собой, перед собственной совестью, которая определяется как особый морально-психологический механизм, который действует изнутри нашей собственной души, придирчиво проверяя, выполняется ли нами моральный долг. Осуществляя свою главную функцию – функцию самоконтроля, совесть является нравственным ориентиром и направляет поведение человека в нужное русло.

Анализ практики управления показывает, что руководители в своей деятельности зачастую ориентируются на решение собственных проблем («принимают меры», чтобы персонал не доставлял проблем, то есть «не мешал»). Вопросы, которые волнуют самих работников и являются реальной причиной отклонений в их поведении, руководство организации интересуют в меньшей степени. Между тем процесс становления и развития личности следует рассматривать как систему двух процессов – социализации и индивидуализации личности (по О.С. Гозману), отражающих диалектическое

противоречие интересов общества (государства) и человека (гражданина). При этом следует сделать вывод о том, что процесс управления поведением работников должен защищать интересы не только организации, но и самого работника, решая задачи социализации, и индивидуализации одновременно. Поэтому смысл следующего принципа – принципа поддержки персонала – заключается в том, что в процессе развития «Я-концепции» («самости») личности работника поддержать можно только то, что уже в нем развито, но пока на недостаточном уровне. При этом предметом психолого-педагогической поддержки персонала являются разрешение социальных и психологических проблем, препятствующих работнику сохранить его человеческое достоинство, и оказание помощи в обучении, общении с коллегами и начальниками, здоровом образе жизни и жизненном самоопределении персонала.

Очевидно, что, если строить взаимоотношения на ненасильственной основе, надо в корне пересмотреть всю систему контроля, сделать ее более эффективной и действительно ненасильственной. Она должна отвечать главному требованию: не способствовать возникновению у персонала тревожности, чувства ущербности и неполноценности. Важно так построить педагогическую деятельность и управленческое взаимодействие, чтобы обращать персонал к его совести, ибо наказывать в конечном итоге должна она. В современных условиях данный подход является актуальным и способствует демократизации взаимоотношений в трудовом коллективе. Он предполагает социально-нравственное и профессиональное становление персонала в ходе субъект-субъектных управленческих взаимоотношений на правовой основе и на единстве реализации деятельностного и личностно-ориентированного подходов.

Перечисленные принципы, основанные на сформулированных ранее закономерностях, тесно связаны между собой и реализуются на практике соответствующими методами, приемами, формами и средствами, что придает управлению персоналом системный характер и отвечает требованиям эмерджентности социально-педагогических систем [7]. Реализация принципов КСВУП в практической деятельности предполагает необходимость учета

в духовно-нравственном развитии и самосовершенствовании работника взаимосвязей и зависимостей процесса управления персоналом с ним; ориентацию руководителя на отношение к подчиненному ему персоналу как высшей ценности, направленность управленческих усилий на моральную поддержку и обеспечение активизации внутреннего потенциала подчиненного, стимулирование механизмов сознательной саморегуляции работника, которые дают ему опыт целенаправленного становления как личности для достижения собственной жизненной цели и, как следствие, общеорганизационных целей.

Одним из способов реализации научного требования всестороннего анализа с использованием научных методов является моделирование. Как утверждает В.Н. Лившиц, моделирование можно отнести к числу ведущих методов познания и преобразования социальных систем [5]. В интересах системно-векторного управления поведением персонала данный метод позволяет мысленно смоделировать или вербально воспроизвести компоненты, характеристики, а также отобразить определенные стороны реально существующего процесса управления поведением персонала в реальных условиях.

Под моделированием М.И. Ситаров понимает «метод опосредованного практического или теоретического оперирования объектом, при котором исследуется не сам интересующий нас объект, а используется вспомогательная искусственная или естественная система, находящаяся в определенном объективном соответствии с познаваемым объектом, способная замещать его на определенных этапах познания и дающая при ее исследовании, в конечном счете, информацию о самом моделируемом объекте» [8]. Роль моделирования на различных этапах системного исследования убедительно раскрыли А.В. Дубровский, А.Т. Куракин, Л.И. Новикова, Р.А. Рогожникова. Обращено внимание на то, что в соответствии с принципами системного подхода ученый начинает исследование с синтеза общих представлений об исследуемом объекте, то есть с создания абстрактной модели объекта. Основной же сущностной характеристикой моделирования является опосредованность, так как исследователь ставит между собой и изучаемым фрагментом социальной реальности объект – заместитель оригинала, то есть собственно модель,

исследование которой и позволяет получить новое знание об изучаемом социальном явлении.

Применение такого способа изучения системно-векторного управления поведением персонала обусловлено следующими причинами: сам объект исследования труднодоступен для непосредственного познания; интересующие исследователя стороны действительности (вектор поведения) не удается в исследуемом объекте (система управления персоналом) изучать в чистом виде; объект познавательной деятельности (системно-векторное управление поведением персонала) в полной мере не реализован в практике управления современных организаций.

Это означает, что проектирование вербальной модели системно-векторного управления поведением персонала предусматривает возможность решения четырех групп задач:

1. Систематическое наблюдение и описание векторов поведения людей в различных возникающих в процессе труда ситуациях.

2. Анализ и объяснение направленности векторов поведения индивидуумов в определенных производственных условиях.

3. Возможность прогнозирования изменения направлений векторов поведения сотрудников в ходе производственных отношений.

4. Овладение современными технологиями управления поведением людей в процессе работы и поиск путей повышения эффективности их деятельности [5].

Вербальная модель управления поведением персонала представлена на рис. 2.

Все элементы данной модели обозначают основные ключевые элементы, влияющие на эффективность использования человеческих ресурсов в организации и управления их поведением.

О месте функции целеполагания в эффективном взаимодействии с подчиненными написано множество научных трудов с момента формирования первых представлений о научном менеджменте в начале XX в. и по настоящее время.

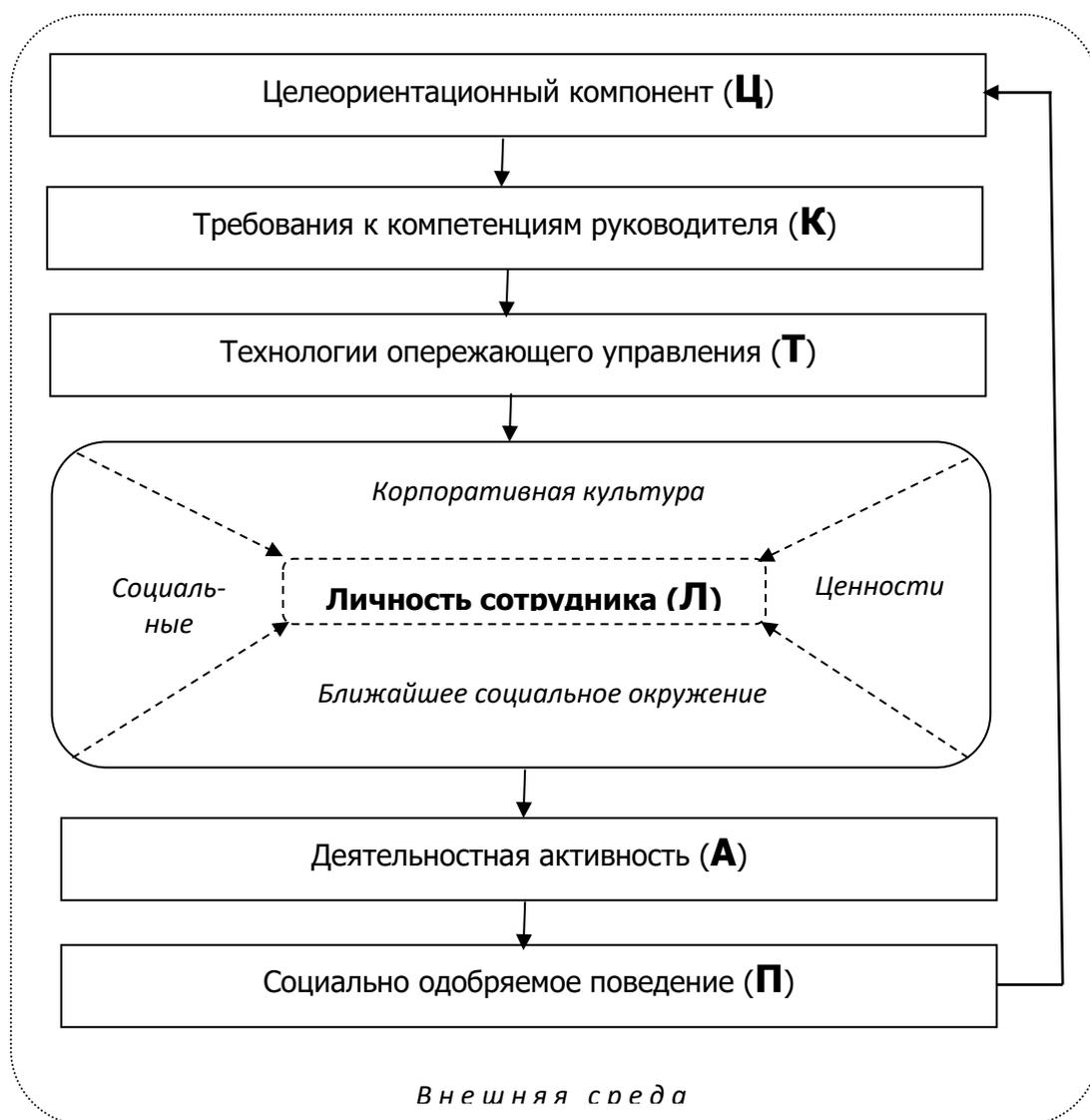

Рис. 2. Вербальная модель управления поведением персонала

Результаты исследований, проведенных на предприятиях Пермского края с 2014 по 2017 г., говорят, что более 45 % начинающих руководителей, принимая решения по взаимодействию с подчиненными, не умеют определить цель этого взаимодействия. Более 60 % из них при определении этих целей опираются только на чувства, никак не связывая кадровые решения с целями организации.

Анализ процесса управления персоналом современных организаций убедительно свидетельствует о том, что наиболее действенных результатов в управлении поведением сотрудников можно добиться только тогда, когда целенаправленно, последовательно и системно будет организована психолого-

педагогическая подготовка руководителей к превентивному управлению. Из теории менеджмента известно, что целеполагание – сложный компонент управленческой деятельности, определяемый и функцией организации, и функционалом руководителя. Вместе с тем трактовка этой функции в теории управления персоналом также неоднозначна.

С одной стороны, признается не просто «очень важная», а определяющая роль этой функции как в управленческой деятельности, так и в общем функционировании организации, подчеркивается, что наличие обоснованных, перспективных целей организации – это главное условие ее функционирования, а способность руководителя к их постановке – одно из важнейших управленческих качеств. С другой стороны, функция целеполагания обычно не выделяется в качестве самостоятельной, а рассматривается как часть другой функции – планирования количественной и качественной потребности в кадрах.

Однако руководитель, постоянно занятый «горящими делами», поддается стихийному ходу событий, зависит от обстоятельств и со временем теряет способность отличать главное от второстепенного, выделять из множества конкретных ситуаций важные проблемы и формулировать целевые ориентиры. Его действия все больше приобретают авральный характер оперативного погашения конфликтов, ликвидации сбоев, а в общем – «латания дыр». Чем активнее и чаще он прибегает к этому способу, тем реже применяет более кардинальные долговременные решения. Со временем способность к целеполаганию может атрофироваться, что ведет к еще большей зависимости руководителя от симптоматических решений. При этом наиболее важные, проблемные задачи кадрового менеджмента он уже не решает. Остаются в стороне перспективные вопросы, а это, в свою очередь, порождает массу новых текущих проблем, которыми приходится заниматься, тратя на это большое количество времени (рис. 3).

Профессиональная подготовка и ясное понимание профессиональных целей управления поведением персонала позволяют руководителю выбрать оптимальное управленческое воздействие на поведение подчиненного, позволяющее с минимальными затратами достичь нужного результата.

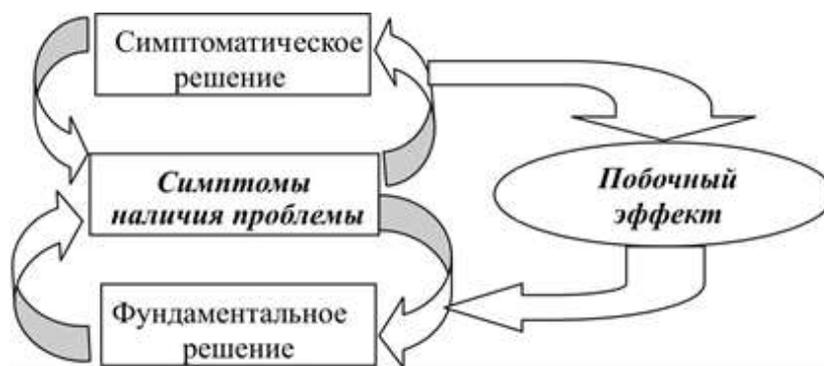

Рис. 3. «Подменить проблему»

Компонент модели **К** позволяет более внимательно проанализировать требования к личностным компетенциям руководителя для решения вопросов кадрового менеджмента. В современных организациях компетенциям отводится важная роль в политике и практике управления персоналом, а набор компетенций находится в центре всей работы с персоналом и используется в конкретных целях.

Компетенции, несомненно, относятся к категории социальных конструктов, которые формируются динамичной социальной практикой и поддерживаются разнообразными социальными институтами. Способность человека выстраивать с социальным окружением адекватные отношения, стремление быть тождественным с ценностями и нормами организации, принимаемыми большинством ее членов, свидетельствуют о высоком уровне достигнутой компетенции. Так, из двух специалистов, обладающих примерно одинаковым уровнем знаний и ноу-хау, в большей степени компетентным будет инициативный и целеустремленный человек, чем человек, который ждет помощи извне и которым управляют патерналистские ценности.

Приведенные на рис. 4 составляющие модели «трех измерений» позволяют оценивать профиль компетенций разных специалистов. Ось «отношения» включает ценности, потребности (желания), стремления и установки, управляющие поведением человека. Проблема тождественности с социальным окружением возникает, когда он вынужден приспособливать свои базовые ценности под установки социальной группы. В этом процессе выделяют две полярные позиции, которые могут снизить эффективность

социальной группы. Излишняя разобщенность группы так же, как и атмосфера всеобщего согласия, в зависимости от ситуации, может сделать группу либо компетентной, либо малоэффективной. Так, например, профиль компетенций историка, социолога, философа будет позиционироваться вокруг оси знаний, профиль техника будет смещен в сторону оси ноу-хау, а профиль менеджера будет группироваться вокруг оси отношений [1].

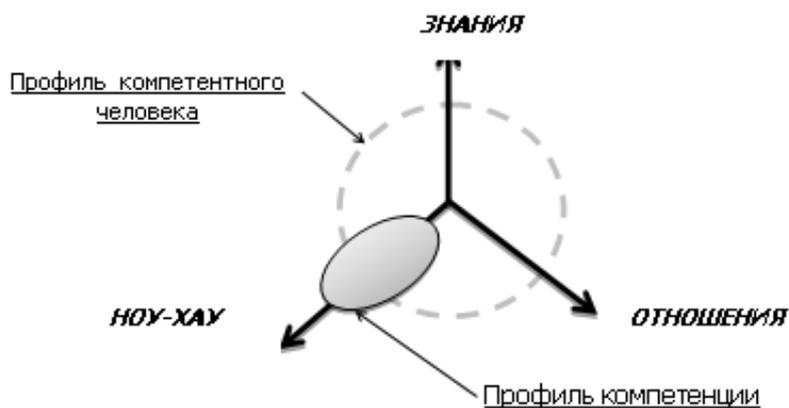

Рис. 4. Составляющие компетенции

Каждая компетенция – это набор родственных векторных архетипов, поведенческих индикаторов, которые в зависимости от смыслового объема объединяются в несколько блоков. Именно поэтому модель требований к компетенциям менеджера должна включать следующие блоки: способность формулировать и реализовывать жизненные цели, личная организованность, самодисциплина, знание техники личной работы, способность делать себя здоровым, эмоционально-волевой потенциал, постоянный самоконтроль личной деятельности.

Говоря о технологиях управленческого воздействия (Т), обычно рассматривают три группы методов управления: административные, экономические и социально-психологические [6]. Однако в рамках системно-векторного управления поведением персонала общепринятая классификация методов управления не в полной мере отражает их сущность. Исходя из имеющихся «степеней свободы» персонала, а также для достижения целей системно-векторного управления поведением персонала традиционные методы управления целесообразно трансформировать в методы побуждения, убеждения и принуждения.

Как уже было сказано, профессиональное становление руководителя является не только периодом его подготовки и совершенствования профессионального мастерства, но и важным этапом его личностного роста, раскрытия его потенциальных возможностей, поэтому нельзя гуманизировать управление поведением, его содержание, формы, воспитательные технологии, оставляя за рамками научных и практических исследований феномен личности менеджера, его культурно-образовательный уровень. В связи с этим выбор эффективного средства воздействия на подчиненного определяется с учетом психологических особенностей личности (Л) подчиненного и влияния его ближайшего социального окружения, в рамках которого наблюдается большое количество социально-психологических феноменов и явлений, определяющих поведение человека и требующих учета для достижения производственных целей.

Для системно-векторного управления поведением персонала особенно важен вопрос о механизмах воздействия социальных норм на личность. Будучи социальными феноменами, социальные нормы интериоризируются во внутренний мир личности в течение всей жизни. В рамках глубинной психологии специально выделяется такая индивидуальная подструктура, как суперэго, содержащая множество внутренних предписаний, требований и ограничений. В соответствии с общими психологическими представлениями репертуары (векторы) поведения присутствуют в индивидуальном сознании в виде социально-психологических установок (готовность, предрасположенность субъекта действовать определенным образом), которые имеют различные формы.

Личность человека формируется и проявляется в его деятельности, поступках, действиях. В потребностях, материальных и духовных, выражается связь человека с окружающим миром, людьми. Оценивая личность, прежде всего необходимо охарактеризовать круг ее интересов, содержание ее потребностей. Нужно судить о человеке по мотивам его поступков, по тому, к каким явлениям жизни он равнодушен, чему он радуется, на что направлены его мысли и желания. Совокупность основных отношений к миру, людям и себе образует свойственную человеку нравственную позицию. Такая позиция особенно прочна, когда становится сознательной, то есть когда появляются

личностные ценности, рассматриваемые как осознанные общие смысловые образования. В этом случае можно говорить о социально одобряемом поведении. Нельзя говорить о нормальном или аномальном развитии личности, не рассматривая эти отношения как с содержательной (внутренней), так и с динамической (внешнее окружение) стороны. Важнейшим признаком эффективности управляющего воздействия на поведение подчиненного является реакция последнего. Она может быть положительной, отрицательной или нейтральной, или нулевой.

Первый вариант наиболее предпочтителен. Негативная реакция, если руководитель не использовал способ альтернативной интенции, свидетельствует о неудачно выбранном методе воздействия на подчиненного и о необходимости его коррекции. Еще более неудачным результатом следует считать отсутствие реакции подчиненного на управленческое воздействие. При выборе оптимального метода воздействия на поведение в качестве результата руководитель получает деятельностную активность подчиненного (А). Говоря об источниках необходимой производственной активности, следует прежде всего рассматривать ведущие потребности сотрудника, его мотивы и наиболее значимые для него стимулы.

Совокупность таких факторов в единстве составляет «поведенческое ядро» личности наемного работника и состоит из следующих компонентов: импульса, мотива, вектора поведения. При этом знание сути «поведенческого ядра» позволяет менеджеру не только корректировать внутриорганизационное поведение персонала и свое поведение, но и прогнозировать направления его развития. Конечно, при этом следует опираться на особенности личности сотрудника и социально-психологическую ситуацию в трудовом коллективе.

Из психологии менеджмента известно, что внутренняя мотивация поведения работников часто жестко не связана с рациональными экономическими или административными моделями и поэтому менее предсказуема. При ближайшем рассмотрении вектор поведения людей может быть по отношению к организации как со знаком «+», так и со знаком «-». Так, например, эксперименты с группами людей, поведение которых слабо контролировалось в организации, показали, что вероятность их неэтичного

поведения (например, приписок) возрастает. И наоборот, в случаях, когда в организации правильно сформированы процессы внутренней мотивации в группе, можно наблюдать положительные результаты: самоконтроль поведения членов группы, развитие компетенций для реализации взаимозаменяемости, регулярное генерирование инициатив по повышению качества и эффективности работ [13]. В этом случае вектор внутренней мотивации работника ориентирован под влиянием корпоративных норм и организационных процессов на достижение положительных результатов компании. То есть реально действует созидательный процесс самоорганизации с положительной поведенческой обратной связью.

Данный процесс можно представить как поворот векторов личностного и группового поведения на 180° от отрицательной к положительной направленности (рис. 5).

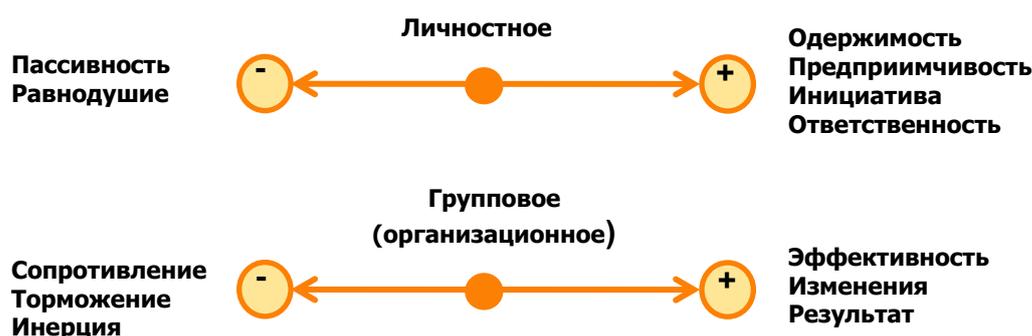

Рис. 5. Вектор личностного и группового поведения

В этом случае теоретическая суть постановки задачи управления поведением людей сводится к следующим действиям: создание поля напряженности в направлении достижения целей развития организации, создание мотивационной системы персонала с приоритетом внутренней мотивации, ориентирующей векторы личностного и группового поведения в направлении целей организации, изменение корпоративной культуры и ценностей организации для «закрепления» целесообразного поведения.

Конечной целью опережающего управления поведением персонала является достижение необходимых производственных поступков (II) или

действий. Способность определенным образом соотносить вектор своего поведения с конкретными обстоятельствами (ограничениями в выборе форм поведения в организации) описана в работах австрийского психотерапевта В. Франкла. Он писал, что если людей поставить в одинаковые условия, то все они просто «сольются» в своих потребностях, а индивидуальные различия между ними сотрутся [14]. Но на практике дело обстоит прямо противоположным образом.

По мнению Франкла, человек свободен по отношению к влечениям (весь вопрос в том, позволяет ли он им владеть собой!), наследственности и среде. Это говорит о том, что человек свободен в выборе векторов поведения не только по отношению к внешним факторам, но и по отношению к самому себе. Тот «зазор», который возникает в личности работника между «Я-переживающим» и «Я-оценивающим себя», как раз и позволяет сознательно изменять свое поведение, строить свое Я, целостность своей личности. Человек свободен совершенствовать себя, и эта его свобода не зависит ни от каких внешних факторов: она составляет «область», где достаточно одной только свободной воли, внутренней целеустремленности и сознательного решения (рис. 6).

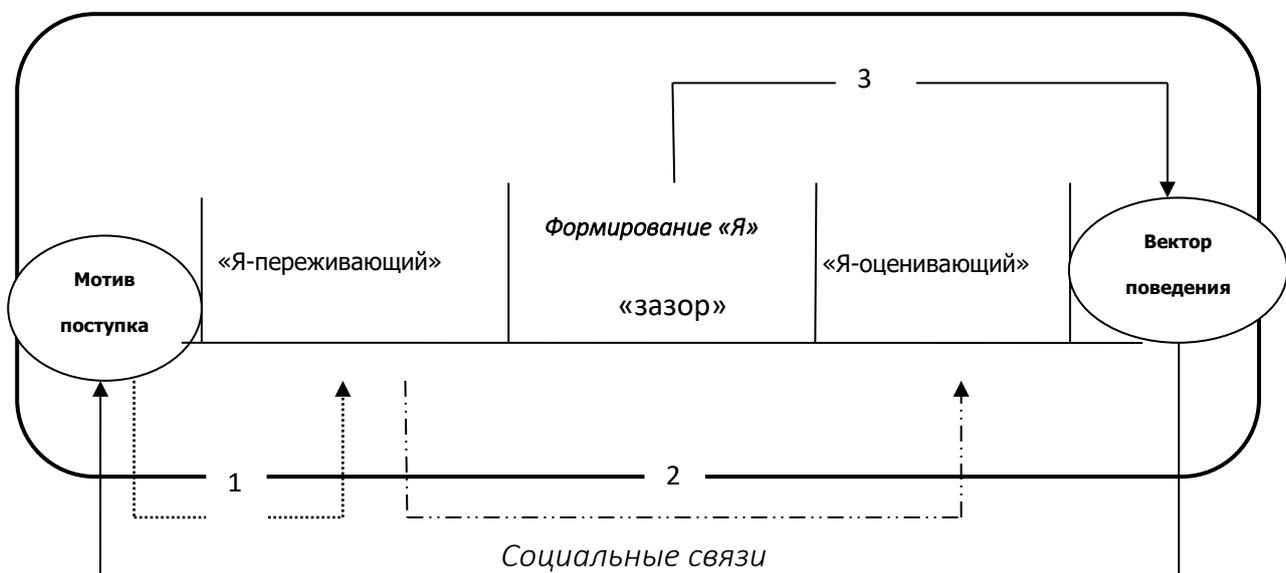

Рис. 6. Формирование вектора поведения

Это означает, что при проектировании модели системно-векторного управления поведением персонала необходимо учитывать ряд неких факторов, которые изменили бы поведение работников в пользу признания ими

приоритета ценностей организации, а не частных интересов, что, в свою очередь, позволит создать на предприятиях корпоративную культуру отношений, позволяющую сплотить коллектив и обеспечить саморазвитие организации в условиях конкурентной среды.

Однако необходимо различать особенности работы модели управления поведением персонала, составной частью которого являются конкретные поступки или простые действия. Например, формирование пунктуальности у подчиненного вряд ли удастся достичь в ходе однократного управленческого воздействия и потребует длительных управленческих усилий, к которым менеджеру следует быть готовым.

При управлении подчиненными руководитель должен учитывать и влияние внешнего социального окружения. Применение модели управления поведением персонала «внутри» системы общей системы управления предприятия позволяет активизировать и реализовать системные связи для более четкого определения их места и роли в процессе управления поведением работников. Так возникают представления о структурах решений относительно поведения персонала. В них, в дополнение к основному контуру управления, устанавливается адаптивизирующий контур решений относительно необходимого поведения работников.

С учетом разнообразия перечисленных методов, форм, средств, стилей управления поведением, которые могут возникать в ходе функционирования системы управления персоналом, образуется несколько уровней управления, определяющих структурное и содержательное разнообразие систем, устраняющее эти неопределенности.

Другими словами, управленческий эффект двух указанных системных моделей взаимоусиливается: система управления персоналом выходит на другой уровень с помощью дополнительных положительных эффектов от использования технологий опережающего управления поведением работников, которые, в свою очередь, приобретают особые устойчивые качества как важные элементы этой системы (рис. 7).

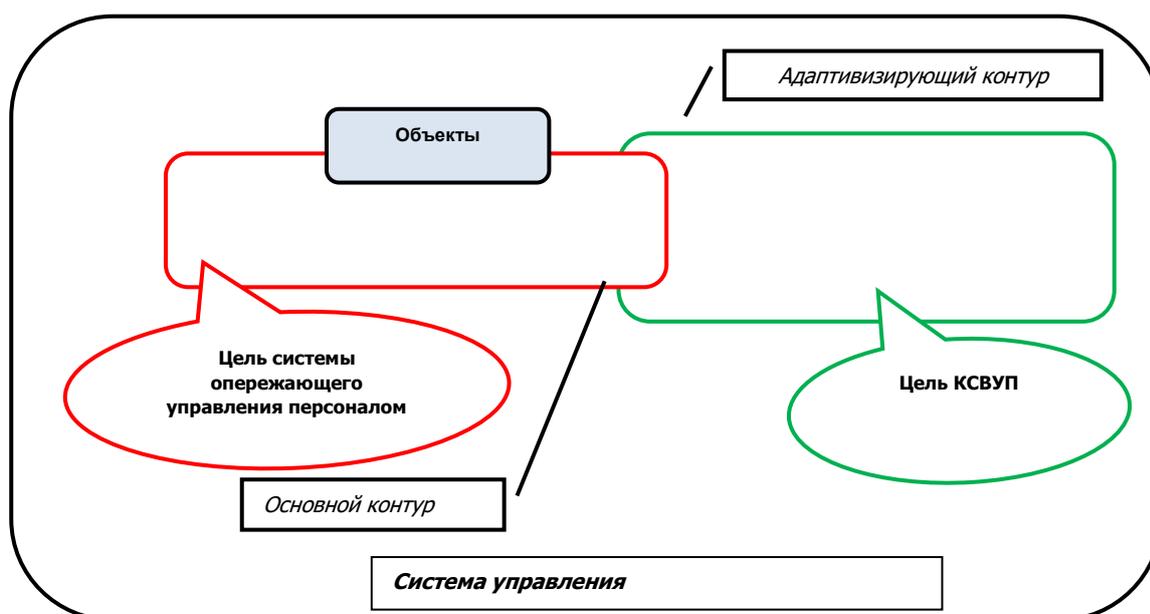

Рис. 7. Многоуровневая модель управления

Таким образом, модель системно-векторного управления поведением персонала не только представляет собой организованную совокупность взаимосвязанных средств, методов, форм и процессов, направленных на формирование развитие необходимых профессиональных и морально-деловых качеств персонала и целесообразного поведения персонала, но и позволяет более системно усваивать знания и необходимые компетенции руководителей как методологическую основу решения профессиональных кадровых задач по управлению поведением подчиненных.

Список литературы

1. Андруник А.П., Кудина М.В. Возрастание роли человеческого фактора в кадровом менеджменте XXI века // Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе : матер. X Междунар. науч. конф. / Перм. ин-т (филиал) Рос. эконом. ун-та им. Г.В. Плеханова. Пермь: МиГ, 2018. URL: <http://rea.perm.ru/images/Download/6Nauka/13Sborniki/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%202018.pdf>.
2. Андруник А.П., Молодчик А.В. Личностно-ориентированное управление персоналом в самоорганизующихся, саморазвивающихся инновационных предприятиях // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2012. № 3. URL: <http://www.uecs.ru>.

3. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
4. *Зайцев Л.Г., Соколова М.И.* Организационное поведение // *Экономист.* 2005. № 5. С. 25.
5. *Лившиц В.Н.* Основы системного мышления и системного анализа. М.: Ин-т экономики РАН, 2013. 54 с.
6. *Михалева Е.П.* Менеджмент: Конспект лекций. М.: Юрайт, 2017. С. 163.
7. *Очирова В.Б.* Векторный психоанализ в подборе персонала фирмы как путь успешного управления // *Управление и власть: Материалы междисциплинарного научного семинара*. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2014.
8. *Ситаров В.А., Маралов В.Г.* Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. М., 2000. 216 с.
9. *Соловьев С.М.* Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1988. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. 798 с.
10. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2012.
11. *Хэмел Г.* «Менеджмент 2.0»: новая версия для нового века // *Harvard Business Review – Россия*, октябрь 2009.
12. *Юнг К.* Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995.
13. *Andrunik A., Molodchik A.* Employee Behaviour Management in 2S-Systems: Modern Imperatives//*World applied sciences journal.* – Volume 23 number 5, 2013. URL: [http://www.idosi.org/wasj/wasj23\(5\)2013.htm](http://www.idosi.org/wasj/wasj23(5)2013.htm).
14. *Frankl V.* A way of being. Boston: HoughtonMofflinCo, 1980.
15. *McKinsey.* Talent Wins: The New Playbook for Putting People First // *Harvard Business Review Press*, March 2018 / Ram Charan, Dominic Barton, Dennis Carey.

Глава 5. ВОЗМОЖНОСТИ «ЦИФРОВОЙ» ЭКОНОМИКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТНОГО СМЫСЛА ОБРАЗОВАНИЯ

«Цифровая экономика», «цифровая цивилизация», «цифровое общество», «цифровая культура» – эти понятия, часто звучащие в выступлениях представителей власти, бизнеса, культуры, науки и СМИ, как известно, в общей номенклатуре научных понятий не определены. Поэтому каждый, кто говорит о цифровизации как об актуальной тенденции развития общества, фактически по-своему трактует содержание данного процесса. Чаще всего соотносят цифровизацию с такими понятиями, как «рыночная экономика», «новая экономика», «экономика знаний», «информационная экономика».

Многие государства идут по пути цифровой трансформации: в США – «индустриальный интернет-консорциум», в Германии – «индустрия 4.0», в Японии – «общество 5:0», в Российской Федерации – «цифровая экономика». Разные названия относятся к одной универсальной концепции, выходящей за рамки процесса трансформации индустриального сектора и отвечающей, в обязательном порядке, социальным нуждам и запросам населения.

Контентами цифровой экономики являются электронная коммерция, банковские интернет-услуги, электронные платежи, интернет-реклама, интернет-игры, интернет-обучение. Благодаря оцифровке денег цифровая экономика охватывает все, что поддается формализации, превращению в логические схемы. Исследователи отмечают в качестве безоговорочных плюсов цифровизации рост производительности труда, снижение издержек производства, появление новых видов бизнеса и создание принципиально новых рабочих мест, в которых снимаются физические, социальные и административные барьеры [11].

Социальные сети наполняются все новыми видами социальных сообществ (виртуальных сообществ), способствующих в условиях «электронной демократии» интернет-торговле, рекламе товаров и услуг. Персонализированные сервисы создают комфортное пространство решения различных проблем. Интернет-сообщества реализуют вики-проекты, форумы,

чаты, веб-конференции, социальные сети, коллективные блоги, имиджборды, многопользовательские онлайн-игры и т. п., превращаясь постепенно в серьезных субъектов гражданского общества. Поскольку объединение людей в данные сообщества происходит по интересам и умению пользоваться гаджетами, качественно меняется социальная структура общества: она получает ярко выраженные демократические черты. При этом исследователи выявляют также тревожные тенденции развития цифровой экономики.

Во-первых, очередь необходимо обратить внимание на то, что новый тип экономики развивается во взаимодействии с традиционной (производственной) экономикой. Обработка больших объемов данных в цифровом виде значительно повышает эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Результатом подобного взаимодействия становится новая структура общественного производства с новыми социальными последствиями. При изменении уклада целых направлений современной жизни, в условиях автоматизации и компьютеризации, цифровизации и стандартизации формируется «мир без человека» – исчезают отдельные профессиональные направления. Перспективы подобной кадровой революции создают напряжение в обществе.

Во-вторых, для постиндустриального общества основным ресурсом развития производства и бизнеса являются научные знания и информационные технологии. Bigdata, machinelearning, интернет вещей (IoT), облачные технологии создают совсем другую форму существования мира в целом. Информатизация охватывает науку, культуру, обороноспособность государства, образование и социальную сферу, трансформируясь в индустрию 5:0. Очевидно, что цифровизация усиливает доминирование экономически развитых стран, закрепляя их и без того сильные геополитические позиции в современном мировом пространстве.

Согласно стратегии построения суперинтеллектуального общества «общество 5:0», разработанной в Японии [5], передовые технологии (интернет вещей, робототехника, искусственный интеллект, bigdata), проникнув во все сферы жизни, должны привести к появлению новых форм и видов бизнеса

и тем самым к экономическому подъему страны в целом и росту качества жизни каждого человека в отдельности. Основная идея стратегии сводится к решению социальных проблем с помощью интеграции цифровой среды и физического пространства и улучшения качества жизни человека. Группа развитых стран мира входит в шестой технологический уклад, развивая «высокие технологии» – био- и нанотехнологии, генную инженерию, мембранные и квантовые технологии, фотонику, термоядерную энергетику.

Достаточно часто в СМИ и в выступлениях представителей правящей элиты лейтмотивом звучит мысль о России как стране возможностей, в т. ч. возможностей в деле цифровизации экономики и цифровизации образования. Амбициозные планы правительства РФ по обеспечению «своевременного технологического развития России» в первую очередь направляются на создание высокоэффективных отраслей экономики, использующих интеллектуальный потенциал, передовые информационные технологии и интернет-решения.

Экономика данного типа востребует нематериальные ресурсы – квалифицированный персонал, стратегические, прорывные идеи развития (стартапы) и др. При утрате промышленным сектором доминирующей роли именно нематериальные ресурсы становятся ключевым фактором цифровой экономики, что неоднократно отмечалось исследователями: «Превосходство в знаниях – это последнее оружие, оставшееся в конкурентной борьбе. Природные ресурсы, рабочая сила, капитал теряют свою значимость, ни один человек или фирма не могут более добиться конкурентного преимущества и удержать его, используя свободный доступ к ресурсам. Напротив, победит тот, у кого лучший рецепт. Индивидуум, община, регион или организация, которые превзойдут всех и каждого в выработке инновационных концепций и идей по вопросам смешивания или скрещивания ингредиентов, будут наиболее успешными...» [4, с. 23]. Фактически цифровая экономика, она же «новая экономика», «экономика постиндустриального общества», «информационная экономика в постэкономическом обществе», становится экономикой знаний, экономикой превосходства человеческого капитала.

Российская экономика отдельными отраслями отвечает на вызовы глобализации рынков, усиления конкуренции, изменения форм и методов ведения бизнеса, роста электронного бизнеса и активного развития неиндустриальных секторов экономики. Россия постепенно втягивается в процесс формирования экономики знаний, которая представляется как «мир, в котором люди работают мозгами, а не руками. Мир, в котором инновации важнее, чем массовые продукты. Мир, в котором быстрые изменения происходят постоянно. Мир, настолько иной, что его возникновение можно описать только словом революция» [8]. Экономика знаний переходит от выпуска товаров к производству инноваций и услуг. В большинстве развитых стран мира 60 % прироста национального дохода определяется приростом знаний и образованности населения [14, с. 44].

Перспективы Российской Федерации в развитии «высоких технологий» и, следовательно, цифровом прорыве, оцениваются довольно скромно. Не секрет, что, запуская подобную трансформацию, Россия должна наверстывать упущенное, в первую очередь диверсифицировать экономику, чтобы снизить зависимость от экспорта ресурсов.

В высокоразвитых отраслях – военно-промышленном комплексе и авиакосмической промышленности – более 50 % технологий относится к четвертому уровню, 25 % – к третьему. Доля технологий пятого уклада в РФ составляет 10 % [13]. Правящая элита РФ принимает проектные решения для ускоренного развития физических технологий, или так называемого технологического мейнстрима (робототехника, аддитивное производство, новое природопользование). Для устойчивости развития общества предполагается наращивание гуманитарных технологий контроля и управления в форме инсталляций в экономике цифровых технологий. Проще говоря, озвучивается установка на полную цифровизацию не только экономики, но и общества в целом.

Новая экономика – это принципиально новый метод хозяйствования, основанный на технологиях, доступной и достоверной информации, частных инвестициях, характеризующийся низкими издержками и высокой производительностью труда. Представители российской правящей элиты новую

экономику понимают как информационные технологии, электронные устройства и процессы, отсюда и установка на мегафинансовую поддержку таких проектов, как «Сколково», при общем снижении показателей российской экономики. Технологический прогресс мыслится как извлечение максимальной прибыли, и социальные последствия при этом вторичны.

Формирование новой экономики определяет повышение спроса на человеческий капитал, который представляет сумму врожденных способностей, приобретенных в ходе образования и практики теоретических и опытных знаний и мотиваций, морально-психологического и физического здоровья, способных создавать реальные блага и приносить доход.

По величине накопленного человеческого капитала на душу населения Россия превосходит мир в целом в 4,6 раза и немного уступает ведущим развитым странам мира [8, с. 76]. Это главное преимущество РФ и обязательное стартовое условие цифровизации экономики и образования, следовательно, сохранение и приумножение человеческого капитала в РФ должно проходить через ВСЕ социальные программы и инициативы, а расходы на социальное развитие должны рассматриваться как высокоэффективные вложения в человеческий капитал – ведущий фактор индустриально-информационной экономики. Но в период трансформационных реформ в России этот императив новой экономики – создание максимальных условий для развития человеческого капитала, а также накопления и использования в производстве интеллектуальных продуктов, освоения новых наукоемких видов продукции и услуг – практически не учитывался и не учитывается по сию пору. Экономическая политика российского правительства по-прежнему основывается на старой парадигме общественного воспроизводства как воспроизводства и накопления вещественных элементов национального богатства.

Новая экономика формирует повышенный спрос на высококвалифицированный труд, который наиболее востребован в настоящее время в развитых странах мира (США, страны ЕС). В России низкий уровень оплаты труда высококвалифицированных специалистов не способствует инновационному энтузиазму; часть специалистов, способных к работе «мозгами, а не руками», уходит в сферы финансов и коммерции либо

выезжает на временную или постоянную работу в страны с более высоким, чем в России, спросом на такие кадры. По итогам исследований, проведенных аналитиками РАНХ и ГС «Мониторинг социального самочувствия населения», в зонах нищеты, риска и нестабильности в 2018 году оказались 72 % россиян, а экономический рост – удел 28 % населения, находящихся в «зоне потребительского комфорта» [3, с. 9].

Аналитическое кредитно-рейтинговое агентство (АКРА), уточняя прогноз развития российской экономики до 2022 года, уверено в «стрессовом сценарии» [10]. В России за последние три года не отмечается наращивание численности среднего класса (при этом в нем преобладают представители высококвалифицированного труда, занятые в структурах бизнеса, финансов, но не в сфере образования и науки!), неблагоприятная внешнеполитическая ситуация и ориентация нашей экономики на сырьевой экспорт не создадут условий для роста экономики и тем более для технологического прорыва.

Но данные аналитических агентств, независимых исследователей не коррелируют с показателями победных отчетов российского правительства о постоянном экономическом росте и улучшении качества жизни населения. «Всю официальную статистику об экономических улучшениях не стоит брать во внимание: с помощью изощренных методик данные завышаются. Но, даже по Росстату, за последние три года падение реальных доходов населения составило 11 % и еще долго не будет компенсировано, так что россияне продолжают жить в «зоне бедности», – таков неутешительный прогноз Института экономической политики им. Е.Гайдара [3, с. 9]. Снижение потребительских возможностей россиян коснулось и возможностей получения услуг высокотехнологичной медицины и образования. Часть россиян не вникает в проблемы технологического прорыва нашей экономики или цифровизации образования, они находятся в состоянии вынужденной бедности либо не способны дать детям нормальное образование.

По величине валового накопления в расчете на одного жителя страны Россия уже в 2000 году отставала от США и Японии в 12–13 раз, а от стран Шенгенской зоны – в 8 раз [9, с. 93]. При столь низком уровне накопления для России характерна и низкая доля инвестиций, направляемых в отрасли,

связанные с новой экономикой. Накопления в отраслях науки, образования, здравоохранения, культуры, финансово-кредитной сферы в совокупности в развитых странах составляют 60–65 % общего объема накоплений, а в России – менее 25 %.

По показателю роста доли цифровой экономики в ВВП Россия показывает скромные успехи: в 2000 году – 1,9 %, в 2006 году – 2,8 % (наравне с ЮАР, не рассматривающей себя в числе государств с цифровой экономикой). Безусловными лидерами по данному показателю являются Великобритания (2006 год – 12,4 %) и Южная Корея (2006 год – 8 %) [12].

Где выход из столь трудной ситуации? Требуется осознание правящей элитой глубины проблемы, требуются государственные и негосударственные инвестиции в человеческий капитал с обязательной оценкой его рентабельности, требуется уход от имитации действий по формированию «новой экономики» к ее реальному формированию.

Локомотивом социально-экономического и технологического развития должно стать российское образование, но в первую очередь необходимо преодоление растерянности большинства российских педагогов в вопросах методологии цифрового обучения, содержательного понимания «новой грамотности» выпускника. Без данного фундамента не будет реализован проект программы «Цифровая экономика России», подготовленный Минкомсвязи по поручению президента РФ. Проект предполагает постепенное введение с 2019 года цифровых персональных траекторий развития россиян с образовательными и трудовыми отношениями. Планируется, что к 2025 году персональные траектории развития охватят 80 % россиян трудоспособного возраста и с их помощью будет осуществляться до 60 % квалификационных экзаменов и оценочных работ с последующим предоставлением информации потенциальным работодателям.

Для соответствия новым задачам персонализация обучения с постоянной оценкой когнитивного потенциала ученика уже в школе должна строиться по аддитивному принципу, т. е. постепенному наращиванию востребованных компетенций с учетом постоянно меняющихся социальных и личностных запросов.

Одним из безусловных преимуществ перехода на цифровую экономику признается (по версии Всемирного банка) преодоление бедности населения и социального неравенства. Поэтому императивом новой цифровой экономики в России должно стать создание максимальных условий для развития человеческого капитала, накопления и использования в производстве интеллектуальных продуктов, освоения новых наукоемких видов продукции и услуг.

В чем смысл цифровизации, каково ее соотношение с традиционными ценностными позициями развития общественных отношений? Чему учить в условиях цифровизации: передавать знания или формировать универсальные компетенции по поиску и обработке информации? Если информация отчуждается от человека, а следовательно, и учителя (ранее – носителя смыслов и ценностей), если она способна переноситься и существовать без него, то к какой роли сводится позиция учителя в условиях цифровизации? Предпримем попытку актуализировать озвученные проблемы, определить степень готовности систем образования к ответу на вызовы времени.

Очевидно, что в условиях цифровизации меняется архитектура системы образования – центр тяжести переносится на индивидуализацию образовательных программ, развитие онлайн-образования, проектно-ориентированное обучение, формирование новых исследовательских компетенций. Технологии нацеливаются на «экспоненциальное» развитие мира (катастрофически мощное увеличение потоков информации), в связи с чем повышается спрос на специалистов, способных к быстрым аналитическим операциям экспоненциально растущей информации. Образование превращается в экономическую категорию, имеющую определенную ценность и, соответственно, доступную отдельным категориям населения. Степень состоятельности специалиста определяется по легкости оперирования им цифровыми источниками информации и, как следствие, по росту его материального достатка. И при кажущейся свободе доступа к цифровому пространству рождается новое социально опасное явление – «цифровое неравенство».

Звонкие декларации о всеобщем росте разнообразных компетентностей в РФ выливаются в масштабные кампании по формированию у подрастающих поколений навыков XXI века. Нас убеждают в том, что переход на цифровые технологии обучения нацелен на прирост производительности труда, рост ВВП и усиление стратегических позиций РФ. В рамках национального приоритетного проекта «Образование» запускаются федеральные проекты «Современная школа» и «Цифровая образовательная среда». В большинстве образовательных учреждений РФ административной мобилизацией усилий по модернизации образовательного процесса проведена компьютеризация рабочих мест педагогов, на смену бумажным учебно-методическим комплексам постепенно приходят электронные образовательные ресурсы, вводятся электронные дневники обучающихся. В дополнение к образовательно-развивающей среде в регионах создаются детские технопарки «Кванториумы» – особые площадки, оснащенные высокотехнологичным оборудованием для подготовки новых, высококвалифицированных инженерных кадров, разработки, тестирования и внедрения инновационных технологий и идей. Их миссия заключается в содействии «ускоренному техническому развитию детей и реализации научно-технического потенциала российской молодежи, внедряя эффективные модели образования, доступные для тиражирования во всех регионах страны» [2].

Технологический прорыв России востребует качественные, неимитационные изменения в сфере образования. В послании Федеральному собранию РФ 2018 года В.В. Путин высказал пожелание довести «модернизацию образовательной сферы до того уровня, чтобы за российским образованием приезжали из других стран мира, а у российских студентов не возникало желание уехать за рубеж» [6]. Данная идея является признанием того факта, что система российского образования не в полной мере соответствует требованиям экономики знаний. Она подстраивается под существующие социально-экономические вызовы рынка труда, не особо активно внедряя технологии, работающие «на опережение» и на формирование у подростков и молодежи линейки навыков новой экономики – softskills и hardskills.

Такой феномен, как ЕГЭ – единый государственный экзамен в финале российского школьного обучения, несмотря на негативное отношение общественности, по твердому убеждению автора данного раздела, более двадцати пяти лет проработавшему в системе общего образования, имеет существенные плюсы. Растущие цифры поступления в лучшие вузы РФ детей, живущих вдалеке от центральных регионов, доказывают реализацию равных стартовых возможностей всех выпускников. ЕГЭ совмещает экзамены за курс среднего общего образования и вступительные экзамены в желаемый вуз, что отчасти минимизирует эмоционально-психологическую нагрузку подростков. Очевидно, что форма ЕГЭ соответствует духу цифровизации и, следовательно, предполагает стандартизацию мышления. Данный экзамен технологичен на всех стадиях проведения: от формирования баз данных по всем категориям участников ЕГЭ (выпускники, организаторы, эксперты и др.) до быстрой и объективной обработки нескольких тысяч результатов в целом по РФ.

Но, несмотря на запрос учительской общественности внести задания метапредметного характера в контрольно-измерительные материалы ЕГЭ, на экзамене по-прежнему выпускник оперирует знаками, а не знаниями. Возможности для проявления креативности, критического мышления – востребованных навыков 4D на ЕГЭ, к сожалению, минимальны. Образцы нестандартного способа мышления и создания принципиально нового выпускники могут транслировать на конференциях, семинарах, профессиональных конкурсах (JuniorSkills, WorldSkills) и т. д.

Поскольку система высокотехнологичных экзаменов ориентирует выпускника на поиск соответствий между заданным вопросом и выбранным ответом, большинство выпускников современной российской школы не способно действовать и принимать решения в ситуации неопределенности. Формируется диссонанс между традиционной школой, ориентированной на прежнюю модель «традиционного» выпускника с комплексом знаний предметных областей и обладанием социального опыта, и цифровой эпохой – «эпохой состояний неопределенности», заставляющей выпускника школы профессионально и лично самоопределяться, расширять диапазон социальных ролей и интересов без готовых соответствий и инструкций.

В РФ переход на инновационный путь развития сталкивается с главным серьезным препятствием в виде отсутствия субъекта инноваций, т. е. отсутствует личность с инновационными характеристиками (саморегуляция, самоконтроль, самооэффективность). В РФ за последние десятилетия модернизационных изменений системы образования не появились, к сожалению, свои Стивы Джобсы и Илоны Маски, не возникли прорывные инновации в ведущих отраслях экономики. Именно формирование и развитие самодетерминации личности, готовой к работе, обучению и саморазвитию, фактически можно рассматривать как один из главных инструментов инновационного развития личности и успешного развития государства в целом [1].

Цифровое образование в РФ представлено различными форматами: дистанционное, электронное, смешанное, инверсивное и др. Все большее количество обучающихся старших классов школ и студентов вузов охватываются e-Learning (электронным обучением). Более 80 % выпускников школ при подготовке к ЕГЭ используют «массовые открытые онлайн-курсы», интерактивные медиаресурсы, дискуссионные чаты и цифровые лаборатории.

Положительными тенденциями цифровизации и интернетизации образовательного процесса являются стандартизация, многоуровневость и разноуровневость, нарастание самообразовательной доминанты. Интернет-среда как открытое многоязычное поликультурное коммуникативно-информативное пространство открывает бесконечные возможности для учителя: интеграцию информационно-коммуникационных технологий (в т. ч. мобильных технологий) в образовательный процесс, проектирование интернет-ориентированного учебного пространства с функциями обучения и контроля, выработку основных принципов новой цифровой дидактики и др.

Поскольку интернет- и информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью бытия современного человека, возникает острая необходимость разработки теоретически обоснованной и экспериментально апробированной методики интеграции возможностей интернет-среды в образовательное пространство. Учителя и преподаватели обучают современное «сетевое» поколение, которое зачастую быстрее и масштабнее, чем педагоги, оперирует информационно-коммуникационными технологиями.

При этом большинство педагогов не готово к технологической и дидактической перестройке личной педагогической практики, зачастую даже опасаясь новых форматов транслирования знаний.

Учительское сообщество нуждается в осмысленной, понятной, структурно выстроенной интернет-ориентированной методике, которая будет способна преодолеть навязывание ложных убеждений и стереотипов, дезинформирование обучающихся и «информационную» перегруженность. Данная методика должна учитывать и преодолевать «кликное» сознание современных подростков; их склонность к использованию легкодоступной информации – плагиату в учебной, учебно-исследовательской и проектной деятельности, не критичность мышления. Только появление качественных учебных материалов и методических продуктов, обладающих положительным воспитательным и образовательным эффектом, позволит выстроить индивидуализацию образования с личностно-ориентированным подходом в обучении. Думается, что внедрение интернет-ресурсов в учебный процесс должно быть не главной целью цифровизации образования, а только одним из многих средств обдуманного, структурированного на систематической основе цифрового обучения. В настоящее время, в момент научно-теоретического и практического становления интернет-ориентированной методики обучения, только учитель способен проконтролировать, «отфильтровать» ненужные интернет-контенты, избегая при этом необдуманности их использования.

Субкультура «детей Интернета» расширяет возможности их коммуникации со всем миром при условии знания языков, и современный подросток либо учит язык онлайн и офлайн, либо умело использует голосовые интернет-сервисы. «Цифровой» человек постоянно возобновляет личные запасы знаний, поскольку от эффективности и своевременности «самообновления» зависит качество его жизни. Требования виртуального мира фактически меняют требования реального мира: так, тот, кто отстал от «цифры», из юзеров-пользователей переходит в разряд лузеров (неудачников по жизни и «инвалид-юзеров»), порождая новое, плохо изученное социальное явление «лишних людей» цифровой эпохи.

К реальной фобии цифровой эпохи можно с уверенностью отнести проблему информационной социализации подростков, выражающуюся в их кибердевиантности (игровой зависимости, интернет-агрессивности и т. п.). Потеря устойчивых социальных связей, способности к сложному мышлению из-за передачи интеллектуальных процессов машинам и искусственному интеллекту приводит к девальвации реального мира с реальными, «живыми» коммуникациями и к ослаблению моральных регуляторов с заменой их правилами «юзера» (геймера, хакера – какая роль нравится).

Общие требования к специалисту на рынке труда в большинстве случаев сводятся к следующим позициям: умению работать с людьми из разных культур, креативности, незаурядным коммуникативным способностям и владению основами проектного менеджмента, логистики и системной интеграции. Продуктивность профессиональной деятельности наряду с профессиональной компетенцией определяется личностным потенциалом. Идея-креатив является личным достижением отдельного человека, специалиста. Он генерирует мысли и смыслы, решает технологические и жизненные задачи. Поэтому позиция учителя в условиях цифровизации образования переносится в плоскость поиска смыслов и ценностей. Если естественный интеллект уступает искусственному в части обработки бесконечных массивов информации, то в различении чувств и эмоций искусственный интеллект беспомощен.

«Очеловечивание» образования как осмысление сложных, идеальных, уникальных категорий в условиях цифровой эпохи становится «спасением» учителя и основой для гармонизации традиции (ценностно-смысловых установок) и инновации (цифровая реальность), индивидуального развития личности и социального прогресса.

Влияние позитивных тенденций в цифровом обучении может быть нивелировано отсутствием адекватного дидактического осмысления данных тенденций и недооценкой образовательных приоритетов и ценностей обучения. В процессе обучения должен формироваться разумный баланс между «живым» общением «глаза в глаза» с учителем и «виртуальным» форматом обучения. Учителю следует уделять особое внимание развитию универсалий

критического осмысления и анализа пройденного материала, творческих способностей обучающихся.

Сохранение информации учеником должно принять форму культурной памяти, необходимой для исполнения биологических, социальных, ментальных, духовных ролей. И если допустить вольную трактовку цитаты Карла Ясперса в «Духовной ситуации времени», то смысл образования сводится к тому, чтобы «напомнить человеку о нем самом».

Список литературы

1. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4 (12): [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.11.2019). 0421000116\0041.
2. Детские технопарки. Агентство стратегических инициатив: [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/social/kvantorium/> (дата обращения: 22.08.2019).
3. Московский комсомолец. 2018. 28 нояб. – 5 дек.
4. Норстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. СПб.: Стокгольм. шк. экономики в СПб., 2000.
5. «Общество 5:0»: японские технологии для цифровой трансформации российской экономики: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformacii> (дата обращения: 23.06.2019).
6. О чем говорил президент: важнейшие тезисы послания Путина Федеральному собранию – 2018: [Электронный ресурс]. URL: <https://inforeactor.ru/137181-o-chem-govoril-prezident-vazhneishie-tezisy-poslaniya-putina-federalnomu-sobraniyu-2018> (дата обращения: 19.05.2018).
7. Репьев А. Десять отличий новой экономики // Босс. 2002. № 9.
8. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д.С. Львов. М.: Наука, 2004.
9. Россия и страны мира. 2002: стат. сб. / Росстат. М., 2003.
10. Стрессовые сценарии становятся более вероятными для российской экономики. Экономика РФ: уточнение прогноза до 2022 года и альтернативные сценарии: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/946> (дата обращения: 29.11.2018).
11. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 03.03.2019).

12. Цифровизация: история, перспективы, цифровые экономики России и мира: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/library/strategy/tendencii/cyfvovizaciya-trend.html> (дата обращения: 02.11.2018).
13. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 21.08.2019).
14. *Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.

Глава 6. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Совокупность взаимосвязанных социальных, культурных и политических процессов в стране представляет собой объективную тенденцию – ориентацию на обучение и воспитание в условиях индивидуализации и гуманизации образования, повышение образовательного уровня родителей и т. д. Этой совокупностью на современном этапе определяется развитие семейного образования.

Согласно ст. 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами [1]. Действующее законодательство дает право получить общее образование как в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, так и вне организаций – в форме семейного образования и самообразования. Семейное образование – форма обучения вне образовательных учреждений, предусмотренная ст. 17 Закона об образовании, организуемая и осуществляемая в семье силами родителей и дающая право на прохождение промежуточной аттестации в форме экстерната в выбранном образовательном учреждении.

Семейное образование позволяет обеспечить качественно новые возможности социализации личности, обусловленные получением индивидуализированного обучения, обеспечивающего самореализацию обучающегося. Кроме того, в условиях экспоненциального роста электронных ресурсов, Интернета и центров дополнительного образования семейное образование может быть предпочтительнее иных форм получения образования, что позволяет прогнозировать его развитие.

Актуальность исследования семейного образования обуславливается, с одной стороны, недостаточностью теоретических работ правового характера в области изучения получения общего образования в семейной форме, с другой

– противоречиями в практике реализации права на общее образование в форме семейного образования и его организации. Многие исследователи семейного образования выделяют следующие противоречия и проблемы [2, с. 204–206]:

– различие в понятиях, характеризующих обучение вне общеобразовательных организаций;

– противоречие между потребностью в проектировании существующей системы семейного образования и отсутствием четких механизмов реализации семейного образования в разных субъектах страны;

– противоречие между нормативно заявленной возможностью реализовать право на получение общего образования в форме семейного образования и трудностями при его организации;

– противоречие между положениями законов, которые требуют повышения ответственности семьи за воспитание детей, и возможностями семьи их выполнить из-за отсутствия опыта;

– отсутствие единых механизмов надзора и регулирования практики обучения в форме семейного образования на федеральном уровне;

– некомпетентность родителей в вопросах образования и воспитания;

– отсутствие продуманных вариантов обучения в форме «семейного образования» с четким расписанием занятий, прописанными поурочными планами и результатами обучения, использованием рекомендованных учебно-методических комплектов, школьных методов обучения, адаптированных к семейному образованию;

– отсутствие реальной педагогической помощи родителям в обучении и воспитании ребенка со стороны образовательных организаций, а также неспособность находить пути взаимодействия с такими родителями;

– законодательно не прописаны и не контролируются органами государственной и муниципальной власти в сфере образования критерии компетентности родителей (законных представителей) в организации процесса обучения, воспитания и развития детей, а также основания выбора родителями (законными представителями) того или иного варианта организации семейного образования;

– проблемы социализации учащихся и подготовки их по отдельным предметам;

– отсутствие эффективного взаимодействия семей, перешедших на семейное образование, и образовательных учреждений.

Вопросы семейного образования изучались в философских, социологических, педагогических и психологических исследованиях зарубежных и российских ученых А.И. Антонова (1996), Ван Пелтса (2003), С.В. Куприянова (2001), Л.В. Пасечника (1999), Т.И. Старовойтовой (2010), С.Ю. Тумашова (2003), Л. Тэйлора (2000), О.Ю. Солодянкиной (2008), И.М. Чапковского (2013), Л.В. Халяпиной (2019). Организацию семейного образования рассматривали в своих работах И.А. Стародубцева, В.Ф. Цомартова, А.Н. Якунина [10, с. 129–131]. Вопросы взаимодействия семьи и школы исследовали Л.В. Барина, Т.П. Воробьева, Т. Симакова. Проблемам домашнего образования посвящены работы А.Н. Ганичевой, О.Л. Зверевой, М.Т. Студеникина и др. Правовая регламентация семейного образования нашла отражение в работах М.Н. Касаткина, В.Ю. Матвеева и др. [4; 5].

Анализ исследований в области семейного образования показывает, что его проблемы рассматривались в основном с точки зрения педагогики, психологии, социологии, философии и, в меньшей степени, права. В отечественной педагогике вопросы семейного образования мало исследованы, так как данное явление ново для российской действительности. Исследования педагогов и психологов связаны с проблемами детства, роль семьи рассматривается с позиции последовательного описания развития, взросления ребенка. В то же время не раскрываются вопросы организации семейного образования, механизмы формирования опыта родителей по обучению и воспитанию детей, способы обучения родителей методам эффективной регуляции поведения детей. В российской научной литературе отсутствуют исследования повседневных практик семейного образования, не анализируется региональный опыт.

В XXI в. в условиях цифровизации общества должна меняться парадигма образования. Знать и уметь мало, если речь идет об обучении по образцу и о репродуктивном воспроизведении умений. Жизнь востребует творческий

опыт, которым можно овладеть только в условиях *креативного образования*. Отставание образования от жизни, которая динамичнее, чем педагогика и образование, ставит вопрос об *опережающей функции образования*, которое должно предвидеть жизненные тенденции и своевременно реагировать на запросы общества – зачем, чему и как человеку учиться [3].

Существующие издержки современной системы общего образования, такие как функциональная неграмотность выпускника школы, неуверенность в выборе профессиональной траектории, пассивность в решении актуальных жизненных вопросов в ситуациях неопределенности, коммуникативная некомпетентность, неспособность проявлять творчество в решении учебных и социальных задач, ставят ученых и педагогов-практиков перед необходимостью поиска новых подходов и форм организации образовательного процесса, в том числе и форм семейного образования. В качестве одного из путей решения встающих перед школой проблем можно обозначить возрождение в России семейного образования. Сегодня российские эксперты в области семейного образования утверждают, что у определенной части родителей сформировалась потребность в образовании детей вне стен школы [7, с. 167].

В советское и постсоветское время семейное образование в России было скорее исключением, чем массовой практикой, но в последние годы число обучающихся вне школы растет, расширяется их контингент. Результаты исследований показали, что в 2018 г. во всем мире образование в семейной форме получали около трех миллионов детей, из них в России – 250 тысяч. Количество родителей, желающих использовать для образования детей альтернативные формы, с каждым годом возрастает. На начало 2015–2016 учебного года около 0,058 % учащихся России, т. е. около 8,5 тысячи обучающихся, находились на семейном образовании [6, с. 72–80]. По данным Минобрнауки Пермского края, на 1 сентября 2019 г. находилось на семейном образовании 589 учащихся, из них основная масса концентрировалась в крупных городах и районных центрах (например, в Перми – 317 обучающихся, в Пермском районе – 99, в Краснокамске – 43, в Кунгуре – 16, в Чайковском – 21 и т. д.).

Семейное образование востребовано среди родителей, которые готовы обучать своих детей дома самостоятельно; как показывает статистика, возрастает количество таких семей в районных центрах и городах. Закон об образовании право выбора различных форм получения образования и обучения детей в зависимости от потребностей семьи и ребенка оставляет за родителями.

Причины выбора родителями семейного образования могут носить различный характер. Анализ исследований показывает наличие в России большинства значимых педагогических условий становления и перехода на семейное образование. Причины называют следующие [3; 9]:

1) религиозные (сложность совмещения уклада жизни семей со школьным распорядком),

2) связанные с физиологическими и психическими особенностями детей (например, синдром дефицита внимания и гиперактивности является одним из самых распространенных факторов нарушения поведения и проблем в учебе у детей школьного возраста),

3) занятие профессиональным спортом или различными видами искусства (вследствие регулярных сборов и участия в конкурсах дети не имеют возможности на постоянной основе посещать уроки),

4) раннее интеллектуальное развитие (дети опережают школьную программу и используют интеллектуальные механизмы, которые характерны для детей старшего возраста),

5) трудности в адаптации и взаимодействии ребенка с детским коллективом,

6) сложности с обучением, обусловленные, к примеру, потерей мотивации к учебной деятельности,

7) несоответствие результатов образовательного процесса в образовательных учреждениях запросам родителей и учащихся,

8) готовность родителей к принятию мер по повышению образовательного уровня детей.

Главными принципами семейного образования являются:

– приоритет семьи в образовании ребенка,

- право семьи выстраивать образовательную траекторию обучения;
- образование определяется в первую очередь индивидуальными интересами и особенностями ребенка, а не только школьной программой,
- индивидуализация обучения,
- мотивация интереса к учебе,
- опора в обучении на способность учащегося к самостоятельному поиску и усваиванию информации.

Переход на семейное образование регламентируется следующими нормативными актами:

- Федеральный закон «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ от 29.12.2012,
- приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.08.2013 № 1015 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»,
- письмо Министерства образования и науки РФ от 15.11.2013 № НТ-1139/08 «Об организации получения образования в семейной форме»,
- приказы Минобрнауки России от 25.12.2013 № 1394 и от 26.12.2013 № 1400 с внесенными в них изменениями об утверждении порядков проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего образования и среднего общего образования соответственно,
- Приказ Минобрнауки России от 22.01.2014 № 32 «Об утверждении порядка приема граждан на обучение по основным образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»,
- ФГОС общего образования,
- нормативно-правовые акты субъекта РФ,
- локальные акты образовательной организации, содержащие информацию об аттестации обучающихся, получающих образование в форме семейного образования.

Согласно действующему российскому законодательству общее образование может быть получено детьми не только в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, но и вне данных организаций в форме семейного образования и самообразования (ст. 17 и ст. 63 Закона об образовании) [1].

Ст. 43 Конституции Российской Федерации гарантирует право каждого на образование и рассматривает получение основного общего образования как обязанность. Получение основного общего образования детьми должны обеспечить родители либо заменяющие их лица.

Возможность получения общего образования в форме семейного образования ни в коем случае не умаляет конституционную норму об общеобязательности получения основного общего образования. Ст. 44 Закона об образовании, регламентирующая права, обязанности и ответственность в сфере образования родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, в подп. 2 п. 3 ст. 44 предоставляет им следующее право: дать ребенку дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование в семье [1].

Решение о выборе формы получения образования – это право родителя (законного представителя), которое принимается с учетом мнения ребенка. Согласно Закону об образовании родителям (законным представителям) не может быть отказано в переводе ребенка на другую форму обучения. Допускается сочетание различных форм получения образования и форм обучения. Таким образом, можно совмещать семейное образование и очную форму обучения в образовательной организации: например, родителями (законными представителями) с учетом мнения ребенка может быть принято решение о получении им образования в школе по нескольким предметам, а в остальной части – в форме семейного образования. По решению родителей (законных представителей) ребенок, получающий образование в семье, с учетом его мнения на любом этапе семейного образования вправе продолжить образование в образовательной организации. В этом случае обучение будет осуществляться по разработанной и утвержденной в школе образовательной программе.

Кроме того, образовательные организации, родители (законные представители) несовершеннолетнего обучающегося, обеспечивающие получение обучающимся общего образования в форме семейного образования, обязаны создать условия обучающемуся для ликвидации академической задолженности и обеспечить контроль за своевременностью ее ликвидации (п. 4 ст. 58). Если же обучающиеся в форме семейного образования не ликвидируют имеющиеся академические задолженности в установленные сроки, они обязаны продолжить получение образования в образовательной организации (п. 10 ст. 58). Таким образом, переход на форму семейного образования не снимает ни с родителей обязанности обеспечить получение их детьми общего образования, ни с государства соответствующих контролирующих функций.

Для перевода на семейное образование от родителя (законного представителя) требуются только информирование местного органа управления образованием и заявление в школу о выборе этой формы получения образования. По-видимому, это является упущением законодателя. Должны быть установлены критерии, подтверждающие компетентность родителей и их состоятельность взять на себя обязательства по обучению и воспитанию своих детей. И, несомненно, надо более четко регламентировать персональную ответственность родителей обучающихся за качество обучения детей.

Исходя из нормы Закона об образовании, посылать уведомление о переходе на семейное образование каждый год не требуется, достаточно сделать это один раз – при выборе семейного образования. Если же родители (законные представители) после этого сменили форму обучения на очную, то при следующем переходе на семейное образование придется снова писать уведомление и заявление в образовательную организацию. Написать заявление о выборе формы получения образования родители (законные представители) могут в любой момент, так как Закон об образовании не ограничивает ни сроки, ни количество изменений формы. Это означает, что обучающиеся или (и) их родители (законные представители) вправе менять форму получения образования по своему усмотрению.

В настоящее время в образовательном сообществе существует путаница в употреблении понятий, характеризующих обучение вне общеобразовательных организаций. Из текста закона не вполне понятно, являются ли термины «семейное образование» и «обучение на дому» синонимичными. В англоязычных странах используется термин «домашнее обучение», в Российской Федерации – «семейное образование». На данный момент отсутствует международная классификация форм обучения [7, с. 167].

Необходимо уточнить содержание понятий, используемых в рассматриваемых практиках. Анализ российских нормативно-правовых документов, регламентирующих формы обучения, позволяет сделать вывод, что понятия «семейное образование» и «обучение на дому» не являются синонимичными, имеют существенные отличия, что отмечают в своих исследованиях Л.В. Халяпина и М.Н. Касаткин [4; 7].

Понятие «обучение на дому» употребляется применительно только к обучению детей с особыми образовательными потребностями. В ст. 41 и ст. 66 Закона об образовании законодатель использует такое словосочетание, как «обучение на дому». Исходя из п. 5 ст. 41, обучение на дому может быть организовано для обучающихся, нуждающихся в длительном лечении, а также детей-инвалидов, которые по состоянию здоровья не могут посещать образовательные организации. Основанием для организации обучения на дому или в медицинской организации являются заключение медицинской организации и обращение (в письменной форме) родителей (законных представителей).

Порядок регламентации и оформления отношений образовательной организации и родителей (законных представителей) обучающихся, нуждающихся в длительном лечении, а также детей-инвалидов в части организации обучения по основным общеобразовательным программам на дому или в медицинских организациях определяется нормативным правовым актом уполномоченного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (п. 6 ст. 41 Закона об образовании) [1].

Обучение на дому предполагает освоение общеобразовательных программ вне образовательной организации, при котором обучение

осуществляется педагогическими работниками соответствующих образовательных учреждений, в том числе с использованием дистанционных средств обучения. Обучение на дому – организация учебного процесса для детей с особыми образовательными потребностями, которые переведены на домашнее обучение, но являются полноправными участниками образовательного процесса образовательной организации. Ребенок, обучающийся на дому, является участником образовательных отношений, и школа несет ответственность за его обучение.

Семейное образование – организованная и осуществляемая родителями форма получения образования, заключающаяся в изучении и освоении обучающимся общеобразовательных программ начального, основного и среднего общего образования вне образовательной организации, с последующей промежуточной и государственной итоговой аттестацией в данной организации. В соответствии с п. 3 ст. 17 Закона об образовании аттестация осуществляется в порядке экстерната. Ребенок, осваивающий общеобразовательную программу в форме семейного образования, и его родители (законные представители), обеспечивающие получение ребенком общего образования в форме семейного образования, перестают быть участниками образовательных отношений. Ответственность за обучение и освоение образовательной программы несут родители.

Восстановление образовательных отношений с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, возможно на период прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации. Регламентируются отношения между школой и родителями гражданско-правовым договором, а также региональным законодательством, которое устанавливает меру ответственности родителей за обучение своих детей. В зарубежной теории и практике, где накоплен богатый опыт организации семейного образования, обучение на дому («домашнее образование») означает образование детей дома силами родителей, но не исключает привлечения педагогических работников. Родители несут полную ответственность за освоение образовательной программы своим ребенком.

Таким образом, анализ правовых норм, посвященных обучению на дому и семейному образованию, позволяет сделать вывод, что это не равнозначные понятия. Соответственно, «обучение на дому» относится к образованию в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и возможно только при наличии указанных условий, а «семейное образование» осуществляется вне образовательных организаций и возможно по желанию обучающихся и их родителей (законных представителей).

Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, обеспечивающие получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования, имеют право на получение методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи без взимания платы, в том числе в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях, если в них созданы соответствующие консультационные центры (п. 3 ст. 64 Закона об образовании). Предоставляются такие виды помощи органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Результатом обучения в форме семейного образования является итоговая аттестация в форме экстерната в образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность. Однако анализ нормативной базы субъектов РФ по регулированию семейного образования показывает, что данная помощь родителям декларирована, но на практике не оказывается.

Очевидно, что реализации права на образование в форме семейного образования мешает неразработанность нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу общественных отношений на федеральном уровне. В основном порядок семейного образования регламентируется нормативно-правовыми актами уполномоченных органов государственной власти субъектов РФ, поэтому представляется необходимым единообразное регулирование получения семейного образования на федеральном уровне.

Анализ организации обучения в семейном образовании показывает, что она различна в зависимости от региона. Однако большинство семей сталкивается с проблемами, связанными с самим процессом обучения, организацией этого процесса дома, выбором содержания, методов, средств

обучения, так как родителям приходится выполнять роль не только учителя, но и методиста, разрабатывающего план и стратегию обучения своего ребенка. Родители имеют право на получение методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи от общеобразовательных организаций.

Родитель должен нести ответственность не только за результаты обучения ребенка вне образовательной организации, но и за выбор путей и способов достижения детьми образовательных результатов. Не все родители компетентны в организации образовательного процесса. Преодоление выявленных проблем кроется в усовершенствовании нормативно-правовой базы, регламентирующей семейное образование, создании системы подготовки родителей (законных представителей) к реализации идей и принципов семейного образования, а также системы психолого-педагогического и организационно-педагогического сопровождения обучающихся и их семей, избравших альтернативные способы получения общего образования. Например, в Пермском крае некоторые родители пользуются услугой центров дополнительного образования, в частности, АНО ДО «Семейный образовательный центр “Марьюшка”».

Довольно сложным вопросом является аттестация обучающихся в форме семейного образования. Аттестация бывает текущая, промежуточная и государственная итоговая. В Законе об образовании не говорится об обязанности ежегодно проходить промежуточную аттестацию, а только о праве на это. Обучающиеся в форме семейного образования в соответствии с ч. 3 ст. 34 Закона об образовании имеют право пройти промежуточную и государственную итоговую аттестацию в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по соответствующей, имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. Указанные лица, не имеющие основного общего или среднего общего образования, вправе пройти экстерном промежуточную и государственную итоговую аттестацию в организации, осуществляющей образовательную деятельность по соответствующей, имеющей государственную аккредитацию, основной

общеобразовательной программе, бесплатно. Более детальная регламентация аттестации нашла отражение в региональном законодательстве.

Общеобразовательные организации вносят соответствующие изменения в уставы, другие локальные акты в части регулирования вопросов проведения промежуточной аттестации обучающихся, получающих образование в форме семейного образования. Например, постановлением правительства Пермского края от 17.09.2013 № 1224-п «Об утверждении порядка предоставления компенсации затрат родителям (законным представителям) на получение обучающимися начального общего, основного общего, среднего общего образования в форме семейного образования в Пермском крае» родители получают выплату, составляющую 80 % от расчетного показателя расходов на обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение образования в общеобразовательной организации на одного обучающегося в год. Однако компенсация выплачивается родителям только при условии нахождения обучающегося в контингенте общеобразовательной организации, заключения договора между родителем и образовательной организацией, успешного прохождения обучающимися промежуточной и (или) итоговой аттестации, которое определяется оценками «отлично», «хорошо», «удовлетворительно».

Образовательной организацией должен быть принят соответствующий локальный акт, регламентирующий порядок организации и прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации, в том числе экстерната. При этом вышеуказанный локальный акт должен быть доступен для беспрепятственного ознакомления, в том числе на сайте образовательной организации в Интернете.

В отличие от Закона об образовании, региональное законодательство устанавливает требование о прохождении промежуточной аттестации каждую четверть, что вызывает недовольство со стороны родительской общественности. Родители считают, что таким образом нарушается право на выбор семейного образования, так как включение в контингент школы, подчинение внутренним локальным актам, соблюдение графика учебного процесса являются признаками иных форм обучения. Нарушается сам принцип

образования в семье. Министерство образования и науки Пермского края считает, что нарушений нет, поскольку органы власти отвечают за качество образовательного процесса и результаты обучения. Если экстерн при прохождении промежуточной аттестации получает неудовлетворительную оценку, имеет академическую задолженность и не ликвидирует ее, то он продолжает обучение в образовательной организации.

Существующий зарубежный опыт в области организации семейного обучения можно использовать в российских регионах. В то же время в международно-правовой системе семейное обучение не является фундаментальным правом, но квалифицируется как допустимая форма обучения. В большинстве развитых стран семейное образование рассматривается в качестве альтернативы частным и публичным школам. Такая форма обучения признается наиболее соответствующей образовательным потребностям семей, проживающих в отдаленных сельских районах либо временно проживающих за рубежом.

Право родителей на семейное образование ребенка в европейских странах не оспаривается. Ему противопоставляются государственная ответственность за образование ребенка и обучение ребенка преимущественно в государственных школах (Германия), установление оснований выбора обучения в данной форме (Дания, Великобритания, Франция), публичный учет детей и контроль качества образования, получаемого в семье (например, во Франции – установление причин домашнего обучения, которые излагаются ответственными за ребенка лицами; установление соответствия предоставляемого детям образования их состоянию здоровья; проверка условий жизни в семье) [8, с. 150–160].

Зарубежное законодательство устанавливает достаточно либеральные стандарты квалификации родителей, обучающих детей в семье, в том числе в части наличия или отсутствия образовательного ценза. Выполнение правовых обязанностей в сфере семейного образования обеспечивается установленными санкциями за нарушение соответствующих положений образовательного законодательства (от штрафа до принудительного перевода на обучение в публичные или частные школы или лишения родительских прав). Например,

во Франции за нарушение родителями своих обязанностей законодательством установлена уголовная ответственность. Как видим, организация семейного образования в разных странах исходит из баланса интересов ребенка, родителей, общества и государства.

Итак, развитие семейного образования в России вызвано совокупностью взаимосвязанных социальных, культурных и политических процессов, представляющих собой объективные тенденции, характерные для большинства стран мира: ориентация на обучение и воспитание в условиях индивидуализации и гуманизации, повышение образовательного уровня родителей, либерализация общественной жизни.

Полноценной реализации потенциала семейного образования препятствуют следующие основные проблемы: проблема социализации и подготовки учащихся по отдельным дисциплинам (технология, физкультура и др.) отсутствие эффективного взаимодействия родителей, реализующих семейное образование, и образовательных учреждений, отсутствие методической службы, оказывающей консультационную помощь заинтересованным лицам, недостаточный мониторинг в области семейного образования.

Можно отметить, что крайне общее нормативное регулирование получения образования в семейной форме на федеральном уровне породило разнообразную практику регулирования отдельных его аспектов на региональном уровне и разное толкование отдельных понятий (обучение на дому, семейное образование). Не ограничивая право родителей на семейное образование, считаем необходимым законодательно указать критерии компетентности родителей (законных представителей) в организации процесса обучения, воспитания и развития детей, а также основания выбора родителями (законными представителями) того или иного варианта организации семейного образования.

Сегодня семейное образование предусмотрено законодательством и является частью российской действительности, поэтому возникает необходимость разработать систему поддержки и консультационной помощи подобным семьям в очной или дистанционной форме, например, посредством

создания центров поддержки семейного образования на региональном и муниципальном уровнях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. *Антуфьева М.П.* Актуальные вопросы семейного образования: понятие, причины, подходы, проблемы // Молодой ученый. 2018. № 15. С. 204–206. URL: <https://moluch.ru/archive/201/49371/> (дата обращения: 11.11.2019).
3. *Дудина М.Н.* Новая образовательная парадигма: проблема качества образования // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=513> (дата обращения: 17.11.2019).
4. *Касаткин М.Н.* Семейное образование как правовая форма получения образования в России и Великобритании // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 30–33.
5. *Матвеев В.Ю.* Правовое регулирование семейного образования на региональном и муниципальном уровнях // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 97–105.
6. *Поливанова К.Н., Любичкая К.А.* Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 72–80. URL: http://psyjournals.ru/files/86638/jmfp_2017_n_2_Polivanova_Lyubitskaya.pdf (дата обращения: 29.10.2019).
7. *Халяпина Л.В.* Семейное образование в России и за рубежом // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 2 (71). С. 167–175.
8. *Цомартова Ф.В.* Проблемы правового статуса семейного образования: компаративный аспект // Ежегодник российского образовательного законодательства. Образовательное право за рубежом. 2013. Т. 8. С. 150–160.
9. *Якунина А.Н.* Педагогические условия становления семейного образования в России : культурно-исторический подход : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 23 с.
10. *Якунина А.Н.* Семейное образование: вопросы социализации // Современные проблемы социальной психологии и социальной работы: матер. IX межвуз. науч.-практ. конф. СПб. : Изд-во ГУП, 2014. С. 129–131.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В постиндустриальном обществе индивидуализация и утилитаризация становятся основополагающими характеристиками человеческого бытия, под влиянием которых происходит трансформация прежних социальных ориентиров и ценностей. Остро встает проблема приобщения к ценностям и императивам. Как известно, приобщение личности к общности происходит в процессе идентификации, где интериоризация внешнего опыта в конечном счете становится собственным опытом. Проблема реалий постиндустриального общества заключается в том, как идет их формирование: репрезентативно или нормативно. Современный дискурс коммуникации формируется в субъектно-субъективной стилистике, что ведет к открытости и поливариантности мира. Устойчивость и целостность картины мира обусловлены увеличивающейся скоростью где-то отрицания, где-то устаревания ценностей и императивов. Инновация побеждает культуру. Под ее влиянием возрастает роль социальной мобильности. С одной стороны, это обеспечивает социальную и экономическую доступность, с другой – ведет к переформатированию прежних социальных статусов субъектов. Упрощенность и мобильность становятся средствами проектирования реальности. Социальный статус субъекта постиндустриального общества определяется им зачастую как право на «собственную уникальность». «Индивидуализация» как социальный идеал, опирающийся на ценности свободы и самореализации личности, переходит в поведенческий контекст, опирающийся на психологические основания бытия индивида. Вопросы сущности и саморазвития индивида заменяются вопросами волюнтаризма и неограниченными технологическими возможностями. Природа субъекта тем самым иррационализируется по отношению к окружающему миру. Грань субъектно-объектного противопоставления стирается. Понятие «субъект» подменяется понятием «субъективность». Субъективность иррациональна, ни с чем себя не отождествляет, ничего не превозносит,

не проводит деления на высшие и низшие ценности, постоянно находится в поиске зоны собственной свободы. Данному процессу способствует проникновение в жизнь общества информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на «упрощение» сферы коммуникации, структурирование социальных систем усложняется. Новая информационно-коммуникативная среда формирует запрос на иные формы субъектности. Физический субъект становится виртуальным субъектом, ориентированным на символизм, поскольку коммуникация происходит преимущественно в форме текста. Запрос на потребление информационного пространства приводит к изменению сознания субъекта, без жестких внешних императивов и иллюзий свободного приобщения. При этом виртуально-цифровая среда так же, как и прежде, требует упорядочивания, структурирования, управления и проектирования, что предписывает новому субъекту все же поддерживать классическую познавательную культуру, прежде всего критическое мышление.

Научное издание

Краузе Александра Анатольевна
Порозов Владимир Александрович
Шишигин Андрей Владиславович
Андруник Андрей Петрович
Шаяхметова Венера Рюзальевна
Довгяло Валерий Казимирович

**ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Монография

Под общей реакцией
Краузе Александры Анатольевны

Редактор *М.Г. Коровушкина*
Технический редактор *Д.Г. Григорьев*

ИБ № 38/20

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Бумага ВХИ. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,7.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, каб. 115,
тел. +7 (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614990, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 5,
тел. + 7 (342) 206-06-86,
<http://www.aster.print.ru>